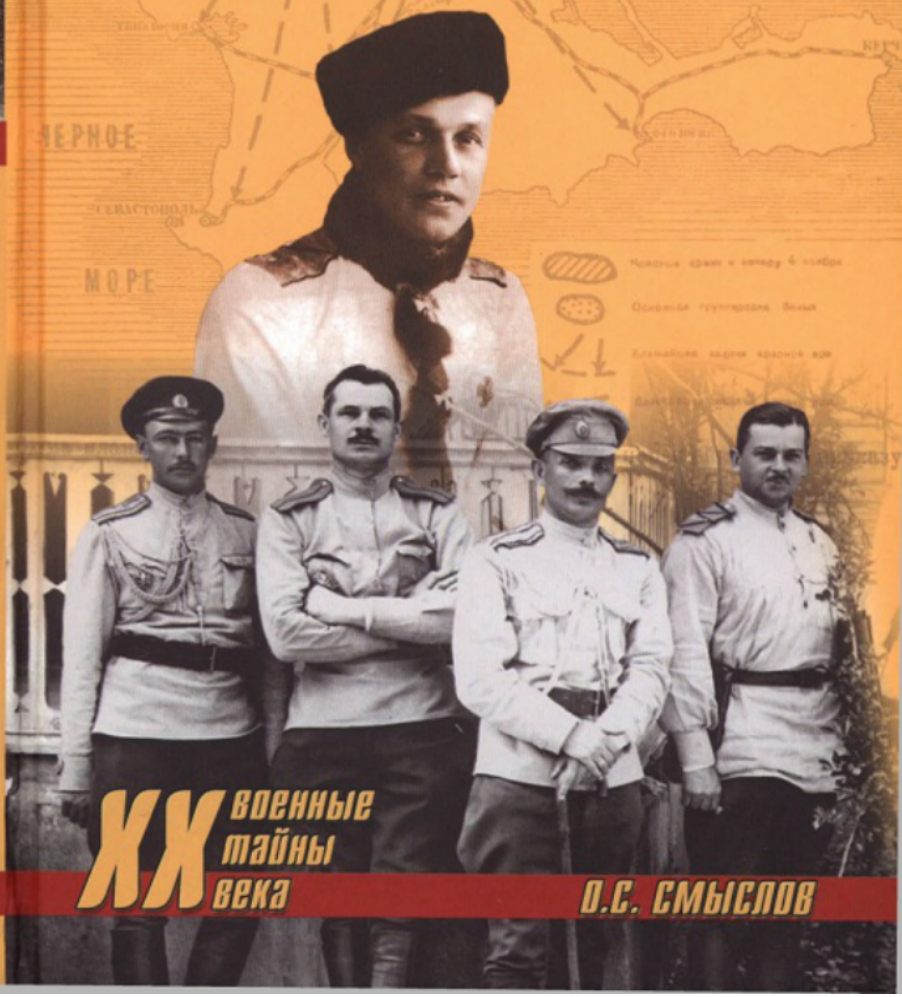
ХХ военные тайны века

ГЕНЕРАЛ СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ

ГЕНЕРАЛ СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ

Победы, эмиграция, возвращение



ХХ военные тайны века

О.С. СМЫСЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащёва удивительна даже для большинства участников Гражданской войны в России. Начав службу гвардейским офицером, Слащёв отличился в годы Первой мировой войны, а Гражданскую войну закончил корпусным командиром. Оказавшись в эмиграции, генерал Слащёв многое переосмыслил в своей жизни, результатом чего стало его возвращение в Советскую Россию и служба в Рабоче-крестьянской Красной армии.

Личность генерала Слащёва была настолько ярка, что стала прототипом генерала Хлудова в пьесе М.А. Булгакова «Бег».

В своей новой книге О.С. Смыслов рассказывает о непростой судьбе белого генерала, вернувшегося в Советскую Россию, и об обстоятельствах его таинственного убийства.

- СМЫСЛОВ Олег Сергеевич
  - От автора
  - Пролог
  - Глава первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - Глава вторая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - Глава третья
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - Глава четвёртая
    - 1
    - 2

- 3
- 4
- 5
- 6

- Глава пятая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Глава шестая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Глава седьмая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Глава восьмая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Глава девятая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Глава десятая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- 6
- Епилог
- Източници и литература

СМЫСЛОВ Олег Сергеевич
Генерал СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ
ПОБЕДЫ, ЭМИГРАЦИЯ, ВОЗВРАЩЕНИЕ

От автора

Городу-герою Керчи, где есть улица Курсантов,
ПОСВЯЩАЮ…

Его жизнь не просто заинтересовала меня, как обычно интересуют нас невероятно удивительные истории. Она показалась мне необычайно яркой, несказанно честной, храброй, мужественной и поучительно трагичной. Непросто найти вторую такую среди биографий военачальников Белой армии. Яков Александрович Слащёв-Крымский был среди них самой настоящей «белой вороной». Как потомственный русский дворянин, он любил военное дело больше всего на свете. Для него профессия защищать своё Отечество всегда стояла на самом первом месте. В таких исключительных умах и характерах выбора не существует. И он посвятил себя этому делу до конца, как в таких случаях говорят, без остатка. Более того, своими манерами и поведением Яков Александрович в некотором роде весьма походил на знаменитых русских генералов, таких как Денис Давыдов и Михаил Скобелев. Общего действительно много, но, к сожалению, военному таланту Слащёва раскрыться, в полном смысле этого слова, так и не довелось. Увы, виной тому были всего лишь обстоятельства, которые, как мы знаем, нередко бывают выше нас.

При жизни его называли по-разному: и «генералом Яшей», и «Слащёвым-Крымским», и «Слащёвым-вешателем», и «генералом-предателем крымским», и «товарищем Слащёвым». Где была правда, а где ложь, я и попытался разобраться, пройдя сквозь огромное количество весьма увлекательного материала. Безусловно, прежде всего документального. Написанного о Слащёве оказалось вполне достаточно, чтобы прояснить многое из короткой жизни белого генерала. Талантливый от Бога Яков Александрович и сам находил время писать, что, несомненно, у него получалось. Не зря же говорят, талантливый человек — талантлив во всём! Это касается и моего героя. Он действительно был одарён многими талантами. Но в отечественной истории остался прежде всего за одну из своих главных военных заслуг — защиту белого Крыма.

Правильное написание фамилии Якова Александровича — «Слащёв» или «Слащов», как это встречается у самых разных авторов статей, публикаций и книг, заставило меня поинтересоваться и этим вопросом. К слову сказать, фамилия

«Слащёв» образована от прозвища «Слащ», которое восходит к прилагательному «сластный», что в старину имело значение «чувственный, сладострастный». Как считают специалисты, прозвище «Слащ» указывало на особенности характера человека. С другой точки зрения, его мог получить сладкоречивый человек, льстец. В псковских же говорах такое прозвище обычно давали пряничнику, разносчику сладостей. В 40 % фамилия Слащёв имеет чисто русское произношение. Точное написание фамилии нашего героя всё-таки через «ё», то есть «Слащёв». Это правильно прежде всего и по правилам русского языка, и по дошедшим до нас историческим документам. Сам Яков Александрович Слащёв свою собственную фамилию так и писал через «ё». А писал он разборчиво и достаточно аккуратно. Личный автограф генерала подтверждает это. На первой книге Слащёва «Ночные действия», изданной в 1913 году, также можно увидеть букву «ё», как и на изданной в 1921 году в Константинополе брошюре «Требую суда общества и гласности». То есть сам Яков Александрович писал свою фамилию правильно, через «ё».

Пролог

В здание Всероссийской Чрезвычайной комиссии на Лубянке, которое в народе прозвали «Госужасом», генерала Слащёва привезли на автомобиле 10 ноября 1921 года. В этот день, как отметит очевидец, погода стояла хорошая, сухая, ровная, с морозами до 6 градусов. Надо сказать, что привезли его не как арестованного, а скорее как гостя, добровольно вернувшегося из заграницы.

Якова Александровича проводили по длинному коридору в один из просторных кабинетов, где его ожидали люди, с любовью названные великим пролетарским писателем Максимом Горьким «чертями драповыми». (Стены дома, где размещалась ВЧК, были облицованы чёрным лабрадором). Удобно расположившись напротив необычно вежливых чекистов, белогвардейский генерал закурил папиросу и согласился на чай. Разговор был спокойным и неторопливым. Нетрудно было заметить даже самым невооружённым глазом, что здесь никто никуда не спешит. Беседа, несколько напоминающая допрос, на самом деле таковой не была.

— Каково ваше отношение к советской власти? — задаётся вопрос из серии тех, что готовятся обычно заранее.

— Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом, отношусь к советской власти, как к лицам, представляющим мою Родину, как к лицам, представляющим интересы народа, потому что побеждают все нарождающиеся против них движения и, следовательно, удовлетворяют идеям большинства. Как военный ни в одной партии не состою, но служу своему народу и с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству.

— Что побудило вас приехать?

— Вышеуказанное желание работать на свой народ, предложение Советского правительства через Яна Петровича Ельского и нежелание работать на пользу Англии и Франции.

Допив чай, Яков Александрович рассказал чекистам про общее положение Добровольческой армии и кратко коснулся её численности. Без труда назвал места расположения её частей. Дал ёмкие характеристики руководителям армии:

«Врангель — честолюбив, властолюбив, хитёр и в душе предатель, но самый умник из оставшихся там генералов — ещё могу добавить: продажен и любит (очень умно) присвоить чёрную собственность себе на благо.

Кутепов — отличный строевик — фельдфебель — годится на

должность до командира батальона — всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле не стоит ничего.

Шатилов — (начштабглав) — военная бездарность и вор.

Барбович — насколько знаю, человек честный, по образованию мало.

Богаевский — (Донской атаман) — умница, нерешителен, великолепный кабинетный работник.

Тундутов (Астраханский атаман) — авантюрист, хитрый и смелый, может идти на шантаж, свойственный Врангелю.

Витковский (занимает разные должности и служит помощником Кутепова) — не опасен, очень глуп…»

Вполне логично следует и такой вопрос чекиста:

— Каково настроение офицеров и солдат Добровольческой армии?

— 80 процентов желают вернуться домой, но боятся, — не раздумывая, отвечает белый генерал. — 100 процентов ненавидят Англию и Францию.

— Отношение к Добровольческой армии Англии и Франции?

— Желание использовать как наёмную силу, — звучит твёрдый голос Слащёва.

— Средства существования Добровольческой армии?

— Не знаю. Генерал Врангель через меня получил от Деникина 50 миллионов золотом. Дальнейших дел не знаю. Сейчас платят офицеру 2 лиры, а солдату одну лиру в месяц.

— Планы союзников по отношению к Добровольческой армии?

— Как докладывал, использовать в свою пользу.

— Каковы планы Врангеля для различных белых организаций?

— За счёт будущих благодеяний в России получить от союзников деньги, устроить через подкупных лиц в России смуту и в момент анархии явиться в Россию с организованной Добровольческой армией.

О предложениях, полученных от Антанты, монархических организаций и генерала Шкуро, Слащёв рассказывает достаточно подробно. Чекистов это интересует особенно.

Характеризуя русских эмигрантов в Константинополе, он, как всегда, чужд всяким сантиментам:

— Много мерзавцев и пьяниц — надо делать персональный выбор.

И вот, наконец, наступает кульминация беседы:

— Каково ваше отношение к возможным предложениям Антанты или белых организаций?

— Обо всём предложенном мне доложу правительству.

Прошу иметь в виду, что я не изменник, не перебежчик, а я человек, открыто вышедший в отставку и имеющий право поступить на ту службу, к которой влечёт его сердце. Но, поступив на службу, я за свою верность ручаюсь своей честью.

— Ваши предложения относительно дальнейшей службы?

— Прошу строевой должности, даю слово служить честно!

Именно в этот день, 10 ноября 1921 г., во всех советских газетах было напечатано правительственное сообщение о прибытии из Константинополя тайно от барона Врангеля в советскую Россию генералов Слащёва и Мильковского и штаб-офицеров Гильбиха, Мезерницкого и Войнаховского. Как отметит в своём дневнике Н.П. Окунёв, *«это маленькое происшествие Стеклов уже поторопился назвать «прозрением». Это, дескать, «толчок, который приведёт в движение не одну совесть. Психологически массы не только рядовых воинов, но и офицеров-белогвардейцев подготовлены, — говорит Стеклов, — к разрыву со своим мрачным прошлым»».*

Глава первая
Москва, курсы «Выстрел», 1920-е годы

1

Яков Александрович и сегодня читал лекцию, практически не заглядывая в её написанный текст:

— Первое. Рецепта для победы дать нельзя, но указать основы, способствующие победе, можно. Второе. Побеждает сильнейший. Третье. Всюду сильным быть нельзя — надо уметь распределять свои силы. Четвёртое. Сильным надо быть в районе больном для противника, то есть там, где наша победа отразиться скорее, чем успех противника в другом месте. Пятое. Только маневр во всех частях может дать это превосходство сил. Шестое. Человек размещается и действует сообразно свойствам той машины боя, которой он вооружён, и превосходство сил измеряется не только кулаками (штыками), а машинами и готовностью к борьбе данных бойцов. Седьмое. Маневрируют не только людьми, но и огнём. Восьмое. Атака машинизированных частей не может производиться валовым способом, а должна откусывать окоп за окопом, сосредотачивая каждый раз (против каждого окопа) превосходные силы. Девятое. Знать место огневых точек противника заранее никто не может — их места расположения рота узнает, только вызвав огонь своим наступлением. Поэтому комроты может поставить своим взводам задачу об атаке (не о наступлении), только показав им окоп для этой атаки, то есть раньше рассмотрев его сам. Десятое. Оборона может быть только временным средством. И, последнее, что необходимо вам зазубрить себе на носу. Современные машины настолько сильны, что они в мелких частях сильнее кулаков (штыков), и каждому командиру надо произвести строгую оценку: что лучше — огонь его резерва (поддержки) или его контратака?

После этих слов преподаватель тактики сделал небольшую паузу. Внимательно осмотрел слушателей и, улыбнувшись, сказал:

— Все успевают? Или кто-то ещё ленты к пулемёту подносит? Не забывайте, товарищи, что вы приехали сюда учиться военному делу. И если вы будете познавать это дело медленнее, чем вам это положено, то сами понимаете, — Слащёв развёл руками, — ваши знания не сильно пополнятся необходимой для вас теорией. А теперь продолжим.

Во все времена военная мысль и ставящие ей требования стремились к созданию какого-то рецепта для одержания победы. Даже такой великий практик и теоретик военного дела, как Наполеон, не раз говорил — «Когда у меня будет время — я отпишу способы одержания победы — и всем потом это будет

просто делать».

Я назвал, между прочим, Наполеона и великим теоретиком военного дела (о его практике, думаю, никто спорить не будет) именно потому, что он все свои решения строил на опыте военной истории. Он сумел использовать все тактические приёмы, выдвинутые революцией, подведя под них научный, теоретический фундамент, взятый им из военной истории, и этим путём создать свою великую тактику, разбившую лучшие армии того времени, действовавшие своим устарелым способом, не соответствующим идее вооружённого народа. Как личность выдающаяся, выдвинутая армией революционной буржуазии Франции, он сумел, впитав в себя её соки, претворить и систематизировать эти соки, дав величайшие образцы военного искусства. Это является одним из образцов значения личности в истории, т. е. сам продукт среды и сам в дальнейшем влияющий на неё.

Если мы проследим военную историю, дошедшую до нас, то мы увидим, что все «законодатели» военного дела, если можно так выразиться, всюду и везде (во все времена) создавали одно положение: сильнейший бьёт слабейшего. Это есть основной принцип военного искусства (прошу прощение за немодное выражение), происходящий от «интегрального полководца» до рядового красноармейца.

Не думаю, чтобы кто-нибудь стал со мной спорить о том, что сильнейший побьёт слабейшего, в особенности после того, как я расшифрую это понятие — в него входит вся сила, то есть человек с его настроением, обучение и те машины, которыми он руководит, — число людей во всей военной истории и практике последнего времени являлось величиной переменной.

Чем же создавалась эта величина? — Тем орудием смерти противника, которое было в руках бойцов и всей армии: когда-то строили бойцов на месте удара в 48 шеренг взамен 12 остального строя, потому что сила была в непосредственной свалке — результат — победа. Когда-то сосредотачивали огромное большинство артиллерии в одном месте (удара), потому что она стреляла от 500 до 1000 шагов, и этим шквалом огня ломили противника, когда-то шли колоннами в одном месте, предоставляя остальное малодействительным тогда стрелкам. Все силы сосредотачивались туда, где можно было достигнуть наибольшего успеха, сделавшего больно противнику. Результат — победа. Этим вырисовывался второй принцип военного искусства, то есть сильнейший бьёт слабейшего, но так как сильным всюду быть нельзя, то надо быть сильным там, где нам выгодно (где больно противнику), и там развить свой успех, то есть принцип

частной победы.

Теперь спросим себя, что даёт нам это сосредоточивание сил в нужном месте — ясно передвижение людских и огневых сил туда, куда нам нужно, — то есть МАНЕВР.

Преподаватель тактики курсов «Выстрел» товарищ Слащёв военную форму любил, потому что, как говорится в народе, он в ней родился. Слушатели курсов не могли этого не заметить. На лекции, семинары и занятия он всегда приходил «с иголочки»: суконная рубаха из тёмно-серого мундирного сукна была чистенькой и отглаженной, точно такой же парадный вид имели и шаровары тёмно-синего цвета, блестели начищенные сапоги. Сам Яков Александрович был всегда подтянут, форма сидела на нём как влитая. Однако один «недостаток» всё же был: на суконных петлицах (малиновых с чёрной окантовкой), аккуратно пришитых на воротнике рубахи, располагалось по два красно-эмалевых прямоугольника, или по две «шпалы», что соответствовало тогда должностному положению помощника командира полка или командира отдельного батальона (К-8, восьмая категория старшего командного состава РККА из 14-ти «служебных категорий»). Как известно, Яков Александрович в Белой армии имел чин генерал-лейтенанта.

2

18 ноября 1921 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено и утверждено предварительное заключение Л.Д. Троцкого и И.С. Уншлихта по вопросу дальнейшего поведения в отношении Слащёва и его группы:

«Предлагаем:

1) Копии показаний прислать Троцкому и Чичерину, дабы эти показания могли быть изучены с точек зрения военной и дипломатической и дабы заинтересованные ведомства могли поставить ряд дополнительных вопросов перед ВЧК.

2) ВЧК по соглашению с военным ведомством и Наркоминделом (тройка — т.т. Уншлихт, Троцкий, Чичерин) составляет в кратчайший срок сообщение о возвращении группы Слащёва с точными цитатами из показаний Слащова и других о причинах этого возвращения.

3) Одновременно слащовцы составляют воззвание к остаткам белых армий за границей. Воззвание это, просмотренное той же тройкой, публикуется одновременно с сообщением о прибытии группы или немедленно же на следующий день.

4) Ввиду заключающихся в показаниях Слащова ссылок на сравнительно недавние военные предложения агентов Англии и Франции, направленные против Советской России, необходимо отобрать на основании вопросов, формулированных Наркоминделом, точные показания от Слащова и других, как материал для дипломатической ноты.

5) Ввиду настаивания Слащова и других на предоставлении им военных должностей, преимущественно строевых, ответить им, что военное ведомство несомненно рассчитывает приобрести в их лице ценных работников, но что окончательное определение характера работы сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймёт мотивы, вообще освоится с этим фактом.

6) Тем временем главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией. Ввиду того, что мемуары эти

обещают дать ценный политический, военный и бытовой материал, предоставить надобности в распоряжение группы Слащова надёжных стенографов, которые облегчили бы работу, и назначить для редактирования и вообще для руководства этой работой определённого товарища литератора.

7) До написания этих мемуаров рекомендовать группе Слащова воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались. Указать Слащову и другим на большую политическую важность мемуаров.

8) Поддержать инициативу Слащова в отношении вызова других бывших врангелевцев в Советскую Россию, оказав необходимое содействие».

3

Жизнь Якова Александровича в «Совдепии», как пренебрежительно называли большевистскую Россию в эмиграции, не была счастливой… Нелегал в ВЧК (по заданию белого генерала Алексеева) действительный статский советник, военный контрразведчик Владимир Орлов о Слащёве рассказывал следующее:

«В Москве Слащёва поселили на Садовой, в доме Шустова. Вход был со двора, и окна тоже выходили во двор. В квартире имелись две смежные комнаты и кухня. В третьей комнате жил чекист, верхний этаж был передан старым сотрудникам спецотдела ОПТУ.

У Слащёва был телефон. Прослушивать телефон гораздо удобнее, чем просматривать корреспонденцию. Повар-латыш, который готовил для него, заодно просматривал все письма и фиксировал приходы посетителей, а живший по соседству чекист следил за Слащёвым и днём и ночью, что было источником постоянного унижения. Слащёв уже не был генералом…

Слащёв очень любил животных и в Москве целые дни проводил с соловьём, лишившимся лапки, курицей и воробьём. На лекциях по стратегии, которые Слащёв читал в стрелковом училище, его встречали криками и свистом. Некоторые слушатели в Академии Генерального штаба звали Слащёва «палачом». И даже дома ему не было покоя.

Ему постоянно досаждали беспризорники. Однажды в его окно влетел камень, в другой раз на него обрушился целый поток оскорблений и насмешек.

Иногда опрокидывали самовар, а в крупу подмешивали мел.

Однажды Слащёв выбежал из дома с кухонным ножом и скрылся за углом. Через несколько минут он вернулся в комнату с окровавленными руками, глаза его были полны ужаса.

«Эти скоты, — запинаясь, проговорил Слащёв, — пустили в комнату кошку. Она сожрала соловья и загрызла воробья. Всё это подстроено специально, чтобы досадить мне! Здесь всегда так! Своими преследованиями они хотят свести меня в могилу! Будь проклята эта чёртова дыра!»».

Нетрудно заметить, что в этом коротком рассказе переплелись и правда, и вымысел. Можно лишь предположить, откуда господин Орлов взял все перечисленные им случаи. Видимо, из обыкновенных пересказов, которые, пройдя через вторые или третьи руки, обычно превращаются в сплетни.

В ноябре 1921 г. Слащёва действительно поселили на Большой Садовой. Впоследствии (с 1922 г.) он проживал по адресу: Москва, Лефортово, Красноказарменная улица, дом 3. В доме преподавателей курсов «Выстрел». И, надо сказать, что в первые годы пребывания в Москве у Якова Александровича складывалось всё не так плохо, как об этом говорил Орлов. Просто тогда он был сильно нужен новой власти. Как считает А. Пронин, *«эффект отъезда Слащова в Советскую Россию, который Лубянка ныне числит в золотом фонде проведённых её спецопераций, оказался потрясающим»*. По словам писателя А. Слободского, он *«всколыхнул, буквально сверху донизу, всю русскую эмиграцию»*. За ним последовало возвращение на Родину ряда деятелей отечественной культуры, например, Алексея Толстого (1923 год). Но ещё более сильным оказался военно-политический выигрыш. По оценке французской разведки, *«переход Слащова на сторону Красной армии нанёс тяжёлый удар по моральному состоянию русских офицеров… Это неожиданная перемена со стороны боевого генерала… авторитет которого имел большой престиж… внесла большое смятение в дух непримиримости, который до сих пор доминировал среди офицеров и солдат Белой армии»*.

4

С новыми силами, с новыми надеждами Яков Александрович жадно хватается за работу. *«Слащёв работает, и как работает!* — пишет Д. Мельник. — *Помимо лекций он успевает ещё выступать с докладами, публиковать воспоминания и статьи по тактике, а его жена Нина Нечволодова-Слащёва, верный его помощник ещё в войну, организовывает в «Выстреле» любительский театр. К ним в общежитие после занятий каждый раз приходят преподаватели и слушатели. Это понятно: Слащёв прекрасный педагог,* — *ещё будучи двадцатишестилетним поручиком, он уже преподавал в элитном Пажеском корпусе в Петербурге».*

Очень много статей Слащёва было опубликовано в 1922 году. Например, в «Военном вестнике» в № 9, 10, 11, 12, 13 — «Операции белых, Петлюры и Махно на южной Украине в последней четверти 1919 года». В журнале «Военное дело» (№ 14, 1922 г.) — «Действия авангарда во встречном бою». В этом же журнале в № 15–16 — «Прорыв и охват (обхват)» и «Вопросы полевого устава». В № 17–18 — «Значение укреплённых полос в современной войне».

В 1924 году из-под пера Слащёва выходит книга, так необходимая новой власти: «Крым в 1920 году: Отрывки из воспоминаний». В следующем году Яков Александрович снимается в Крыму в кинофильме «Врангель» (фильм не увидел свет), которое ставило акционерное общество «Пролетарское кино». Играл он, естественно, самого себя: Я.А. Слащёва-Крымского, генерал-лейтенанта, командующего 3-м армейским корпусом, упорно оборонявшим последний оплот Белого движения на юге России.

В 1926 году в журнале «Выстрел» № 3, 1926 г. выходит его статья «Маневр как залог победы». В этом же году брошюра под названием «Период Врангеля. Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях». В 1927-м в журнале «Война и революция» № 6 ещё одна интереснейшая статья — «Борьба с десантами».

А как он преподавал в эти годы! *«Особое удовольствие доставляли Слащёву разборы проведённых им сражений,* — подчёркивает А. Хинштейн. — *В эти часы он точно преображался, сбрасывал с себя груз прожитых лет и вновь становился прежним Слащёвым-Крымским, не стесняющимся в словах и выражениях.*

«Преподавал он блестяще, — *вспоминал слушатель школы Батов, ставший впоследствии крупным советским военачальником,* — *на лекциях народу было полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели*

сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск»».

Чтобы оценить личность Слащёва как преподавателя, стоит немного отвлечься, но исключительно в пределах той эпохи. Например, дочь маршала Конева, Нина Ивановна, в своей книге об отце пишет:

> «В 1925–1926 годах отец находился на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии РККА (сокращённо КУВНАС). Название «курсы» выглядит на первый взгляд как-то облегчённо, но когда я внимательно изучила конспекты отца, тезисы записанных им лекций, развёрнутые планы семинарских занятий, разного рода академические документы, то испытала удивление: «красные командиры» получали весьма концентрированные и многосторонние знания. Меня восхитили обзоры по истории и теории военного искусства, например, анализ целей войны по трудам Верди дю Вернуа, сопоставление стратегических воззрений прусского военного теоретика фон Бюлова и генерал-фельдмаршала Мольтке.
>
> С тех времён в архиве отца сохранились емкие записи лекций знаменитых военных профессионалов, которые учили молодых командиров. Они были благодарной аудиторией: какое погружение в материал, какая искренняя влюблённость в знание, заинтересованность в деталях и жажда уловить оттенки смыслов в речах образованных наставников!
>
> Профессор Верховский в лекциях о механизмах управления войсками предлагал вниманию слушателей сопоставления с методами управления большим производством, скажем, в США, и советовал задуматься об инициативе и самостоятельности исполнителей, описанных в книге автомагната Форда «Моя жизнь».
>
> Некоторые мысли учителей в записях отца выделены. Обладая опытом участия в мировой и Гражданской войнах, он осознал значение руководства войсками в современном мире как искусство. Стратегический талант, разумеется с его точки зрения, — это дар, который преподносит судьба, но важна и доктрина, которая требует для её постижения интеллектуальных затрат.

Теория не должна быть застывшей догмой: помня о походах Юлия Цезаря, карфагенских войнах и наполеоновских сражениях, необходимо развивать военное искусство с учётом требований времени. Чувство новизны было присуще отцу в полной мере. В тетрадях выделены суждения профессора А. Свечина о том, что «стратегическая доктрина должна быть гибкой, а не представлять жёсткое учение». «Est modus in rebus» («всё имеет свою меру», по словам Горация). Мы должны искать модус в обстоятельствах данной войны, а не выходить с заготовленным на все случаи модусом».

Сохранился текст воспоминаний отца об учёбе на КУВНАСе, в котором ощущается гордость за то, что молодые командиры были приобщены к учёности, носителями которой были люди, сформированные предшествующей эпохой российской истории. Они получили возможность соприкоснуться с традицией служения Отечеству, взращённой опытом многих поколений русских офицеров».

Любопытно, что, несмотря на приобщение к учёности, соприкосновения с традицией служения Отечеству, на курсах и в академиях Красной армии случались и конфузы. Всё-таки нельзя не учитывать одно весьма важное обстоятельство: преподавали бывшие царские офицеры, а учились вчерашние крестьяне. Один из таких произошёл на занятиях знаменитого А.А. Свечина. Об этом написала правнучка знаменитого начдива Евгения Чапаева:

«Военную историю им преподавал старый царский генерал А.А. Свечин. Предмет он знал конечно же безукоризненно, учил слушателей очень хорошо. Это был один из тех военных специалистов, кто трезво оценивал обстановку в России и поставил себя на службу той настоящей родине, за которую воевал народ. Но у него имелся один «пунктик». Каждый раз, когда речь заходила о каким-нибудь историческом событии, связанным с революционным выступлением масс, он неизменно именовал действия народа «разбойными акциями». А Парижскую коммуну именовал «скопищем бандитов». Короче, все сто двадцать красных «академистов» каждый раз устраивали Свечину обструкцию. Особенно был зол на него Чапаев.

И вот однажды на занятиях А.А. Свечин предложил Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска

Ганибалла наголову разгромили чуть ли не вдвое превосходящие их по численности римские войска, показали классический образец окружения противника и уничтожения его по частям. К тому же Свечин, читая лекцию об этом эпизоде из Второй Пунической войны, выражал свой неумеренный восторг по поводу действий предводителя карфагенской конницы Гасдрубала, которая во многом определила исход сражения.

Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятами. Тем самым он развенчал кумира Свечина, и тот не смог удержаться от ядовитого замечания:

— Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то предмет сегодняшней лекции назывался бы «Разгром Ганибалла римлянами».

Василий Иванович вспылил:

— Мы уже доказали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Он имел в виду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочешскими и белоказацкими частями, Чапаев тогда предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск, взял город и тем самым не дал соединиться двум крупным вражеским группировкам. Эта операция была образцом руководства боевыми действиями. Но для маститого стратега Свечина Чапаев был неслыханным попранием классического военного искусства. Одним словом, скандал разыгрался по всем правилам…»

На лекциях и занятиях у Якова Александровича Слащёва было всё с точностью до наоборот. *«Слащов говорил примерно так,* — писал другой его ученик, будущий генерал Каргополов: — *«А помните бой под N? Тогда ваш батальон отошёл в беспорядке, с большими потерями. Произошло это потому, что вы не оценили и не учли то-то и то-то». Задетый этой оценкой, товарищ поднимался, просил слова и говорил: «А Вы помните бой под N, где мой полк разбил полк Вашей дивизии?» Далее следовало обстоятельное изложение боевых порядков сторон, их действий и причин поражений белых. Случалось, что продолжение спора переносилось на вечернее время в общежитие, куда являлся преподаватель».*

«Диспуты эти были столь эмоциональны и захватывающи, — продолжает А. Хинштейн, — что

смотреть на них ходили слушатели с разных курсов да и просто сторонние зрители. Проводились они и вне стен курсов. В апреле 1922 года, например, в аудитории военно-научного общества с большим успехом прошёл двусторонний доклад на тему «Оборона Крыма». Докладчиками выступали Слащов и его недавний противник, бывший начальник 46-й дивизии Юрий Саблин. Каждый из ораторов подробно, без сантиментов и кивков разбирал собственные и чужие ошибки.

Преподаватели курсов — все как один бывшие офицеры, многие служили когда-то под началом Слащова — частенько собирались у него дома. По обыкновению пили много, но никогда, даже под винными парами Слащов не позволял никаких крамольных речей, хотя — сомнений нет — удовлетворительным себя не чувствовал.

Оторванный от привычного общества, он ищет забвения в науке. В военных журналах регулярно появляются написанные им статьи…»

Яков Александрович все эти годы, прожитые в стране большевиков, мечтал получить строевую должность. Но, увы, надежды белого генерала так никогда и не осуществились. Д. Мельник очень точно подмечает: *«Здесь, в общежитии при «Выстреле», пройдут последние годы Слащёва. Мало хорошего он увидел за эти годы: навязанную ему работу не любил, ежегодно исписывал горы бумаг с просьбами о строевой должности, после очередных обещаний каждый раз всерьёз готовился к отъезду».*

Один из коллег Слащёва по курсам «Выстрел», бывший полковник Сергей Харламов, командовавший в Гражданскую войну красными армиями, расскажет впоследствии на допросах о Якове Александровиче:

«И сам Слащёв, и его жена очень много пили. Кроме того, он был морфинист или кокаинист. Пил он и в компании, пил и без компании.

Каждый, кто хотел выпить, знал, что надо идти к Слащёву, там ему дадут выпить. Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащёва. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраивают с политической целью: уж больно много водки там выпивалось.

Я бывал на квартире у Слащёва 2–3 раза не специально по приглашению на вечеринку, а или по делу, или по настойчивому приглашению зайти на

минутку. И так как водку там пили чаще, чем обычно мы пьём чай, то бывала и водка.

Жена Слащёва принимала участие в драмкружке «Выстрела». Кружок ставил постановки. Участниками были и слушатели, и постоянный состав. Иногда после постановки часть этого драмкружка со слушателями-участниками отправлялась на квартиру Слащёва и там пьянствовала. На такое спаивание слушателей командованием курсов было обращено внимание и запрещено было собираться со слушателями.

Что за разговоры велись там на политическую тему — сказать не могу. Знаю только, что часто критиковали меня как начальника отдела и кое-кого из преподавателей тактики… Ко мне Слащёв чувствовал некоторую неприязнь и иногда подпускал по моему адресу шпильки.

Последнее время при своей жизни он усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом. Помню, раз даже начал продавать свои вещи, говоря, что получает назначение начальником штаба Тоцкого сбора. Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьёзно готовился к отъезду».

5

Передо мной лежат три так называемых УПК — учётно-послужные карточки на Слащёва Якова Александровича. Несколько минут назад их принесли из специального хранилища. Первая — служебная карточка за № 249775 — самая основная из трёх:

> «Родился: 29 декабря 1885 г., в г. Ленинграде. Национальность — великоросс. Родной язык — русский. Какими другими языками владеет и в какой степени — не владеет. Социальное происхождение — из дворян. Профессия до поступления в РККА — бывший кадровый офицер. Основная профессия родителей: до Октябрьской революции — отца — военнослужащий. Семейное положение — женат. Жена и дочь. Партийность — беспартийный…
>
> Образование: гражданское — реальное училище 1903 г. Военное: в старой армии:
>
> Павловское военное училище 1905 г., Николаевская Академия Генерального штаба по 1 разряду. В РККА: не имеет.
>
> Военно-служебный стаж. В старой армии: вступил на службу юнкером 31 августа 1903 года. Произведён в офицеры 22 июня 1905 года.
>
> Последний чин, должность и часть: полковник, командир полка.
>
> Служба в белых и иностранных армиях — был в армии Врангеля с 1917 по 1921 г.
>
> Вступил на службу в РККА добровольно 1 августа 1922 г. Время пребывания в должности 4 года 6 месяцев. Высшая стрелковая школа. Штатный преподаватель тактики.
>
> Категория и состав: К-8.
>
> Дата: 1/VIII-22 г.
>
> Главное Управление РККА.
>
> Состоящий в распоряжении. 1/XI — 28 г. РВС 28 г, № 706».

В заключение карточки имеется графа «аттестация». И вот что написано по этому поводу у Слащёва:

> «По какой должности — Штатный преподаватель

тактики. Окончательный вывод аттестации:

В 1925 году — «Должности преподавателя соответствует».

В 1927 году — «Соответствует занимаемой должности»».

И, наконец, последняя аттестация за 1928 год:

«По знаниям и опыту должности преподавателя может безусловно соответствовать, но работой этой тяготится, не отдаёт ей всех сил и знаний, ведёт её небрежно. Поэтому желательно освободить от преподавательской работы и направить в части на штабную должность».

Вторая карточка за № 249776 называется учётной:

«Слащёв Яков Александрович. Пехота. ВУЗ. К-8. 13 р., приказ РВСР 1925 г. № 35 (разряд должностной со ссылкою на приказ, где объявлен, штат часта)».

Эта карточка в некотором роде похожа на первую. Вот только в её записях есть некоторые расхождения и дополнения. Коснёмся именно их:

«Какими другими языками владеет — французским, немецким»;

«С какого времени состоит на службе в Р.К.К.А. — с 11 ноября 1921»;

«Служил ли в Белой армии — служил в армии Врангеля с 23/XII — 17 по 21/ XI — 20 г.»;

«Участие в войнах: а) в 1914–1917 гг. Лейб-Гвардии Финл. Полк.

б) в гражданской нет»;

«Был ли ранен или контужен:

а) в 1914—17 г. а) 5 раз ранен.

б) в гражданской б) нет»;

«Окончательный вывод последней аттестации: не получен…

г) Подлежит увольнению от службы, как бывший белый… (далее неразборчиво)»;

«Семейное положение — жена и тесть».

В третьей карточке за № 249777 значится:

«МВО. 1923 № папки 746. Стр.43. Род оружия:

ГУВУЗ. КОМСОСТАВ.

Разр. 15 пр. РВСР № 2480 1922 г.

Фамилия: Слащёв. Имя: Яков. Отчество: Александрович».

В ней две новых записи:

«Участие в войнах: 1915–1920» и «Дети и пр. члены семьи, состоящие на иждивении: дочь 7 лет».

6

Они уже собирались ложиться, когда Яков Александрович, чуть качнувшись, снова сел за стол.

— Ниночка, — он вопросительно посмотрел на жену, — давай ещё выпьем, так сказать, на коня?

— Да хватит тебе, Яша! Вставать же рано. Уж изволь идти в постель.

Слащёв грустно улыбнулся, наполнил гранёную рюмку на ножке до краёв и тут же её опрокинул.

— Как мне всё надоело, Нина! — он хотел повторить привычное движение, но жена убрала початую бутылку в буфет. — Ты не представляешь, как я устал. Устал морально. Ведь они не хотят отпускать меня в строй, вот и держат, как пса на цепи.

— Ничего, Яша, — супруга Слащёва присела рядом. — Ты, самое главное, не опускай руки. Пиши им чаще, напоминай о себе, может, кто-нибудь о тебе и вспомнит. А на нет и суда нет!

— Нет, Ниночка, больше обо мне никто и никогда не вспомнит. Я им больше не нужен. Терпят меня и точка. В последнее время мне часто снится море. То самое, ноябрьское море двадцатого года. В те дни я почему-то увидел его чёрным. Представляешь, холодное, солёное, необъятное, как всегда непостоянное, и вдруг чёрное! Помню, тогда я впервые ехал в купе второго класса как частное лицо. Кажется, это было 13–14 ноября. Никто уже не обращал на меня внимания, и я совершенно спокойно наблюдал трагическую картину бегства и разгул грабежа. Мне уже было абсолютно безразлично всё… Помнишь, как тебе — моей жене — отвели место на вспомогательном крейсере «Алмаз», который к моему приезду уже вышел в море. Для меня же места не было ни на одном из судов. И только на «Илью Муромца» меня взяли по личной инициативе морских офицеров, хорошо знавших меня. Туда же мне удалось поместить брошенные остатки моего лейб-гвардии Финляндского полка, к счастью, вместе с полковым знаменем. Мы вышли в море, и я очень долго смотрел на эту стихию. Я люблю стихию. А меня лишили этой стихии. Сначала там, в Константинополе. Теперь здесь, в Москве. Я провожу эту параллель неслучайно. Меня снова бросили, и для меня нет свободного места на судне. Осталось только море, на которое я могу смотреть бесконечно…

Слащёв смахнул рукой пьяную слезу и очень тихо, проглатывая остальные, стал читать стихотворение белого офицера Николая Туроверова «Крым»:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода…
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Глава вторая
Про «Бег» Михаила Булгакова

1

В 1925 году русский советский писатель, драматург и театральный режиссёр Михаил Афанасьевич Булгаков совершил поездку в Крым. Целых три недели он гостил в Коктебеле у Максимилиана Волошина, который был одним из немногих, кто по достоинству оценил роман «Белая гвардия». После Коктебеля Булгаков побывал в Ялте и Севастополе. Свои южные впечатления великий писатель отразил в путевых заметках «Путешествие по Крыму».

В них он, например, не без юмора описал, как купил книжку «Крым». Вторая жена Булгакова Л.Е. Белозерская очень хорошо запомнила этот казус:

> «Мы купили путеводитель по Крыму д-ра Саркизова-Серазини. О Коктебеле было сказано, что природа там крайне бедная, унылая. Прогулки совершать некуда… Неприятность от пребывания в Коктебеле усугубляется ещё и тем, что здесь дуют постоянные ветра. Они действуют на психику угнетающе, и лица с неустойчивой нервной системой возвращаются после поездки в Коктебель ещё более с расстроенными нервами… Мы с М.А. посмеялись над беспристрастностью д-ра Саркизова-Серазини…»

> «Дома при опостылевшем свете рабочей лампы, — пишет в путевых заметках Булгаков, — раскрыли мы книжечку и увидели на странице 370-й («Крым». Путеводитель. Под общей редакцией президиума Моск. Физиотерапевтического Общества и т. д. Изд. «Земли и Фабрики») буквально о Коктебеле такое:
>
> «Причиной отсутствия зелени является «крымский сирокко», который часто в конце июля и августа начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыщает мелкой пылью, до исступления доводит нервных больных… Беспрерывный ветер, не прекращавшийся в течение 3-х недель, до исступления доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции, и больной чувствовал себя хуже, чем до приезда в Коктебель».
>
> (В этом месте моя жена заплакала.)
>
> «.. Отсутствие воды — трагедия курорта, — читал я на стр. 370–371, — колодезная вода солёная, с резким

запахом моря…»

— Перестань, детка, ты испортишь себе глаза…

«…К отрицательным сторонам Коктебеля приходится отнести отсутствие освещения, канализации, гостиниц, магазинов, неудобства сообщения, полное отсутствие медицинской помощи, отсутствие санитарного надзора и дороговизну жизни…»

— Довольно! — нервно сказала жена».

Кому как не Михаилу Булгакову было не знать, что воздух Крыма, его красочные картинки, приморские пляжи, разнообразная растительность, горные леса, превеликое множество памятников культуры дышат поэзией и вряд ли оставят любого литератора равнодушным. Не зря же Крым называют жемчужиной! Как пишет В.П. Дюличев в «Рассказах по истории Крыма», *«С глубокой древности в Крыму перекрещивались сухопутные и морские дороги, причудливо переплетались пути многотысячелетней истории человечества. Здесь сталкивались интересы оседлого населения и кочевников, земледельцев и скотоводов, аборигенов и пришельцев. Благодаря исключительно благоприятным условиям Крымский полуостров всегда привлекал к себе человека, и неслучайно по количеству памятников он занимает одно из первых мест. На крымской земле они распространены повсеместно. На Южном берегу, в горах, в степном Крыму, Присивашье, на Керченском полуострове, на Тарханкуте».*

Поездка писателя в Крым, судя по его заметкам, оказалась во всех случаях познавательной. Как известно, ворота в жемчужину открывает Джанкой — город, до сих пор славный своими вековыми традициями. Михаил Булгаков, проехав на поезде от Москвы до Джанкоя за тридцать часов, первым делом отправился его осмотреть:

«Юркий мальчишка, после того как я с размаху сел в джанкойскую грязь, стал чистить мне башмаки. На мой вопрос, сколько ему нужно заплатать, льстиво ответил:

— Сколько хочете.

А когда я ему дал 30 коп., завыл на весь Джанкой, что я его ограбил. Сбежались какие-то женщины, и одна из них сказала мальчишке:

— Ты же мерзавец. Тебе же гривенник следует с проезжего.

И мне:

— Дайте ему по морде, гражданин.

— Откуда вы узнали, что я проезжий? —

ошеломленно улыбаясь, спросил я и дал мальчишке ещё 20 коп. (Он чёрный, как навозный жук, очень рассудительный, бойкий, лет 12, если попадёте в Джанкой, бойтесь его.)

Женщина вместо ответа посмотрела на носки моих башмаков. Я ахнул. Негодяй их вымазал чем-то, что не слезает до сих пор. Одним словом, башмаки стали похожи на глиняные горшки».

Следующая зарисовка — «В бухте — курорт Коктебель»:

«В нём замечательный пляж, один из лучших на крымской жемчужине: полоска песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней».

Здесь Булгаков пишет про людей, болеющих «каменною болезнью»:

«Приезжает человек, и если он умный — снимает штаны, вытряхивает из них московско-тульскую дорожную пыль, вешает в шкаф, надевает короткие трусики, и вот он на берегу.

Если не умный — остаётся в длинных брюках, лишающих его ноги крымского воздуха, но всё-таки он на берегу, чёрт его возьми!

Солнце порою жжёт дико, ходит на берег волна с белыми венцами, и тело отходит, голова немного пьянеет после душных ущелий Москвы.

На закате новоприбывший является на дачу с чуть-чуть ошалевшими глазами и выгружает из кармана камни.

— Посмотрите-ка, что я нашёл!»

Про Ялту великий писатель говорит с явным восторгом:

«Но до чего же она хороша!

Ночью, близ самого рассвета, в черноте один дрожащий огонь превращается в два, в три огня — в семь, но уже не огней, а драгоценных камней…(…)

Наутро Ялта встала, умытая дождём. На набережной суета больше, чем на Тверской: магазинчики налеплены один рядом с другим, всё это настежь, всё громоздится и кричит, завалено татарскими тюбетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельём,

футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Всё в тридорога, всё «по-курортному» и на всё спрос. Мимо блещущих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, жёлтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках».

А вот перед Булгаковым и знаменитая Ливадия:

«…в Ялте вечер. Иду всё выше, выше по укатанным узким улицам и смотрю. И с каждым шагом вверх всё больше разворачивается море, и на нём, как игрушка с косым парусом, застыла шлюпка. Ялта позади с резными белыми домами, с остроконечными кипарисами. Всё больше зелени кругом. Здесь дачи по дороге в Ливадию уже целиком прячутся в зелёной стене, выглядывают то крышей, то белыми балконами. Когда спадает жара, по укатанному шоссе я попадаю в парки. Они громадны, чисты, полны очарования.

Море теперь далеко, у ног внизу, совершенно синее, ровное, как в чашу налито, а на краю чаши, далеко, — лежит туман.

Здесь, среди вылощенных аллей, среди дорожек, проходящих между стен розовых цветников, приютился раскидистый и низкий, шоколадно-штучный дворец Александра III, а выше него, невдалеке, на громадной площадке белый дворец Николая II».

В Москву Булгаков уезжал *«вечером из усеянного звёздами Севастополя, в тёплый и ароматный вечер, с тоскою и сожалением»*!

И, кто знает, случайно ли, но в следующем году — 1926-м, Михаил Афанасьевич начал работу над театральной пьесой «Бег». Она состоит из восьми снов, три из которых происходят в том самом Крыму. Сон второй — в начале ноября 1920 года «где-то в Крыму». Сон третий и сон четвёртый — в начале ноября в Севастополе. Случайно ли?

2

Михаил Александрович родился 3(15) мая 1891 года в большой семье доцента (позже профессора) духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова в Киеве. В 1909 году выпускник киевской гимназии Миша Булгаков поступил на медицинский факультет Киевского университета, а в 1916 году Михаилу Булгакову вручили диплом об утверждении «в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными».

В годы Первой мировой войны будущий великий писатель несколько месяцев работал врачом в прифронтовой зоне. Его направляли на работу в село Никольское Смоленской губернии, а затем в Вязьму. В феврале 19-го (в период Гражданской войны) Булгакова мобилизовали как военного врача в армию Украинской Народной Республики. Успел он поработать и врачом Красного Креста, и врачом в Красной армии. А осенью 19-го, в ходе уличных боёв, Михаил Афанасьевич перешёл на сторону Вооружённых сил Юга России и был назначен военным врачом 3-го Терского казачьего полка, в составе которого принимал участие в боевых действиях на Северном Кавказе. В начале 1920 года во время отступления Добровольческой армии Булгаков заболел тифом и по воле судьбы, из-за этой страшной болезни, не смог уйти в Грузию, оставшись во Владикавказе.

С сентября 1921 года Михаил Афанасьевич живёт в Москве и начинает свою литературную деятельность прежде всего как фельетонист в газетах «Гудок» и «Рабочий». Печатается в журналах «Медицинский работник», «Россия» и «Возрождение». Например, с 1922 по 1926 год только в «Гудке» им было опубликовано более 120 репортажей, очерков и фельетонов. Отдельные произведения Булгакова появляются в берлинской газете «Накануне». Уже в 1923 году М. Булгаков вступил в Союз писателей. В 1924 году издают его роман «Белая гвардия», а в 1926-м во МХАТе с огромным успехом прошла его пьеса «Дни Турбиных», которая понравилась самому Иосифу Сталину. В конце года в Театре им. Вахтангова с не меньшим успехом прошла следующая пьеса — «Зойкина квартира». И вот Михаил Афанасьевич приступает к работе над пьесой «Бег».

> «Пьеса «Бег», по замыслу автора, должна была продолжить тему романа «Белая гвардия»: инсценировка этого романа — пьеса «Дни Турбинных» — была допущена к постановке во МХАТе по личному

распоряжению Сталина и выдержала более тысячи представлений, — рассказывает С. Гаврилов. — Генерал-лейтенант вооружённых сил юга России Яков Александрович Слащёв — прототип главного героя пьесы Романа Валерьяновича Хлудова — неоднозначная фигура белого движения. (…)

Михаил Булгаков тщательно изучил биографию своего героя… противоречивые, часто немотивированные поступки Слащёва озадачили Булгакова. В первой редакции пьесы «Бег» драматург создал портрет Хлудова, в характере которого звучали истеричные проявления «загнанного в угол человека». Что-то было не так. Писательская интуиция и проницательность заставили Михаила Афанасьевича отказаться от подобной трактовки образа. Он ещё раз перечитал мемуары генерала и задумался. В биографии Якова Слащёва оставалось единственное тёмное пятно — двухмесячный период пребывания в Николаеве, Вознесенске и Новом Буге…

Уроженец Киева Михаил Булгаков даже проездом не бывал в Николаеве. Здесь у него не было ни друзей, ни знакомых, ни сослуживцев. Драматург нуждался в помощи постороннего человека, который мог бы приехать в город и расспросить очевидцев о деятельности администрации генерала Слащёва в конце 1919 — начале 1920 годов.

Этот человек нашёлся. Елена Александровна Митруль — 2-й редактор газеты «Киевский рабочий» и дальняя родственница писателя (вдова двоюродного брата Константина) — сама предложила Булгакову услуги. Она согласилась съездить в Николаев, чтобы найти людей, переживших деникинскую оккупацию, и переговорить с ними. Это журналистское расследование представлено в письмах, которые долгое время хранились в Булгаковском фонде библиотеки им. Ленина и были опубликованы издательством «Советский писатель» в 1989 году».

3

21 апреля 1929 года. Е.А. Митруль — М.А. Булгакову:

«…В ноябре 1919-го начальник временной администрации Николаева от генерал-майора Слащёва полковник Бриссель издал три приказа населению: первый — о добровольной сдаче холодного и огнестрельного оружия; второй — об обязательной работе торговых лавок, магазинов, театра, школ и библиотек; третий — о введении комендантского часа для гражданских лиц с 21.00 до 05.00. Всех праздношатающихся примерно наказывать, вплоть до расстрела.

…Комендант Бриссель в связи с военным положением отменил гражданское и уголовное судопроизводство. Всех воров, карманников, грабителей и мародёров судил военный трибунал. В ноябре на рыночной площади в Николаеве публично повесили 14 человек, среди которых 6 деникинцев (2 офицера и 4 нижних чина), остальные — из числа ночных грабителей.

…В середине ноября для устрашения населения расстреляны в Адмиралтействе более 50 подстрекателей к беспорядкам и поджигателей. Среди них было много невинных заложников.

…В последнюю неделю месяца объявлена мобилизация в армию. Все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет должны были явиться в комендатуру для получения продовольственного пайка и амуниции. 30 ноября была устроена показательная казнь 8 дезертиров на Магистратской площади.

(Записано со слов бывшего члена попечительского совета Александровской гимназии А.Н. Дробышева)».

2 мая 1929 г. М.А. Булгаков — Е.А. Митруль:

«…Огромное спасибо за ценные свидетельства, о коих мне ничего известно не было. Хорошо бы послушать людей, лично встретивших и говоривших с нашим persone. Какое впечатление он производил на посторонних, не было ли чего необычного в поведении и речи? Многие считают интересующего нас человека морфинистом. Был ли он таковым? Впрочем, если эти

вопросы останутся без ответа, я всё равно перед тобой в неоплатном долгу».

14 мая 1929 года. Е.А. Митруль — М.А. Булгакову:

«…Миша, радуйся! Удалось тихонько побеседовать с двумя людьми, которые встречались с нашим vise-a-vie и были с ним на «короткой ноге». Мои собеседники боятся всего, и потому я пообещала им подлинную конфиденциальность.

Они входили в состав депутации от городской Думы, которая обратилась к Нему лично с просьбой «заключить гражданскую жизнь города в надлежащее русло». Это было сделано очень быстро. В Николаеве везде появились патрули, которые сделали жизнь людей безопасной. Прекратились ночные погромы и грабежи, открылось временное отделение Русско-азиатского банка. Многим вернули конфискованные дома и квартиры. Из общих впечатлений моим собеседникам запомнилась массовая принудительная мобилизация в армию. Прямо под Новый год забрали всех мужчин для службы в специальном ополченческом батальоне. Некоторые пытались спрятаться, их ловили и расстреливали. Одного стряпчего нотариальной конторы — отца двоих детей — застрелили как дезертира на глазах всей семьи прямо во дворе его дома.

Комендант города распорядился поставить часовых у входа в городской аквариум и выделить средства на содержание зверей и птиц…

Интересующуюся вас личность описывают примерно так: худой, высокий и тёмноволосый человек. Тонкие черты лица, говорит тихо и без эмоций. Команды «расстрелять» и «подавать ужин» отдаются в одной эмоциональной тональности. Внешне бесстрастен, подчиняет этические понятия «справедливость», «добро» и «честность» сиюминутной военной целесообразности».

4

Как вспоминала вторая жена Булгакова — Любовь Евгеньевна Белозёрская, пьеса «Бег» была написана на большом подъёме, *«которую совершенно произвольно наши литературоведы называют продолжением «Дней Турбинных». Сам Михаил Афанасьевич никогда не рассматривал её как продолжение «Дней Турбинных». Хотя пьеса была посвящена основным исполнителям «Турбинных» и ему мечталось увидеть их на сцене в «Беге», всё же драматургическое звучание этой вещи иное, камертон дан на иной отправной ноте. Хватка драматурга окрепла, диапазон расширился, и его изобразительная палитра расцвела новыми красками. В «Днях Турбинных», показано начало белого движения, в «Беге» — конец. Таким образом, вторая пьеса продолжает первую только во времени. Впрочем, в мою задачу не входит полемика с теми, кто думает иначе. «Бег» — моя любимая пьеса, и я считаю её пьесой необыкновенной силы, самой значительной и интересной из всех драматургических произведений писателя Булгакова.*

К сожалению, я сейчас не вспомню, какими военными источниками, кроме воспоминаний генерала Слащёва (*Слащёв А.Я.* Крым в 1920 году. Отрывки из воспоминаний с предисловием Д. Фурманова, М. — Л: Госполитиздат, 1924)*, пользовался М.А., работая над «Бегом». Помню, что на одной карте были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населённые пункты.*

Карту мы раскладывали и, сверяя её с текстом книги, прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшунь, Керман-Кемальчи…»

> «Чтобы надышаться атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, М.А. просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения.
>
> Крики, суета, интернациональная толпа большого восточного города показаны им выразительно и правдиво (напомню, что Константинополь в то время был в ведении представителей Франции, Англии, Италии. Внутренний порядок охраняла международная

полиция. Султан номинально ещё существовал, но по ту сторону Босфора, на азиатском берегу, уже постреливал Кемаль).

Что касается «тараканьих бегов», то они с необыкновенным булгаковским блеском и фантазией родились из рассказа Аркадия Аверченко «Константинопольский зверинец», где автор делится своими константинопольскими впечатлениями тех лет. На самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало. Это лишь горькая гипербола и символ — вот, мол, ничего иного эмигрантам не остаётся, кроме тараканьих бегов».

К слову сказать, книга Слащёва «Крым в 1920 г.» при написании «Бега» была настольной. Сам же Михаил Афанасьевич одно время даже жил напротив дома четы Слащёвых. В феврале — марте 1922 года он заведовал издательской частью в Военно-редакционном совете Научно-технического комитета Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Именно там у него были хорошие возможности для консультаций с военными специалистами из бывших офицеров. И ещё. По утверждению Ярослава Тинченко, Булгаков «пару раз заходил на спектакли драмкружка «Выстрела»».

Кроме мемуаров Слащёва, вне всяких сомнений, великий писатель пользовался и другими источниками. Например, в «Энциклопедии Булгакова» предположительно указывается, что *«к 1933 г. Булгаков, возможно, уже ознакомился с воспоминаниями П.Н. Врангеля, вышедшими в 1928–1929 гг. в берлинском альманахе «Белое дело». Там Я.А. Слащёв характеризовался крайне негативно, с подчёркиванием болезненных элементов его сознания, хотя военный талант генерала не ставился под сомнение»*.

Там же можно прочесть и том, кто был явным предшественником Хлудова в булгаковском творчестве:

«Безымянный белый генерал из рассказа «Красная корона» (1922). К нему по ночам приходит призрак повешенного в Бердянске рабочего (возможно, этого казнённого Булгакову довелось видеть самому). Трудно сказать, насколько в образе генерала из «Красной короны» мог отразиться прототип Хлудова Я.А. Слащёв. Он к тому времени не успел ещё выпустить мемуары «Крым в 1920 г.», но уже вернулся в Советскую Россию, чему в 1921 г. газеты уделили немало внимания. Слащёв ещё в Константинополе издал книгу «Требую суда

общества и гласности» о своей деятельности в Крыму. С этой книгой автор Б(ега) вполне мог быть знаком. Процитированные здесь грозные слащёвские приказы могли повлиять на образ генерала-вешателя из «Красной короны».

Р.В. Хлудов выступает непосредственным предшественником Понтия Пилата в «Мастере и Маргарите». Этот роман был начат Булгаковым в 1929 г., сразу по окончании первой редакции пьесы, а задуман параллельно с ней — в 1928 г. В Б(еге) главный упор сделан не на анализ уроков гражданской войны самих по себе, а на философское осмысление цены крови вообще, казни невинных во имя идеи — и морального наказания (в виде мук совести) за это преступление. По цензурным соображениям в Б(еге) речь идёт о белой идее, и именно как её носителя Чарнота обвиняет Хлудова в своей незавидной эмигрантской судьбе. Однако с тем же успехом образ Хлудова можно спроецировать на любую другую, коммунистическую или даже христианскую, во имя которых в истории тоже были пролиты реки невинной крови (о христианской идее и пролитой за неё крови позднее в «Мастере и Маргарите» будут говорить Левий Матвей и Понтий Пилат). Отметим, что финал с самоубийством Хлудова смотрится в свете этого достаточно искусственно. Ведь в тексте остались слова главного героя о том, что он решился вернуться в Россию, пройти под «фонариками», причём в результате «тает моё бремя», и генерала отпускает призрак повешенного Крапилина. Раскаяние и готовность ответить за преступление перед людьми, даже ценой возможной казни, по Булгакову, приносит искупление и прощение. Понтий Пилат лишён возможности предстать перед иным судом, кроме суда своей совести, за казнённого Иешуа Га-Ноцри, который может осудить своих палачей лишь на страдание нечистой совести, но не на земное наказание. Поэтому в финале «Мастера и Маргариты» не вполне ясно, совершил ли прокуратор Иудеи самоубийство, бросившись в горную пропасть, или просто обречён после смерти в месте своей ссылки на муки совести за трусость, привёдшую к казни невинного. При этом Понтию Пилату Булгаков всё же дарует прощение устами Мастера. Не исключено, что именно в связи с развитием образа Пилата в 1937 г. писатель так и не выбрал между двумя вариантами финала Б(ега) — с

самоубийством или с возвращением Хлудова, который уже рассматривался как некий двойник прокуратора Иудеи.

В первой редакции Б(ега) Хлудов перед знаменитой своей сентенцией: «Нужна любовь. Любовь. А без любви ничего не сделаешь на войне», цитировал известный приказ Л.Д. Троцкого: «Победа катится по рельсам…», угрожая повесить начальника станции, если тот не сумеет отправить вовремя бронепоезд. Здесь — дальнейшее развитие мысли полковника Алексея Турбина («Народ не снами. Он против нас»), что всякая идея может стать действенной, только обретя поддержку масс, здесь и «оборачиваемость» красной и белой идеи: Хлудов, как и Слащёв, как и мало отличавшийся в этом отношении от хлудовского прототипа Врангель, спокойной жестокостью и военно-организационным талантом подобен Председателю Реввоенсовета и главе Красной армии Л.Д. Троцкому (разве что жестокость Врангеля и Троцкого более расчётлива, чем у Слащёва).

Не исключено, что Булгаков наградил Хлудова и собственными переживаниями, только не из-за убийства невинного, а в связи с тем, что не смог предотвратить гибель человека. В «Красной короне», где главный герой становится двойником генерала, мучаясь после смерти брата, в рассказах «Я убил» и «В ночь на 3-е число», в романе «Белая гвардия» персонажи, имеющие очевидные автобиографические корни, испытывают сходные муки совести. Когда и как могла произойти такая трагедия в жизни драматурга, вряд ли удастся достоверно установить. Возможно, что переживания были связаны с гибелью безымянного полковника, которому врач Булгаков был бессилен помочь под Шали-аулом. Воспоминания об этом событии послужили, вне всякого сомнения, важным толчком к созданию Б(ега)».

«Для того чтобы, минуя цензуру, попытаться осмыслить Гражданскую войну с коммунистических позиций, часто приходилось прибегать к такому «эзопову языку», который был понятен лишь очень узкому кругу лиц. В Б(еге) есть очень мощный пласт национальной самокритики, не замеченный подавляющим большинством читателей и зрителей. Он ярче всего выражен в первой редакции пьесы и связан с одним из прототипов генерала Чарноты», — подчёркивается в «Энциклопедии Булгакова».

По точному определению В.И. Сахарова, пьеса «Бег» как лирическая драма имеет тщательно воссозданную документальную и историческую основу. Каждый факт здесь обдуман и отобран. Книги генерала Я.А. Слащёва и журналиста-эмигранта И.М. Василевского, мемуары белогвардейцев, устные воспоминания очевидцев, и прежде всего крымские, константинопольские, берлинские и парижские впечатления Л.Е. Белозерской, эмигрантские сочинения известных писателей А. Аверченко и А.Н. Толстого, газеты, полевые карты, собственное пребывание в Белой армии — всё служит Булгакову материалом. Ему нужны точные подробности, звуки города, яркие пятна: «Какая толпа? Кто попадается навстречу? Какой шум слышится в городе? Какая речь слышна? Какой цвет бросается в глаза?».

Даже собственные произведения становятся для Булгакова источником — огни в порту и тема бегства в Константинополь приходят в «Бег» из «Записок на манжетах», бунинский образ утлого, гибнущего корабля-ковчега и бегущих с него крыс встречается в «Белой гвардии» и «Днях Турбинных», рассказы о терроре белых есть в «Необыкновенных приключениях доктора» и «Красной короне», слова о жизни-сне возникают в «Зойкиной квартире», а «тараканий царь» Артур Артурович — обнаглевший двойник льстивого Ликуя Исаевича из «Багрового острова». Здесь же есть и насмешки над неграмотными беспринципными журналистами, знакомые нам по ранней сатирической прозе Булгакова.

Как всегда, в пьесе продуманно отобран и переосмыслен собственный жизненный опыт, впечатления киевской юности и офицерской службы на Северном Кавказе. Но к ним добавлены мысли о только что возникшей русской эмиграции, и это сделано писателем, никогда не бывшим за границей, если не считать меньшевистской Грузии и гетманской Украины. Здесь нет ничего случайного или наспех придуманного.

Булгаков сам хотел бежать из Батума в Константинополь, живо интересовался русской эмиграцией как уникальным и трагическим феноменом призрачного инобытия миллионов людей, он жил в очень пёстрой среде вернувшихся эмигрантов, был женат вторым браком на весело пожившей в Константинополе и Берлине балерине Л.Е. Белозерской, его служившие в Белой армии братья Николай и Иван очутились в Париже, а сам Михаил Афанасьевич много печатался в эмигрантских изданиях и ставил в русских зарубежных театрах (среди них был и пражский МХАТ) свои лучшие пьесы. «Белая гвардия» отдельной книгой впервые вышла в Париже, а поставленный по мотивам романа берлинский спектакль посетил

сам его колоритный персонаж, ясновельможный гетман П.П. Скоропадский и сделал, кстати, несколько очень дельных замечаний…

5

Второе действие пьесы «Бег» — «Сон второй» начинается с описания зала «на неизвестной и большой станции на севере Крыма»:

> «На заднем плане зала необычных размеров окна. За ними чувствуется чёрная ночь с голубыми электрическими лунами.
>
> Случился зверский, непонятный в начале ноября месяца в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные чёрные печки, горят керосиновые и электрические лампы на столах.
>
> В глубине, над выходом на главный перрон, под верхней лампой, надпись по старой орфографии «Отдъление опъративное».
>
> Стеклянная перегородка, в ней зелёная лампа казённого типа и два зелёных, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом со стеклянною перегородкою на тёмном облупленном фоне белый юноша на коне копьём поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот — Георгий Победоносец, и перед ним горит гранёная разноцветная лампада.
>
> Зал занят офицерами генерального штаба. Большинство из них в башлыках и наушниках…
>
> Бесчисленны полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.
>
> Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы разобрать беспокойный налёт в глазах у всех этих людей. И ещё одно — страх и надежду можно увидеть в этих глазах, когда они обращаются в то место, где некогда был буфет первого класса».

Именно здесь и появляется самый главный герой Михаила Булгакова:

«Там, отделённый от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, на высоком табурете, сидит Роман Валерианович Хлудов».

Как великий художник, Михаил Афанасьевич не жалеет для него всей палитры имеющихся красок:

«Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него чёрные, причёсаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актёр, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые.

На нём плохая солдатская шинель, подпоясан он ремнём по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывают шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дёргается, любит менять интонации. Задаёт самому себе вопросы и любит на них сам же отвечать. Когда он хочет изобразить улыбку — скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерианович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюблённый в Хлудова есаул Голован».

«Энциклопедия Булгакова» так раскрывает этот образ, созданный писателем:

«Сам С(лащёв) стремится создать в мемуарах образ болезненно раздвоенного человека, пытающегося обрести утраченную веру и испытывающего муки за то, что служит делу, в правоте которого сомневается: «…В моём сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, ведь невозможно, что они теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам… Это было ужасное время, когда я не мог сказать твёрдо и прямо своим подчинённым, за что я борюсь». Мучимый сомнениями, С(лащёв) подаёт в отставку, получает отказ и вынужден «остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказать своих сомнений и не

зная, на чём остановиться». Но для него «уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т. е. французов, которые теперь вместо немцев желают овладеть отечеством… Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе».

Те же муки испытывает булгаковский генерал Хлудов. Он ещё расстреливает и вешает, но по инерции, ибо всё больше задумывается, что любовь народная — не с белыми, а без неё победы в гражданской войне не одержать. Ненависть к союзникам Хлудов вымещает тем, что сжигает «экспортный пушной товар», чтобы «заграничным шлюхам собольих манжет не видать». Главнокомандующего, в котором легко просматривается прототип — Врангель, генерал-вешатель ненавидит, поскольку тот вовлёк его в заведомо обречённую, проигранную борьбу. Хлудов бросает главкому в лицо страшное: «Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше превосходительство?» Но, в отличие от С(лащёва), который в мемуарах так и не покаялся ни за одну конкретную свою жертву, Булгаков заставил своего героя свершить последнее преступление — повесить «красноречивого» вестового Крапилина, который потом призраком настигает палача и пробуждает у него совесть. Все попытки С(лащёва) в мемуарах оправдать и приуменьшить свои казни не достигают эффекта (он утверждал, что подписал смертные приговоры только 105 осуждённым, виновным в различных преступлениях, но Булгаков ещё в «Красной короне» заставил главного героя напомнить генералу, скольких тот отправил на смерть «по словесному приказу без номера» — автор рассказа помнил по службе в Белой армии, сколь распространены были такие приказы). Конечно, Булгаков не мог знать эпизода с 25 шомполами из цитированного выше письма Троцкого, хотя поразительно точно показал в «Белой гвардии», что шомпола в качестве универсального средства общения с населением использовали и красные, и белые, и петлюровцы. Однако автор «Бега» не верил в раскаяние С(лащёва), и его Хлудову не удаётся опровергнуть обвинений Крапилина: «…Одними удавками войны не выиграешь!.. Стервятиной питаешься?.. Храбер ты только женщин вешать и слесарей!» Хлудовские оправдания, что он «на

Чонгарскую Гать ходил с музыкой» и был дважды ранен (как и С(лащёв)… дважды раненный в гражданской войне, вызывают только крапилинское «да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны». Здесь переиначена в народной форме часто повторяющаяся Врангелем и его окружением мысль, что одна губерния (Крым) сорок девять губерний (остальную Россию) победить не может. Смалодушничавшего после этого страстного обличения вестового Хлудов вешает, но потом Булгаков дарует ему, в отличие от С(лащёва), мучительное и тяжкое, болезненное и нервное, но — раскаянье».

Судя по всему, Булгаков долго работал над образом генерала Слащёва. Яркость и противоречивость его фигуры не давали писателю покоя. С. Гаврилов в «Безумном герое Михаила Булгакова», в противовес упомянутой энциклопедии, достаточно смело предполагает:

«Булгаков несколько раз перечитал мемуары Якова Слащёва и не поверил устойчивым сплетням о том, что талантливый военачальник был алкоголиком, наркоманом и психически больным человеком. Булгаковский Слащёв-Хлудов возвышается над всеми противоречиями своего характера и обнаруживает неожиданно чувствительную натуру. Война для него — тяжёлая работа. Он устал, не может спать, набирает сон по очкам и бредит внутренними монологами: «Что со мною? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает…»

В его монологах, обращённых к тени повешенного вестового Крапилина, удивительным образом сочетаются «высокий штиль» и свойственная Хлудову разговорная лексика: «Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стёрло, и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?»

Из построения такого «речевого потока» драматург создал своеобразный, запоминающийся образ неординарного боевого генерала и человека. Он достаточно мягок, душевен, психологически открыт и… почти романтичен.

Эмоциональный строй речи булгаковского Хлудова

перекликается с речью реального Слащёва. В этом отношении примечательны диалоги Хлудова и Белого главнокомандующего. Хотя Булгаков в них не использует прямого цитирования текста слащевских мемуаров, сам тон этих диалогов почёрпнут им, очевидно, именно оттуда.

Слащёв, сохранявший по отношению к Врангелю публичную лояльность, проявил своё истинное отношение к нему на страницах книги. Конфликт Слащёва — Врангеля, спроецированный в «Беге» на Хлудова и главнокомандующего, подан Булгаковым так, как объясняет его сам Слащёв. Драматург правильно почувствовал реальную ситуацию в Крыму. Он не поверил Врангелю, ославившему Слащёва как сумасшедшего. Автор пьесы понял, что это был «манёвр» Врангеля, который спасал союз с Антантой и принёс в жертву этому союзу популярного в армии генерала. Зато Булгаков проницательно поверил «сумасшедшему» Слащёву.

Доктор в прошлом и писатель в настоящем поставил свой нравственный диагноз опальному полководцу. Драматург создал портрет крупного военачальника и настоящего патриота-идеалиста».

В заключительной части отзыва на пьесу «Бег» (политическое значение пьесы), а фактически в доносе, видного большевика П.М. Керженцева (выступающего в роли министра культуры тех лет), написанного в Политбюро ЦК ВКП(б) до 6 января 1929 года, говорилось:

> «1. Булгаков, описывая центральный этап белогвардейского движения, искажает классовую сущность белогвардейщины и весь смысл гражданской войны. Борьба добровольческой армии с большевиками изображается как рыцарский подвиг доблестных генералов и офицеров, причём совсем обходит социальные корни белогвардейщины и её классовые лозунги.
>
> 2. Пьеса ставит своей задачей реабилитировать и возвеличить художественными приёмами и методами театра вождей и участников белого движения и вызвать к ним симпатии и сострадание зрителей. Булгаков не даёт материала для понимания наших классовых врагов, а, напротив, затушёвывал их классовую сущность, стремился вызвать искренние симпатии зрителя к героям пьесы.
>
> 3. В связи с этой задачей автор изображает красных дикими зверями и не жалеет самых ярких красок для восхваления Врангеля и др. генералов. Все вожди белого движения даны как большие герои, талантливые стратеги, благородные, смелые люди, способные к самопожертвованию, подвигу и пр.
>
> 4. Постановка «Бега» в театре, где уже идут «Дни Турбинных» (и одновременно с однотипным «Багровым островом»), означает укрепление в Худож. Театре той группы, которая борется против революционного репертуара, и сдачу позиций, завоёванных театром постановкой «Бронепоезда» (и, вероятно, «Блокадой»). Для всей театральной политики это было бы шагом назад и поводом к отрыву одного из сильных наших театров от рабочего зрителя. Как известно, профсоюзы отказались покупать спектакли «Багровые острова», как пьесы, чуждой пролетариату. Постановка «Бега» создала бы такой же разрыв с рабочим зрителем и у Художественного театра. Такая изоляция лучших театров

от рабочего зрителя политически крайне вредна и срывает всю нашу театральную линию. Художественный совет Главрепеткома (в составе нескольких десятков человек) единодушно высказался против этой пьесы. Необходимо воспретить пьесу «Бег» к постановке и предложить театру прекратить всякую предварительную работу над ней (беседа, чистка, изучение ролей и пр.)».

К слову сказать, 29 января 1929 года комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) в составе товарищей Ворошилова, Кагановича и Смирнова, ознакомившись с содержанием пьесы Булгакова «Бег», признала постановку этой пьесы в театре нецелесообразной. На следующий день все члены Политбюро ЦК ВКП(б) проголосовали за это решение.

Примечательно, что сам Иосиф Сталин в своих выступлениях соглашался: «Дни Турбиных» — «антисоветская штука, и Булгаков не наш». Хотя сама пьеса ему понравилась, её постановка была разрешена на год, а позже ещё неоднократно продлевалась. С «Бегом» же произошло всё гораздо трагичнее. Как пишет В.И. Сахаров, судьба этой пьесы стала «первым звонком», предвестием крушения всей театральной судьбы Михаила Булгакова:

«Именно здесь началась путаница, странные совпадения, роковые случайности, неясные предчувствия, надежды, сменяющиеся отчаянием, следующим образом описанные в послании к уже готовившемуся к отъезду в Париж Е.И. Замятину 27 сентября 1928 года: «Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились. Человек — разрушен… Что касается этого разрешения, то не знаю, что сказать. Написан «Бег». Представлен. А разрешён «Багровый остров». — Мистика. — Кто? Что? Почему? Зачем? — Густейший туман окутывает мозги»».

«В советской России такая пьеса была не нужна. Но и в Париже, где происходило одно из действий пьесы, «Бегу» как-то не обрадовались, когда пьеса была, наконец, опубликована. Ибо в ней показано, что распалась великая цепь времён и одним концом ударила по утратившей своих лучших сынов и дочерей и огромные духовные и материальные сокровища России, другим по обречённой на вечный «мёртвый бег» (пророческое название вышедшего в 1922 году в Берлине романа Глеба Алексеева) эмиграции. Здесь крылся прозорливый исторический упрёк, и все умные читатели

«Бега» это поняли, начиная со Сталина, Горького и Станиславского.

Борьба вокруг «Бега» снова велась на уровне Политбюро, где Сталин вычеркнул из подготовленного Ворошиловым проекта решения слово «политически» («политически нецелесообразным») и тем самым отменил неизбежные репрессии. Вмешательство великого пролетарского писателя также ничего не дало, о чём сказано в очередной агентурно-осведомительной сводке ОГПУ: «Горький поддерживал пьесу в «сферах», кто-то (Сталин, Орджоникидзе) сказал Ворошилову: «Поговори, чтобы не запрещали, раз Горький хвалит, пьеса хороша», но эти слова, по мнению Булгакова, не более чем любезность по отношению к Горькому».

Л.Е. Белозёрская так охарактеризует потрясение Михаила Булгакова в связи с гибелью пьесы «Бег»:

> «Ужасен был удар, когда её запретили. Как будто в доме появился покойник…»

Не пройдёт и десятилетия, как состояние здоровья великого писателя станет резко ухудшаться. Врачи диагностируют у него гипертонический нефросклероз. Но Михаил Афанасьевич продолжал употреблять морфий, прописанный ему ещё в 1924 году, с целью снятия болевых симптомов. А 10 марта 1940 года наступит смерть, так и не давшая Булгакову дожить до своего 50-летнего юбилея.

Глава третья
Прощание с юностью. Академия

1

— Надо считать под манёвром и манёвр людской, и манёвр огневой, — обращаясь к слушателям, говорил Яков Александрович. — Я особенно подчёркивал принцип частной победы потому, что у каждого командира на войне является соблазн и стремление всюду заслонить себя «забором».

Посмотрим просто — охранение — надо охраняться, никто против этого не спорит, но… как его выставить, когда в жизни (постоянно) фронт не будет соответствовать уставным формам. Что же делать?

У слабовольного лица явится естественный ответ — загородиться всюду и этим вызвать сверхмерный наряд — ведь если прорвёт противник, отдадут под суд, а за то, что разложил свою часть чрезмерными нарядами, поди-ка доказывай. Такой начальник был всюду силён и потому окажется слабым.

Другой случай, надо ждать атаки противника или его атаковать. Является мысль и здесь прорвать, и здесь сделать контратаку — всюду надо быть начеку. Слабовольный всё учтёт и всюду растянет свои войска (в моей практике было даже, что один комполка вытянул цепи и по лощине) — результат поражение. Из всего этого выведем одно: сильным всюду быть нельзя — надо иметь ум и знания оценить обстановку и сосредоточить силы там, где диктует обстановка, и силу воли, чтобы провести это в жизнь. Умнейший командир без воли годится только для разработки плана, но ни в коем случае не для проведения его в жизнь. Всё в бою и в результате его победы определяется тем, — были ли мы в данный момент сильнее противника или нет, смогли ли мы его подавить нравственно и физически, или он нас подавил, а всё это делается материальной силою того оружия, той машиной, которая в данное время боя имеется в руках человека, желающего драться. В данной точке боя сильнейший ломит слабейшего и этим диктует свою волю (если эта точка важна) всему фронту боя.

Машинизированность частей в данное время позволяет маневрировать не только людской силой, но и огнём и позволяет рассредотачивать огневые машины по фронту, сосредотачивая огонь там, где нужно. У командира явилась новая возможность — двигаться и сосредотачиваться в одном месте, а стрелять из разных, около лежащих мест. На эту возможность и надо обратить сугубое внимание.

В настоящее время, благодаря силе и количеству огня всех видов, трудно представить себе, за редким исключением, массовую, общую атаку, при которой все бойцы одновременно

встают и во главе со своими командирами бросаются вперёд и занимают позиции противника. Такая атака, дававшая успех при сплочённых фронтах, теперь при групповом строе в подавляющем большинстве случаев приведёт только к большим потерям. Он будет возможен только при особенно благоприятных условиях, т. е. когда противник настолько разложен, что не в состоянии выдержать зрелища идущих на него частей и покидает позицию от одного этого зрелища, не пробуя защитить себя огнём.

Теперешний бой пройдёт под знаменем борьбы за огневое превосходство, и дело каждого командира уметь маневрировать не только своими людьми, но в особенности своим огнём. Надо помнить, что на войне почти невозможно быть сильнее противника всюду — это положение является исключением, надо быть сильнее противника там, где нам нужно, и там, где ему будет больно.

Сильнее надо быть не числом кулаков, которыми сейчас драться смешно, а именно огнём, который всегда подготовляет победу, а очень часто и решает всю участь боя.

На маневр этим огнём, в связи с маневрами частей и следует обратить внимание — это будет служить залогом победы.

Всем я думаю ясно, что в бою участвуем не только мы, но и противник, который выявляет свою волю полностью, и рецепта для победы поэтому дать нельзя, но указать те основные принципы, которые, доведённые до конца, способствуют победе, — можно. Этим основным принципом и будет превосходство сил в важном месте.

Превосходство сил, повторяю, нужно понимать в широком смысле этого слова, т. е. людей с их готовностью драться и имеющими машинами боя. Это превосходство в силах, как уже было указано выше, достигается исключительно маневром. Если крупные соединения, задумав нанести или парировать удар, будут маневрировать стратегически, т. е. задолго до боя и из далёких мест сосредотачивать свои силы, то мелкие соединения, в виде взвода, роты и батальона, а часто и полка, будут маневрировать непосредственно тут же на поле сражения, часто на виду у противника. Сосредотачивая превосходство сил там, где им нужно. Я выше уже указывал, что теперь трудно представить валовую атаку всеми частями сразу. Теперь надо сгибать, как нормальное явление, постепенное занятие позиции противника путём отгрызания того или другого окопа, произойдёт так называемое вгрызание в позицию противника, и это выражение наиболее точно и метко.

Слащёв читал лекции превосходно, интересно, живо и поучительно. Ведь он говорил о том, что знал. Опыт у него был

громадный. А ещё были превосходные знания, полученные в военно-учебных заведениях той самой дореволюционной России.

2

Дед Слащёва — Яков Иванович (1808–1875) — был потомственным дворянином и отставным подполковником. Известно, что с 1865 г. он владел собственными домами на Большом проспекте и Багговутовской улице в Гатчине.

Отец Слащёва — Александр Яковлевич (1847–1902) — был гвардии полковником и соответственно потомственным дворянином. Оба они были похоронены на Новом гатчинском кладбище. Их надгробные памятники представляют исторический интерес.

Мать — Вера Александровна Слащёва — была женщиной «властной и решительной». Именно так вспоминала «мадам Слащёву» вторая жена Михаила Булгакова Л.Е. Белозёрская, которая встретила её в Петрограде. Но в этой женской властности и решительности нет ничего удивительного. Подлинные жёны генералов и полковников становятся именно такими благодаря не только чертам характера, но и тем особенностям жизни, в которой им приходится вращаться. В данном случае сказываются и почтенные чины их мужей.

Яков Александрович родился 29 декабря 1885 года (по новому стилю) в Петербурге.

Своё первое официальное образование Яков получил в Санкт-Петербургском реальном училище Гуревича. Чтобы было понятно, о чём идёт речь, обратимся к истории. В России прототипом реальных училищ стали в 1839 г. реальные классы для «временного преподавания технических наук». В ноябре 1864 г. было утверждено положение о реальных гимназиях, которые были заменены на реальные училища в 1872 г. Курс обучения длился шесть-семь лет. В уставе этих учебных заведений было записано:

«Училища имеют целью общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». В старших классах преподавались исключительно прикладные дисциплины. Выпускники таких училищ могли поступить в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, но не в университеты.

В 1888 г. реальные училища были реформированы в общеобразовательные заведения, выпускники которых уже могли поступить в университеты на физико-математический и медицинский факультеты.

Если говорить конкретно о реальном училище Гуревича, то с 1883 г. Яков Григорьевич Гуревич состоял директором собственного учебного заведения, «Гимназии и реального

училища Гуревича», со всеми правами правительственных учебных заведений. Любопытна и биография российского историка и известного педагога Я.Г. Гуревича (1843–1906). Он окончил курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 80-е годы был приват-доцентом всеобщей истории в этом же престижном учебном заведении. Кроме того, читал лекции на высших женских курсах, основал своё собственное учебное заведение, издавал ежемесячный педагогический журнал «Русская школа» (с 1890 г.). Был деятельным членом литературного фонда, где много лет состоял казначеем, а также комитета грамотности, исторического общества и целого ряда благотворительных учреждений. Написал: «Происхождение войны за Испанское наследство и коммерческие интересы Англии» (СПб., 1885) и «Историю Греции и Рима» (выдержала 4 изд.); составил вместе с В. Павловичем «Историческую хрестоматию по русской истории», ч. I–III (3 изд.) и «Историческую хрестоматию по новой и новейшей истории», ч. I и II (3 изд.).

3

Как потомственный дворянин, а тем более сын и внук офицеров, Яков Слащёв был обязан послужить своему Отечеству. И это несмотря на полученное им образование в реальном училище. Всё дело в том, что *«не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным ещё и в первой половине XIX в., спустя 80–90 лет после указа о вольности дворянства, и почти все помещики (в т. ч. богатые и не нуждавшиеся в дополнительном источнике существования в виде офицерского жалованья) некоторое время служили офицерами «из чести»*, — пишет известный историк С.В. Волков. — *При этом служба в гвардии и в некоторых кавалерийских полках требовала гораздо больше расходов, чем составляло офицерское жалованье, и дворяне служили фактически за счёт своих собственных доходов от имения. Как писал один из известных дворянских публицистов второй половины XIX в., «никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши — все сплошь почти были армейские и гвардейские поручики и штаб-ротмистры»*».

Можно лишь предположить, что первоначально Якову Слащёву хотели дать хорошее университетское образование. Потому что в противном случае его бы отдали в кадетский корпус. Однако сам будущий белый генерал стремился именно на военную службу, что в конечном итоге и сыграло свою главную роль.

31 августа 1903 года Яков Слащёв вступил в службу юнкером рядового звания Павловского военного училища.

1-е Павловское военное училище было создано в 1863 году по указу императора Александра II (13 августа 1894 хода во время очередной реформы военно-учебных заведений 1-е Павловское военное училище было переименовано в ПАВЛОВСКОЕ военное училище). Обучение было двухгодичным. В период пребывания в нём Слащёва штат 4-ротного батальона насчитывал 400 юнкеров.

В училище принимались лица, окончившие кадетские корпуса, а на свободные вакансии — молодые люди не моложе 17 лет, удовлетворяющие условиям поступления в корпуса и имеющие аттестат о знании полного курса кадетских корпусов или других средних учебных заведений. Юнкерам Павловского училища были присвоены алые (красные) погоны без выпушки с жёлтым вензелем Павла I «ПI».

В Павловском училище преподавали следующие дисциплины: тактику, военную историю, артиллерию, фортификацию, военную топографию, законоведение, военную администрацию, Закон

Божий, русский, французский и немецкий языки, механику и химию.

Павловское военное училище считалось в Русской армии лучшим строевым, славилось железной дисциплиной, юнкера получали прекрасную военную подготовку, а получать плохие оценки считалось неприличным. Например, в 1912 году 198 выпускников училища были распределены: 23 в Гвардию, 149 в пехоту, 9 в артиллерию, 14 в инженерные части, 1 в железнодорожные части, 1 в казачьи части, 1 в казачью артиллерию. Окончившие полный курс училища делились на три разряда:

1-й разряд — имевшие в среднем не менее 8 баллов и в звании строевой службы не менее 10 выпускались в части армейской пехоты подпоручиками с одним годом старшинства; из них лучшие — с прикомандированием к гвардии;

2-й разряд — имевшие в среднем не менее 7 баллов и в звании строевой службы не менее 9 — выпускались в части армейской пехоты без старшинства;

3-й разряд — не удовлетворявшие условиям 2-го разряда — переводились в части армейской пехоты унтер-офицерами с правом производства в подпоручики не ранее чем через пять месяцев.

Признанные негодными к военной службе выпускались с присвоением гражданских чинов XII класса (1 разряда) или XIV класса (2 и 3 разряда). Окончившие курс были обязаны прослужить полтора года за каждый год пребывания в училище.

Известно, что за 50 лет существования училище подготовило 7730 офицеров, 52 выпускника стали кавалерами ордена Святого Георгия, 124 выпускника погибли на полях сражений. К 1913 году ¼ состава наличных офицеров Генерального штаба состояла из бывших «Павловцев».

Многие известные русские офицеры и генералы учились в этом прославленном учебном заведении. Некоторые из них оставили свои воспоминания. Например, А.И. Спиридович в «Записках жандарма» так описывает свои первые впечатления об училище:

> «Павловское военное училище помещалось в Петербурге в огромном здании на Большой Спасской улице на Петербургской стороне. Курс училища был двухгодичный. Атмосфера серьёзности, деловитости, военщины в лучшем смысле слова, охватывала входившего в училище. Там всё было построено на мысли: выработать в течение двух лет из бывшего кадета

образованного хорошего пехотного офицера. Отсюда вытекал и весь режим училища с его системой обучения и воспитания. С первого же дня бывших кадет выстраивали на плацу и начинали беспощадно гонять маршировкой под оркестр музыки неимоверно большим и скорым шагом. Мы изнемогали от непривычки, особенно малые ростом, но на это не обращали внимания. Тогда же учили отданию чести. То была первая муштровка, посредством которой новым юнкерам сразу придавали военную выправку и молодцеватый вид, что не трудно было сделать с кадетами и без чего училище не выпускало в город своих юнкеров. Нас разбили на роты, причём и ещё два аракчеевца попали в первую роту, которая называлась ротой её величества. Через несколько дней нас привели к присяге. На плацу построилось училище с хором музыки…»

«Военное обучение и образование были поставлены в училище образцово… В результате мы увлеклись военным делом со всем пылом молодости. Мы старались довести строй, ружейные приёмы и гимнастику до щегольства. Многие перед сном проделывали ружейные приёмы и гимнастические упражнения перед громадными зеркалами, и это считалось вполне нормальным. Знание воинских уставов назубок считалось шиком и доходило даже до ненужных подробностей. Так, например, некоторые знали, какой вес по закону должна иметь офицерская перчатка или офицерский нейзильберовый свисток. Быть по одежде, по выправке в строю лучше других училищ, быть по стрельбе «выше отличного», ходить быстрей стрелков — считалось идеалом. Параллельно шло ознакомление со всеми новыми военными течениями по литературе; юнкера увлекались модными и очень популярными тогда книжками Бутовского. Его «Воспитание и обучение современного солдата» было настольной книжкой многих юнкеров старшего курса; его «Наши солдаты» — читалась всеми. По ним знакомились мы с психологией будущих подчинённых, мы старательно готовились быть хорошими офицерами. Примеры блестящих строевых офицеров были у нас перед глазами — это наши училищные офицеры».

К сожалению, Яков Александрович Слащёв ничего не успел написать про свои юнкерские годы. Но благодаря другим

известным выпускникам мы вполне можем представить себе ту атмосферу, в которой готовился стать русским офицером будущий георгиевский кавалер и белый генерал.

Генерал А.С. Лукомский в мемуарах откровенно сознавался, что отправился в Павловское училище с большим неудовольствием и некоторым опасением.

> «Чувство же опасения вызывалось слухами о чрезвычайной строгости и «подтяжке», которые царили в Павловском училище. Судя по рассказам, это училище представлялось мне каким-то дисциплинарным батальоном. (…)
>
> Первые две-три недели я чувствовал себя плохо, боясь за каждый свой шаг и опасаясь суровых возмездий за каждую ошибку. Но приглядевшись, я увидел, что страшного ничего нет. Чувствовалась строгость, но требования были все разумные и отношения со стороны начальства были ровные и очень хорошие.
>
> Жизнь потекла ровно и спокойно, хотя всё время чувствовалось, что надо быть подтянутым. Я с глубокой благодарностью вспоминаю Павловское военное училище.
>
> Дисциплина была строгая, но грубости совершенно не ощущалось. Нас приучали к порядку, к долгу и сумели внушить любовь и уважение к Царю и Родине.
>
> Военная практическая подготовка была поставлена хорошо, и Павловское военное училище выпускало в армию знающих и дисциплинированных офицеров. Недаром армия любила получать в свои ряды «павлонов». Науками нас не изнуряли, но то, что преподавалось, хорошо усваивалось.
>
> Вспоминая училищное время, могу отметить только один недостаток: не было обращено должного внимания, чтобы нас сделать грамотными, а в этом была большая потребность, ибо многие из нас после кадетских корпусов были малограмотные, а некоторые и совсем неграмотные».

Как раз-таки юнкеру Слащёву в этом плане повезло больше всех. Он получил до училища превосходное образование, на базе которого ему было гораздо легче учиться военному делу, нежели бывшим кадетам.

Генерал П.Н. Краснов, также выпускник Павловского военного училища, в эмиграции посвятил ему целую книгу под названием «Павлоны. 1-е Военное Павловское училище полвека

назад»:

«В Императорской России было много военных училищ, как общих, так и специальных — кавалерийских, артиллерийских и инженерных. В них поступали юноши, преимущественно окончившие курс кадетских корпусов. Поступала молодёжь одного образования, одного воспитания, в значительной степени вышедшая из той же военной среды — казалось бы, и училища должны были быть одинаковыми… На деле каждое имело свой характер, свои особенности — свою душу. И если понятно, что специальные училища могли отличаться от училищ общих — пехотных, — то уже совсем непонятно, почему 1-е Павловское, 2-е Константиновское и 3-е Александровское училища так различались друг от друга? Каждое имело свою душу — и одинаковые по своим программам, быту, офицерскому и преподавательскому составу — они были разными. Я это чувствовал тогда, когда сам был юнкером, но особенно почувствовал, когда, приводя в порядок свои воспоминания о Павловском военном училище, перечитал «Юнкера» А.И. Куприна. Мы были юнкерами в одно и то же время: — я в 1-м Военном Павловском Училище, А.И. Куприн в 3-м Военном Александровском — всё у нас было так, как описано у Куприна — так — да не так, а временами и совсем не так. Другой дух был у Павловского училища. Над одним училищем реял дух сурового Императора Павла I, над другим — благожелательного, добролюбивого, «либерального» Александра I. Конечно, сказывалось: — Петербург — холодный, замкнутый, строгий, военный, — и Москва — широкая, гостеприимная, радушная, приветливая — интеллигентно-купеческая. Не походили мы и на своих однополчан «Констапёров», — юнкеров 2-го Военного Константиновского Училища. Там царил дух Дворянского полка, более вольный, чем у нас, где была суровая замкнутость Императорского Военно-Сиротского Дома, основанного в 1879-м году Императором Павлом I, переименованного при Императоре Николае I, в 1829-м году, в Павловский кадетский корпус и в 1863-м году в Павловское военное училище. Сказалось, несомненно, на дух училища влияние первых его начальников и батальонных командиров. (…) Дисциплина была твёрдая и суровая. Она перемалывала человека, сгибала, но не

ломала».

Вне всяких сомнений, выпуск из училища, описанный Красновым в книге, был точно таким же и у Слащёва: *«Громко и отчётливо сказал нам Государь. Каждое его слово запоминалось нами на всю нашу военную службу: — Поздравляю вас, господа, офицерами! Служите России и Мне, как служили ваши отцы и деды. Заботьтесь о солдате и любите его! Будьте ему как старшие братья! Будьте хорошими наставниками. Учите солдат добру, смелости и воинскому искусству. Кому доведётся служить на далёкой глухой окраине — не скучайте, не тоскуйте, помните, что все охраняете Российскую Империю. На вас, юнкера Павловского училища, я всегда надеюсь и верю, что, как были вы прекрасными юнкерами, так будете и образцовыми офицерами моей славной Армии…*

Мы закричали «ура». Под восторженные наши крики Государь, сопровождаемый свитой, заслонившей нас от него, прошёл к Константиновскому училищу. Флигель-адъютанты передавали каждому из нас Высочайшие приказы о производстве в офицеры.

Это были толстые тетради сероватой казённой бумаги. Наверху крупными, какими-то казёнными буквами было напечатано:

Высочайший приказ.

По военному ведомству…»

А вот и сцена прощания с училищем:

> «У нас в училище не было принято прощаться с офицерами, устраивать прощальные обеды в ресторане. Мы всегда далеко стояли от них… Нижние чины… Мы и они понимали — дальние проводы — лишние слёзы… Мы к ним не заходили. Всё, что нужно было нам сказать, было сказано за два года училищной жизни — торжественные, ресторанные обеды с возлияниями и по большой части неискренними льстивыми речами были совсем не в духе училища.
>
> Я вышел на подъезд, первый раз взял извозчика и поехал. Отъехав, я оглянулся.
>
> Румяное солнце спускалось к заливу. Длинное белое здание было залито жёлтым светом. Ярко блистали золотые буквы на синей вывеске: «1-е Военное Павловское Училище». Защемило сердце. А радость с тем всё шире и шире наплывала на сердце, и всё его заливало ярким блистанием свободы…
>
> Но, как сказал поэт, в этой радости так грусти много.

Она была, как этот предзакатный вечерний свет, заливавший белые стены училища, — неяркая и тихая. Чистая юность, прощай! Здравствуй, жизнь!..»

Яков Александрович Слашёв Высочайшим приказом от 22 апреля 1905 года был произведён в чин подпоручика и выпущен в лейб-гвардии Финляндский полк.

Нетрудно догадаться, что подпоручик Слащёв окончил училище по первому разряду, иначе в Гвардию он бы не попал…

Лейб-гвардии Финляндский полк квартировал на косой линии Васильевского острова, а на большом проспекте Васильевского острова располагались полковая церковь и полковой госпиталь. Казармы были построены ещё в первой четверти XVIII века.

Из истории полка можно узнать, что он был сформирован в декабре 1806 г. в Стрельне из крестьян окрестных вотчин как батальон милиции. В 1811 г. его переформировали в полк, который принял участие почти во всех войнах России XIX века.

Из воспоминаний очевидцев известно, что когда Слащёв прибыл в полк, то совершенно не выпивал, избегал весёлых офицерских компаний, предпочитая им иные занятия. А ещё молодой подпоручик очень любил сладкое, за что сразу же получил прозвище «красная девица». Тем не менее *«положение офицеров лейб-гвардии Финляндского полка среди прочих офицеров гвардии издавна отмечалось особенною их сплочённостью между собою, духом единения и скромностью!* — писал историк полка Е. Гулевич. — *В полковой офицерской среде, годами последовательного отбора вступивших в неё офицеров и под постоянным влиянием полковой солидарности, выработался особенный характерный тип строго выдержанного, серьёзного, настойчивого, требовательного и к службе и к другим офицерам. Отношение Финляндских офицеров к службе было всегда серьёзное и ретивое. Между собой же, в товарищеской среде, офицеры полка держались всегда замечательно дружно, а при возникновении неизбежных подчас столкновений вызывали удивительное единство мнений — отличительную черту общества офицеров лейб-гвардии Финляндского полка».*

В полку Слащёв прослужил всего три года и ещё в чине подпоручика поступил в Академию Генерального штаба. Объяснение тут может быть только одно. Высшее военное образование давало молодому офицеру возможность расти в должностях и званиях, чтобы в конечном итоге стать генералом. По мере карьерного роста офицера росло и его материальное благополучие. Не стоит забывать и про получаемые в академии

знания. В любом случае они были соответствующими рангу этого высшего военно-учебного заведения. Словом, в Николаевскую академию рвались многие офицеры, чтобы в корне изменить свою скучную гарнизонную жизнь. Однако поступали туда единицы.

«Продолжительность службы офицеров в полку в среднем была весьма невелика и едва достигала 8—10 лет, — свидетельствовал Е. Гулевич. — Такой краткий срок пребывания офицеров в полку объясняется уходом большинства из них из полка ещё в молодых чинах. Причинами этого были: необходимость оставления строя офицерами, получившими раны, контузии и всякого рода болезни после кампаний, инертность службы в строю и её малая обеспеченность. В 1865 г. один из начальников гвардейских дивизий, в отчёте о полках своей дивизии, доносил следующее:

«Ограниченное содержание офицеров лишает полки наилучших из их среды переводящихся в другие отрасли военной службы и другие ведомства, обставленные лучшими материальными средствами». Таким образом, вышеуказанные причины заставляли офицеров уклоняться от их прямого служебного пути, нормальное происхождение которого за время столетнего существования полка было весьма различно. В начале этого периода субалтерн-офицеры получали роты на 5, 6 и 7-м году службы, в полковники производились на 11 и 12-м году службы. Затем эти сроки постепенно увеличивались, дошли до того, что за последнее время роты стали получаться офицерами по прослужении 13 и 14 лет, производство в полковники оттянулось на 22—23-й год службы, получение же полков отодвинулось до 27-го даже 29-го года службы».

«В России нет высшего учебного заведения, которое было бы поставлено в такие исключительно благоприятные условия в смысле предварительной подготовки слушателей, обстановки преподавания и материальных средств, как академия генерального штаба, — рассказывал в одной из своих статей генерал-майор Генерального штаба Е.И. Мартынов. — Огромные служебные преимущества, которыми пользуются офицеры этой корпорации не только в армии, но и в других сферах государственной службы, вызывают большой наплыв желающих поступить в академию. За исключением малого числа офицеров с образованием юнкерского училища огромное большинство поступающих прошло курс средней школы и затем военного училища, а некоторые офицеры имеют дипломы высших учебных заведений, военных и гражданских. Вся эта масса, обыкновенно раза в три превосходящая число имеющихся в академии вакансий, независимо от полученного ею образования, подвергается конкурсному экзамену из полного курса кадетского корпуса и военного училища.

Таким образом, для поступления в академию офицер уже в зрелом возрасте, снова и основательно, проходит весь среднеобразовательный курс.

Благодаря подобному порядку академия получает контингент слушателей с такой серьёзной подготовкой, которой далеко не имеют студенты наших университетов. Офицер генерального штаба, пишущий с ошибками, не умеющий связно выражать своих мыслей, не знающий географии и т. п., невозможен, между тем как, по авторитетному свидетельству статс-секретаря Муравьёва и председателей всех судебных учреждений империи, лица, окончившие наши юридические факультеты, даже после пятилетних практических занятий при судах зачастую отличаются широкою безграмотностью во всех смыслах этого слова».

Антон Иванович Деникин про поступление в академию писал следующее:

«Мытарства готовящихся в Академию начинались с

экзаменов при окружных штабах. Просеивание этих контингентов выражалось такими приблизительными цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; в Академию на экзамены являлось 400–550; поступало 140–150; на дополнительный курс (3-й) переходило 100; причислялось к Генеральному штабу 50. То есть, другими словами, от отсеивания оставалось всего 3,3 %.

В старые годы, сообразно с сословно-кастовым составом офицерского корпуса, и в Академию шли по преимуществу дворяне по происхождению и кадеты — по среднему образованию. Прочие составляли единицы. Начавшаяся после милютинских реформ демократизация офицерского состава далеко не сразу отразилась на академических выпусках. Только с 90-х годов соотношение в сословнообразовательном цензе стало меняться быстрее и резче, выражаясь для последних двух нормальных академических приёмов и выпуска следующими цифрами:

в 1912 г., из числа державших экзамен в Академию, окончивших кадетские корпуса было 30 % и гражданские учебные заведения — 70 %. В 1913 г. первых было 26 % и вторых — 74 %. В оба года приёма — число вышедших из юнкерских училищ превышало число окончивших военные училища.

Выпуск из Академии в 1913 г. дал 89 офицеров. Из них кадетов было 38,2 %, окончивших гражданские учеб. зав. — 61,8 %; по военному образованию — окончивших военные училища — 60,7 %, а юнкерские — 39,3; по родам оружия: пехотинцев 56,2 %, артиллеристов 18 %, кавалеристов 13,5 % и инженерных войск 12,3 %. В общем числе — армейцев 80,9 % и гвардейцев 19,1 %. Потомственных дворян было уже только 48 %».

При этом чуть ниже Деникин добавляет:

«В Академию разрешалось поступать по истечении трёх лет офицерской службы, и это было для большинства нормальным сроком. Шли, конечно, более честолюбивые или любознательные, имевшие благие намерения и достаточную волю, чтобы побороть инерцию армейской жизни, не слишком располагавшей к серьёзному самообразованию. При таком естественном отборе тем более странным и неожиданным для общества явилось откровение Главного управления Ген. штаба, опубликованное в 1907 г. и вызванное тревогой за

судьбы высшей военной школы, ввиду того, что «с каждым годом уровень умственного развития аспирантов постепенно и неуклонно понижается…» Отзыв об офицерах, державших экзамен в Академию, составленный на основании письменных работ их, был поистине удручающий:

«1) Очень слабая грамотность, грубые орфографические ошибки.

2) Слабое общее развитие. Плохой стиль. Отсутствие ясности мышления и недисциплинированность ума.

3) Крайне слабые знания в области истории, географии. Недостаточное литературное образование. Совершенно детская оценка исторических событий.

4) Крайне слабое общее развитие и низкий уровень общего образования. Не знали: что такое власть исполнительная и что — законодательная; какая разница между однопалатным и двухпалатным парламентом и т. д.».

Недочёты эти свидетельствовали, конечно, о серьёзном кризисе, который переживала в девяностых и девятисотых годах вся русская средняя школа, и отнюдь не могут- быть поставлены в особливую вину ни военному обществу, ни военному ведомству».

С 1901 года Академия Генерального штаба размещалась на Суворовском проспекте, в доме № 32. Основана она была в 1832 году в Санкт-Петербурге, по проекту генерала-адъютанта барона Жомини — «для образования офицеров к службе Генерального штаба» и «для вящего распространения знаний в армии».

В академию могли поступать офицеры не моложе 18 лет и в чинах не старше капитана армии и штабс-капитана гвардии, артиллерии и сапёров. Офицеры, проходившие военную службу вне Петербурга, сначала держали предварительный экзамен при корпусных штабах. *«В академии желающие поступить в теоретический класс держали вступительный экзамен; те, кто желал поступить сразу в практический класс, — и вступительный, и переходной; а желающие приобрести права окончивших курс — ещё и выпускной. По окончании курса офицеры прикомандировывались на 1 год к образцовым частям для ознакомления со службой. Выпуск производился в октябре. Окончившие по 1-му разряду получали следующий чин, по 2-му — выпускались тем же чином, а по 3-му — возвращались в свои же части и в Генеральный штаб не переводились. Армейские офицеры переводились в Генеральный штаб с тем же чином, артиллеристы,*

инженеры и гвардейцы — с повышением (гвардейцы ещё со старшинством в последнем чине). В 1850–1855 гг. академия выпускала ежегодно в среднем 23 человека. В 1855 г. она стала называться Николаевской академией Генерального штаба. С 1909 года — Императорская Николаевская военная академия.

Организация академии была существенно изменена в 1862, 1888 и 1893 годах. В 1862 г. было установлено, что с 1863 г. для поступления в академию (кроме геодезического отделения) надо прослужить 4 года (исключая время службы на нестроевых должностях). Из окончивших в Генеральный штаб зачислялись только на вакансии, а остальные возвращались в части, причём окончившие по 1-му разряду — со следующим чином (но не выше капитана Генерального штаба или равного ему майора армии). В 1863 г. и на геодезическое отделение принимали после 2 лет строевой службы. Но уже в 1868 г. из 4 лет можно было иметь только 2 года строевой службы для всех поступающих. При этом приём (ранее не ограниченный) был установлен в 50 человек (геодезическое отделение — 19 человек за два года). В 1869 г. для окончивших по 1—2-му разрядам был введён дополнительный 6-месячный курс.

На общем отделении академии главными предметами были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съёмкой с черчением, а вспомогательными — русский язык, сведения по артиллерийской и инженерной части, политическая история, международное право и иностранные языки. На геодезическом отделении — теоретическая и практическая астрономия, физическая география, геодезия со съёмкой и черчением, картография и военная статистика; вспомогательными — военная администрация, тактика, русский и иностранные языки.

С 1894 г. квота на число поступающих отменена, но изменились и правила выпуска: было установлено, что основная задача академии — распространение высшего военного образования в армии. В соответствии с этим после 2-го курса офицеры выпускались в войска, а лучшие поступали на дополнительный курс, и лишь окончившие его причислялись к Генеральному штабу. Выпускники были обязаны прослужить в военном ведомстве 1,5 года за каждый год обучения.

Довольно большое число офицеров по разным причинам отчислялись до окончания курса: за 1881–1900 гг. было отчислено 913 человек. Зато окончившие академию занимали впоследствии высшие командные посты.

По положению (пр. по воен. вед. 1893 г.) Николаевская академия Генерального штаба имела целью:

«а) развитие высшего образования среди офицеров армии и

б) комплектование корпуса офицеров Генерального штаба.

Кроме двух классов — младшего и старшего — существовал Дополнительный курс, куда переводились лучшие по успехам из офицеров, в числе, соответствующем вакансиям в Генеральном штабе» (Императорская Николаевская военная академия).

Поручик (пр. 06.12.1909 г.; старшинство 22.04.1909 г.) Яков Александрович Слащёв окончил академию в 1911 году. Два класса вместе с дополнительным курсом — успешно, но без права причисления к Генеральному штабу из-за низкого среднего балла. Сегодня можно лишь предположить, так как прямых свидетельств не сохранилось, что Яков Александрович вполне мог вступить в конфликт с одним из преподавателей академии. Прямой, честный и храбрый офицер отличался превосходнейшим образованием, но уже тогда не терпел несправедливость.

А.И. Деникин в своих незаконченных мемуарах, вспоминая академию, очень ёмко сформулировал своё отношение к несправедливости в её стенах следующими словами: «Каким непроходимым чертополохом поросли пути к правде». Для этого у него были достаточно веские причины:

«Весною 1899 года последний наш «лееровский» выпуск заканчивал третий курс при Сухотине. На основании закона были составлены и опубликованы списки окончивших курс по старшинству баллов. Окончательным считался средний балл из двух: 1) среднего за теоретический двухлетний курс и 2) среднего за три диссертации. Около 50 офицеров, среди которых был я, тогда штабс-капитан артиллерии, причислялись к корпусу Генерального штаба; остальным, также около 50-ти, предстояло вернуться в свои части. Нас, причисленных, пригласили в Академию, от имени Сухотина поздравили с причислением, после чего начались практические занятия по службе Генерального штаба, длившиеся две недели…

Но вот однажды, придя в Академию, мы были поражены новостью. Список офицеров, предназначенных в Генеральный штаб, был снят, и на место его вывешен другой, на совершенно других началах, чем было установлено в законе». История долгая, но поучительная. Антону Ивановичу потребовалось много сил и здоровья, чтобы добиться справедливости. Благодаря настойчивости будущего прекрасного военачальника, его всё-таки причислили к Генеральному штабу в 1901 году, после соответствующей резолюции военного министра.

По поводу обучения в Академии Генерального штаба генерал Мартынов не без иронии рассказывал, как бывший начальник академии генерал Леер неоднократно говорил ему, что «наши

курсы военного искусства представляют огромную мусорную кучу, куда каждый несёт свои отбросы». В частности, он писал:

> «Затем, каждого поражает оторванность академии от жизни. В то время как все высшие военные школы Европы идут во главе быстро развивающегося военного дела, наша академия как бы замерла в своих отживших неподвижных формах.
>
> Офицеров заставляли заучивать переправы на какой-нибудь давно пересохшей речке, запомнить количество баранов и свиней, приходящихся на одну квадратную версту в Галиции, а между тем никто не позаботился познакомить их, хоть в самых общих чертах, с Маньчжурией, где русской армии в действительности пришлось вести войну. Слушателей академии спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции; но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Маньчжурии более 150 тысяч человек. Занимаясь пустословием о воображаемой тактике Чингисхана и фантастической стратегии Святослава, академические профессора в продолжение целой четверти века не успели даже критически исследовать нашу последнюю турецкую войну, ошибки коей мы с точностью повторили теперь на полях Маньчжурии. Следуя раболепно и подобострастно, но без всякого смысла и рассуждения в хвосте Драгомирова, представители нашей официальной военной науки прозевали те новые приёмы военного искусства, которые под влиянием усовершенствованной техники зародились на Западе. По справедливому замечанию французского писателя Негрие, «русская армия не захотела воспользоваться ни одним уроком последних войн». Вообще, академия генерального штаба, вместо того чтобы упорно служить проводником новых идей в войска, всё время упорно отворачивалась от жизни, пока сама жизнь не отвернулась от неё.
>
> Однако бессистемность академической программы и отсталость отдельных курсов являются несравненно меньшим злом, чем те методы преподавания, которые

господствуют в академии».

В отличие от Деникина, Слащёв, судя по всему, не стал тратить свои нервы на то, чтобы доказать свою правоту, и тем самым он отказался от борьбы за причисление. Жалел ли он об этом потом, неизвестно и поныне.

5

После академии поручик Слащёв был назначен младшим офицером в Пажеский Его Императорского Величества корпус, где был самым обыкновенным преподавателем тактики в течение целых трёх лет. Правда, на штатную должность преподавателя Якова Александровича назначили только 31 марта 1914 г. До этого он числился всего лишь прикомандированным.

Вновь к Гвардейской пехоте Слащёва причислили только 31 марта 1914 года. То есть как перспективный офицер гвардейской пехоты он был лишён строя, что для выпускника Академии Генерального штаба считалось, так сказать, дурным тоном. Но нельзя забывать и о том, что Пажеский корпус в царской России был самым элитным учебным заведением. Как военно-учебное заведение он существовал с 1802 года. До этого это была просто придворная школа, созданная указом от 5 апреля 1742 года. В 1762 г. Екатерина II запретила принимать в эту школу отроков недворянского происхождения. К началу XIX века Пажеский корпус состоял из трёх пажеских классов (на 50 пажей) и одного камер-пажеского (на 16 камер-пажей) и в порядке управления не был объединён с другими военно-учебными заведениями. С 1810 г. корпус разместился в комплексе зданий по Садовой улице в бывшем дворце графа М.И. Воронцова. И только в 1819 г. он был подчинён главному директору кадетских корпусов. С 1827 г. число обучающихся доведено до 150 человек.

По положению 1889 г. Пажеский корпус состоял из 7 классов, с учебным курсом кадетских корпусов и двух специальных, с учебным курсом военных училищ. Все воспитанники носили звание пажей, а при переходе в старший класс за успехи в науках и по дисциплине могли быть произведены в камер-пажи.

> «Пажеский корпус, — сообщается в «Википедии», — состоит в ведомстве военного министерства и подчиняется главному начальнику военно-учебных заведений, непосредственное управление вверяется директору, а ближайшее заведование учебной частью — инспектору классов. Ротами заведуют ротные командиры, а классными отделениями — офицеры-воспитатели. При корпусе состоят комитеты: педагогический, дисциплинарный и хозяйственный.
>
> Общий комплект обучающихся: 170 интернов, воспитывающихся на полном казённом иждивении, и 160 экстернов, за которых уплачивается по 200 р. в год.

В 3-м (низшем) классе полагаются только экстерны. Сверх общего числа интернов полагается 6 штатных вакансий для уроженцев Финляндии. К приёму в корпус допускаются исключительно зачисленные предварительно, по Высочайшему повелению, в пажи к Высочайшему двору; ходатайствовать о таковом зачислении разрешается лишь о сыновьях и внуках лиц, состоящих или состоявших на службе в чинах первых трёх классов или же об отпрысках родов, занесённых в пятую и шестую части родословных книг (титулованное и древнее дворянство).

Приём производится по состязательному экзамену; в 7-й общий и оба специальные классы ни приёма, ни перевода пажей — кандидатов из других корпусов, не допускается (врем. прав. 1891 год).

Воспитанники делятся на три роты. На лагерное время 1-я рота выводится в лагерь, в Красное Село, где прикомандировывается к Офицерской стрелковой школе; 2-я рота проводит летом от 5 до 6 недель в кадетском лагере в Петергофе. Пажи 1-й роты считаются на действительной военной службе. По результатам выпускного экзамена все воспитанники старшего специального класса разделяются на четыре разряда:

1. Отнесённые к 1 разряду выпускаются подпоручиками или корнетами в гвардию, или теми же чинами в армию или в специальные войска, с одним годом старшинства, и получают на обмундирование по 500 руб., трое отличнейших из них могут быть прикомандировываемы к гвардейской артиллерии;
2. Отнесённые ко 2 разряду — подпоручиками и корнетами в армию или специальные войска, с одним годом старшинства, и получают на обмундирование по 225 руб.;
3. Отнесённые к 3 разряду — теми же чинами в армию, без старшинства; на обмундирование получают столько же;
4. Отнесённые к 4 разряду переводятся в части армейской пехоты или кавалерии унтер-офицерами на 6 мес., после чего могут быть производимы в офицеры, но исключительно на вакансии.

Все отнесённые к первым трём разрядам выпускаются в части войск по собственному выбору, хотя бы в них не было вакансий, но в гвардейские части лишь в те, где сверхкомплект офицеров не превышает 10 %.

Неспособные к военной службе награждаются гражданскими чинами: первые 2 разряда — X класса, 3 разряда — XII и 4 разряда — XIV класса».

Кроме всего прочего, воспитанники Пажеского корпуса в период обучения считались причисленными к Императорскому двору и систематически несли обязанности караульной службы.

Сложно сказать, как себя чувствовал Яков Александрович среди детей и внуков августейших особ и членов императорской семьи, но за два года преподавательской работы в корпусе ему удалось написать одну весьма примечательную книгу «Ночные действия». Она была издана в типографии Альтшуллера по адресу Фонтанка, 96 в 1913 году.

В ведении к ней автор писал:

«Во все времена ночные действия рассматривались как явление необычное, можно сказать, из ряда вон выходящее, составляющее удел талантливых — лучших полководцев своего времени.

Это обуславливается тем, что выполнение их сопряжено с большими трудностями, преодоление которых требует недюжинных способностей от начальника и хорошей подготовки войск.

Эти два условия, т. е. личность начальника, способного организовать и привести в исполнение ночное действие и войска, достаточно хорошо подготовленные, чтобы выполнить это действие, и представляют собою главное затруднение.

Трудность действия ночью происходит вследствие:

1) Большой впечатлительности войск ночью.

2) Сокращения до минимума обзора и обстрела.

3) Увеличение случайностей.

4) Упадка физических сил войск, вследствие отсутствия сна и утомления.

5) Трудности управления войсками и ориентировки.

6) Трудности маневрировать.

7) Затруднительности действия артиллерии и конницы.

Всё вышесказанное указывает, насколько трудно действовать ночью, а между тем действовать нужно, потому что в некоторых случаях это необходимо, а иногда прямо решить дело в нашу пользу.

Обратимся теперь к рассмотрению, какие выгоды представляют собою ночные действия:

1) Очень часто энергичный начальник, не

обладающий достаточными силами для победы над противником, попытается восполнить этот пробел ночными действиями, которые не позволят противнику разобраться в обстановке, в нападающих силах и дадут победу, хотя и более слабым количеством, но более сильным качеством войскам (качеством начальника и духовной силой и обучением войск).

2) Находясь далеко от противника, энергичный начальник может быстрым ночным маршем поглотить это расстояние и неожиданно напасть на противника.

3) Желая отвязаться от противника после боя, начальник может воспользоваться для этого ночью, т. е. ночными действиями вернуть себе свободу действий.

4) Обладая всеми данными, чтобы одержать верх над противником в дневном бою, но предвидя огромные потери, вследствие плохих подступов, передовых пунктов и сильного огня противника, начальник может решить избежать этих потерь при помощи ночных действий (взять передовые пункты ночью и подвести свои силы на последнюю стрелковую позицию).

5) После дневного боя, давшего недостаточные результаты, начальник может, не опасаясь губительного огня противника, под которым его войска изнемогали весь день, достигнуть цели ночными действиями.

6) Наконец, ночные действия облегчат движение во время жары.

Из вышеуказанного видно, что главным образом ночь влияет на:

1) Духовную сторону бойца.

2) Значение современного огня.

3) Увеличение значения случайностей.

4) Управление, охранение, разведку, маневрирование и ориентировку войск».

В апреле 1913 г. Слащёва производят в очередной чин штабс-капитана, а на груди появляется первый орден Святого Станислава 3-й степени. Некоторые очевидцы утверждали, что Якову Александровичу нравилась новое поприще. Тогда он преподавал с удовольствием и много времени уделял своему самообразованию. При этом у него появилось желание навсегда распрощаться с мундиром своего полка, дабы всего себя посвятить военной науке.

Всё в том же 1913-м молодой офицер заключил брак с Софьей Владимировной Козловой (1891 г.), которая была дочерью

командира лейб-гвардии Финляндского полка. В 1915 году в этом браке родится дочь. В 1920 г. жена и дочь белого генерала эмигрируют во Францию.

Сегодня в некоторых статьях про Слащёва можно встретить такое утверждение, будто бы Яков Александрович женился на дочери командира гвардейского полка исключительно ради карьеры. Но это не более чем личное мнение авторов, так как на тот момент Слащёв преподавал в Пажеском корпусе не один год и к полку никакого отношения не имел. С Софьей Владимировной он познакомился гораздо раньше, ещё юным подпоручиком, когда был представлен семье полкового командира. Но тогда ей было всего 14 лет. И только теперь, когда девушке исполнилось 22, а молодому офицеру 28, родители почтенного семейства благословили молодых и дали своё согласие на брак.

Почему в 28? Потому что по правилам, утверждённым 3 декабря 1866 года, русским офицерам запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет. До 28 лет офицеры могли жениться только с разрешения своего начальства и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения реверса, принадлежащему офицеру, невесте и обоим. Предоставленное обеспечение должно было приносить в год не менее 250 руб. чистого дохода.

Как рассказывает известный историк С.В. Волков, *«позднее эти правила были подтверждены и развиты законом от 7 февраля 1881 г. и другими актами, принимавшимися в 1887, 1901–1906 гг. По-прежнему сохранялись названные возрастные ограничения и внесение реверса офицерами, получавшими до 100 руб. в месяц, а с 1901 г. и вообще всеми офицерами, получающими менее 1200 руб. в год, независимо от возраста (т. е.практически всеми офицерами до командира роты). Сумма реверса была к тому же повышена. 4 марта 1903 г. возраст внесения реверса снова был ограничен 28 годами».*

Так что Я.А. Слащёв вступил в брак абсолютно по закону, таким образом составив себе хорошую партию. Ведь при даче разрешения на брак учитывалась его пристойность, а это значит, что невеста офицера должна была быть «доброй нравственности и благовоспитанна». Кроме того, её общественное положение было вне всяких сомнений.

6

По-разному сложились судьбы однокашников Слащёва по Академии Генерального штаба. Виной тому стала так называемая Октябрьская Социалистическая революция, плавно перешедшая в Гражданскую войну. И думается, будет совсем не лишним очень кратко рассмотреть биографии этих офицеров, волею судьбы и злого рока оказавшихся по обе стороны братоубийственной войны. Ибо в целом они представляют некую картинку той эпохи, ставшей трагической страницей в жизни почти каждого из них.

Апухтин Константин Валерианович (1881–1945). Окончил Пажеский корпус (1902), Офицерскую кавалерийскую школу (1912), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Штабс-ротмистр (1910). Командир эскадрона лейб-гвардии Уланского Её Величества полка (1912). С 1918 г. в Белой армии. До эвакуации Крыма командир запасного кавалерийского полка. В эмиграции служил в пограничной страже в Югославии. В 1941 г. представитель Русского Корпуса в Югославии. С 1929 г. имел чин генерал-лейтенанта.

Архипов Михаил Николаевич (1885–1972). Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905), Санкт-Петербургский археологический институт (1908), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Подполковник (1915). В 1917-м штаб-офицер для поручений при штабе 22-го армейского корпуса, начальник штаба 6-й Финляндской стрелковой дивизии, начальник штаба 22-го армейского корпуса, командующий войсками Казанского военного округа. С 1918 г. в Белой армии. Начальник штаба войск Мурманского района. В эмиграции в Финляндии, военный писатель, сотрудник журнала «Военная Быль».

Богданович Павел Николаевич (1883–1973). Окончил Киевское военное училище (1904) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1911). Участвовал в экспедициях по прекращению волнений и беспорядков в Закавказье, где был ранен в голову и спину. Участник Первой мировой войны. Был контужен и ранен. Подполковник (1914). Старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (1913). При окружении 13-го и 15-го армейских корпусов попал в плен. В 1918 г. бежал в Голландию. В 1922 г. приглашён на службу в военную миссию при русском посольстве в Париже. В 1921 г. произведён в чин полковника. Исполнял должность штаб-офицера для поручений при

главноуполномоченном Главнокомандующего Русской армией в Париже. Во время Второй мировой войны стал редактором издававшегося в Париже еженедельника «Парижский вестник». В 1948 г. уехал в Аргентину, где первое время был управляющим большого имения в горах, а затем по болезни выехал в Буэнос-Айрес.

Бучинский Борис Иванович (1881–1971). Окончил Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую военную академию. Участник Первой-мировой войны. В 1917 г. — старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии. Полковник. С 1918 г. в Белой армии. Начальник Контрразведывательного и разведывательного отделений. Умер во Франции в доме для престарелых.

Букретов Николай Адрианович (1876–1930). Окончил Московское юнкерское училище (1896) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1911). Участник Первой мировой войны. Командир 90-го Онежского полка, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. Генерал-майор (1916). В 1920 г. — войсковой атаман Кубанского казачьего войска. До 1922 г. проживал в Константинополе, затем эмигрировал в США.

Васильев Виктор Михайлович (1879—?). Окончил Киевское военное училище (1902) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Исполняющий должность старшего адъютанта штаба Одесского Военного округа. Полковник (1917). В 1918 г. в армии УНР, а позже Украинской Державы.

Верховский Александр Иванович (1886–1938). Пажеский корпус не окончил, был исключён. В чин подпоручика произведён «за боевые отличия». Императорскую Николаевскую военную академию окончил (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Начальник оперативной части 22-го армейского корпуса, помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. В 1907 г. военный министр. Генерал-майор (1917). В 1919 г. вступил в Красную армию, член Особого совещания при Главкоме РККА. В 1930 г. — начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1931 г. по обвинению в антисоветской деятельности приговорён Коллегией ОГПУ к расстрелу. Приговор заменён 10 годами лагерей. В 1934 г. досрочно освобождён. В 1936 г. присвоено звание комбрига. В 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в антисоветской деятельности приговорён к расстрелу. В 1956 г. реабилитирован.

Вишневский Виктор Арсеньевич (1878–1918). Окончил Казанское пехотное юнкерское училище и Императорскую

Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Исполняющий должность начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Подполковник (1915).

Гершельман Владимир Константинович (1880—?). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1899), Николаевское инженерное училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской войны. Командир роты в лейб-гвардии Измайловском полку, капитан (1911).

Головкин Владимир Константинович (1881–1937). Окончил Академию Генерального штаба (1911). Подполковник. В годы Гражданской войны в Красной армии. Военспец, преподаватель методики обучения войск на курсах «Выстрел». В 1931 г. арестован по делу «Весна». В 1937 г. — заведующий военной кафедрой Планового института Госплана СССР. Арестован по обвинению в шпионаже и антисоветской агитации. Приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1957 году. Всю свою жизнь собирал и исследовал российские знаки почтовой оплаты, цельные вещи Российской империи. В его коллекции были такие редкости, как, например, провизорные штемпельные конверты Царства Польского. Коллекция Головкина частично пострадала при аресте, а частично была распродана дочерью. Также Головкин автор многочисленных трудов по тактике, значительная часть которых была уничтожена после ареста, а остальные попали в фонды спецхрана.

Гонтарёв Борис Викторович (1879–1977). Окончил Одесское военное училище (1905) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Начальник штаба 12-й армии, полковник (1917). С мая 1918 г. в Белой армии. Начальник штаба отряда генерала А.Г. Шкуро. В эмиграции в Югославии работал преподавателем в сербской гимназии в Белграде. В 1924 г. произведён в генерал-майоры. Во время Второй мировой войны совместно с генералом М. Скородумовым являлся основателем Русского корпуса в Югославии. Умер в Австрии.

Добржияловский Борис-Август Антонович (1872–1917). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1900) и Императорскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Подполковник (1916). Штаб-офицер для поручений при штабе 23-го армейского корпуса. Умер в Ставке Верховного Главнокомандующего от кровоизлияния в мозг.

Замбржицкий Виктор Альфонсович (1883–1960). Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское инженерное

училище (1903) и Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Подполковник (1916). Старший адъютант оперативного отделения генерал-квартирмейстера штаба Особой армии. С 1917 г. — начальник штаба 133-й пехотной дивизии, затем 29-го армейского корпуса. Полковник (1917). С 1918 г. в Белой армии, генерал-майор. Генерал для поручений при Главнокомандующем Вооружённых Сил Юга России. Умер в США. Автор многочисленных статей по истории Второй мировой войны в журнале «Часовой».

Зарубаев Владимир Николаевич (1880–1972). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта, полковник. В 1918 г. вступил в Красную армию. Занимал должность помощника заведующего и заведующего учебной частью Тамбовских пехотных курсов. Начальник штаба Тамбовского укреплённого района. С 1921 г. помощник командующего войсками Петроградского военного округа, служил в военно-учебных заведениях и штабах.

Капустин Николай Яковлевич (1878–1927). После Технологического института выдержал офицерский экзамен как прапорщик запаса. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Начальник отдела 2-го отделения управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, полковник. Штатный преподаватель военных наук в Николаевской военной академии (1918). С 1918 г. в Красной армии. Заведующий обучающимися слушателями и группами слушателей по практическим занятиям в Академии Генштаба РККА. Преподаватель Артиллерийской академии, секретарь Военно-научной редакции Военно-исторической комиссии, штатный заведующий обучающимися в Военной академии, преподаватель Военно-инженерной академии.

Касаткин Василий Николаевич (1885–1963). Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба корпуса, генерал-майор. С 1918 г. в Белой армии. Начальник военных сообщений Ставки адмирала А.В. Колчака, преподаватель военных наук в Академии Генштаба. Военно-полевым судом осуждён на 6 месяцев заключения, исполнение приговора было отложено до окончания войны. Генерал-квартирмейстер штаба Омского Военного округа. В

эмиграции жил во Франции.

Косматов Александр Васильевич (1879–1938). Окончил Военно-топографическое училище (1900) и Николаевскую академию Генштаба (1911). Полковник, начальник штаба Латышской стрелковой дивизии. С 1918 г. в Красной армии. В 1918–1919 гг. — военрук краевой экспедиции Туркестана, в 1919–1920 гг. — начальник штаба Двинского Укреплённого района. В 1932–1937 гг. военрук Геодезического института, военрук Московского государственного университета, начальник 2-го отделения, начальник 6-го отделения 7-го отдела Разведуправления РККА.

Косьмин Владимир Дмитриевич (1884–1950). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1911). Участник Первой мировой войны в 8-м Московском гренадёрском полку. Подполковник (1916), полковник (1918), генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1919). В Белой армии с 1918 года: начальник штаба 1-й (6-й) Уральской дивизии, командир 4-й Уфимской дивизии, командир 6-го Уральского корпуса и армии, командующий Сводной группой войск. В эмиграции в Китае. Формировал и руководил контрреволюционными отрядами.

Кузнецов Матвей Никифорович (1888–1938). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1905) и Императорскую Николаевскую академию (1911). Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений при штабе 46-армейского корпуса, подполковник (1916). Исполняющий должность начальника штаба 27-й пехотной дивизии, полковник (1917). С 1918 г. в армии Украинской державы, адъютант штаба 3-го корпуса в Одессе. Затем в Красной армии. В 1930 г. преподавал в Московской военно-инженерной школе.

Кусонский Павел Алексеевич (1880–1941). Окончил Полтавский Петровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник Первой мировой войны. Офицер в штабе 8-й армии, офицер в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. Полковник (1917), генерал-майор (1919), генерал-лейтенант (1922). В Белой армии — генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии, комендант Симферополя, начальник штаба 3-го армейского корпуса. В эмиграции проживал в Турции, Бельгии, Франции. В 1941 г. арестован гестапо и помещён в концлагере, как возможный сторонник Советского Союза и противодействия Германии в войне с СССР. Умер от жестоких побоев в концлагере.

Лебедев Дмитрий Антонович (1882–1928). Окончил

Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903) и Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, полковник (1917). В 1918 г. был активным участником прихода к власти адмирала А.В. Колчака. Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Генерал-майор, военный министр (1919). Общественное мнение считало его одним из виновников поражения Белой армии. Командующий Степной группы войск, командир Уральской группы войск, участник Великого Сибирского ледяного похода. В 1922 г. помощник генерала М.К. Дитерихса и начальник вооружённых сил Владивостока. Эмигрировал в Китай. Основатель и редактор газеты «Русская мысль».

Леонов Гавриил Васильевич (1879—). Окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1904) и Академию Генерального штаба (1911). Участник Первой мировой войны. Исполняющий должность штаб-офицера для поручений при штабе 2-го Кавказского армейского корпуса, исполняющий должность начальника штаба 132-й пехотной дивизии, подполковник (1916). Полковник (1917). В Белой армии. С 1919 г. исполнял должность 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем адмирале А.В. Колчаке, генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. В начале 1920 г. попал в плен. Вступил в Красную армию, был арестован, но вскоре освобождён. С 1921 г. в штабе Заволжского военного округа.

Мариюшкин Алексей Лазаревич (1877–1946). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1899) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Исполняющий должность старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии, подполковник (1916). Полковник (1917). С 1918 г. в армии Украинской Державы. Начальник оперативного отдела штаба 5-го корпуса. Вступил в Красную армию, где состоял для поручений при командующем 12-й армией. Летом 1919-го перешёл на сторону белых. Начальник штаба Заволжского отряда. В эмиграции в Югославии. В декабре 1944 г. арестован отделом контрразведки Смерш 17-й воздушной армии 3-го Украинского фронта, вывезен в СССР. Умер в лагере в Мордовии.

Де Роберта Николай Александрович (1878). Окончил Тифлисский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1900) и Императорскую Николаевскую

военную академию (1911). Исполняющий должность начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, подполковник (1916). Полковник (1917), начальник штаба 39-й пехотной дивизии. В Белой армии начальник штаба 1-й пехотной дивизии. Попал в плен. Впоследствии служил в Красной армии. Штатный преподаватель тактики школы Красных Коммунаров. В 20-е и 30-е годы был агентом ОГПУ, однако сообщил белой эмиграции о возможности похищения главы РОВС генерала Кутепова. Расстрелян.

Свечников Михаил Степанович (1881–1838). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1901) и Академию Генерального штаба (1911). Участник похода против Китая (1900–1901), Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 г. — штаб-офицер для поручений при штабе 47-го армейского корпуса, подполковник. В 1917 г. — начальник штаба 106-й пехотной дивизии. Вступил в РСДРП(б), принимал участие в штурме Зимнего. В 1918 г. в РККА главнокомандующий северного фронта, командовал 1-й Петроградской стрелковой дивизией. С 1922 г. на преподавательской работе. С 1934 г. начальник кафедры истории военного искусства Военной академии имени М.В. Фрунзе. Арестован в 1937 г., приговорён к высшей мере наказания.

Сергеевский Борис Николаевич (1883–1976). Окончил Константиновское артиллерийское училище (1904) и Николаевскую военную академию (1911). Кроме того, был вольнослушателем Императорского Археологического института. Участник Первой мировой войны. Исполняющий должность штаб-офицера для поручений при штабе 40-го армейского корпуса, начальник штаба корпуса на Юго-Западном фронте, подполковник (1916). Полковник (1917), начальник связи действующей армии. Временное правительство произвело Сергиевского в генерал-майоры, но он это производство не признал и генералом никогда не именовался. В Белой армии помощник начальника оперативного отделения штаба Вооружённых сил Юга России, начальник штаба 5-й дивизии, начальник службы связи Добровольческой армии генерала Май-Маевского. Эмигрировал в Турцию, затем жил в Болгарии и Югославии. В 1944 г. выехал в Германию, а в 1951 г. в США. Автор книг и статей.

Станиславский Андрей Васильевич (1883–1941). Окончил Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское военное училище (1904) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Исполняющий должность старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии,

подполковник (1916). Как военный консультант в конце 1917 г. участвовал в Брест-Литовских переговорах. Состоял в Комиссии Красной армии по организации разведывательного и контрразведывательного дела. Осенью 1918 г. выехал в служебную командировку в район Брянска, где перешёл линию фронта и остался у белых. Участник Белого движения. Умер в эмиграции во Франции.

Татонов Георгий Петрович (1884–1970). Окончил Михайловский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 г. штаб-офицер для поручений при штабе 34-го армейского корпуса, подполковник. В 1917 г. произведён в чин полковника, начальник штаба 136-й пехотной дивизии. В Белой армии. В начале 1919-го командир 2-го Волгского полка, входившего в 1-ю Терскую дивизию генерала Шкуро. Генерал-майор (1920). В эмиграции проживал в Сербии, а затем во Франции. Умер в русском доме для престарелых.

Токаревский Вячеслав Константинович (1882–1927). Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1902) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Исполняющий должность штаб-офицера для поручений при штабе 2-го армейского корпуса, подполковник (1916). Делопроизводитель Главного управления Генерального штаба, полковник (1917). Вступил в Красную армию. Начальник Оперативного управления Всероглавштаба, помощник начальника Оперативного отделения полевого штаба РВСР, начальник Оперативного управления штаба Туркестанского фронта. С 1922 г. преподавал в Военной академии РККА.

Чайковский Дмитрий Леонидович (1882–1954). Окончил Владимирско-Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба гвардейской Кирасирской дивизии в Восточной Пруссии, подполковник (1915). Старший адъютант отделения генерал квартирмейстера штаба 10-й армии. Полковник (1917). В Белой армии. Начальник Политической канцелярии Особого совещания при Главнокомандующем Вооружённых сил Юга России. Умер в Париже.

Шварц Николай Николаевич (1882–1944). Окончил Московское военное училище (1904) и Императорскую военную академию (1911). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Помощник начальника отделения управления генерал-

квартирмейстера штаба Главнокомандующего Западного фронта, подполковник (1916). В Красной армии с весны 1918 года: начальник разведотделения военно-статистического отдела Оперупра Всероглавштаба, начальник оперативного отделения штаба Восточного фронта, помощник начальника штаба Кавказского фронта. В 1920 г. занимал должность начальника штаба Западного фронта, которым командовал М. Тухачевский. Был автором плана наступления РККА на Варшаву. После провала наступления подвергся репрессиям. Был арестован, а через три месяца освобождён. С конца 1921 г. преподавал в Военной академии РККА. В 1935 г. присвоено воинское звание комдив, в 1940 г. — генерал-лейтенант. Последняя должность — заместитель начальника кафедры Академии Генерального штаба. Умер в Москве.

Штейфон Борис Александрович (1881–1945). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1902) и Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Первой мировой войны. Помощник начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, подполковник (1915). Начальник штаба 161-й пехотной дивизии, полковник (1917). В Белой армии. Начальник штаба 3-й пехотной дивизии, командир 13-го пехотного полка, начальник 4-й пехотной дивизии, начальник штаба отряда. Генерал-майор (1920). В эмиграции жил в Турции, в Болгарии, в Югославии. Опубликовал ряд работ по истории военного искусства и занимался преподавательской деятельностью. В 1941 г. принял командование над Русским охранным корпусом, который боролся с югославскими партизанами, а затем и с регулярными частями Красной армии. Скончался в результате сердечного приступа.

Глава четвёртая
До гражданской войны

1

— Но как может командир взвода и комроты вгрызаться в позицию противника? — задаёт вопрос Слащёв, обращаясь к слушателям курсов. Сделав необходимую паузу, Яков Александрович продолжает:

— Роте дан участок наступления по фронту 400—1000 метров. Когда участок узкий, положение легче в смысле превосходства сил вначале, но труднее подвести эти силы к противнику (на узком фронте не всегда найдёшь укрытые подступы). Наступая на широком фронте — легче подвести войска к противнику, но надо суметь сманеврировать, чтобы быть сильнее противника там, где мы вгрызаемся. Вот в эти моменты и наступает резкая необходимость маневренной способности мелких частей и их командиров. Получив полосу наступления и выбрав подступ для укрытого продвижения своей роты, комроты ещё не знает точного расположения противника. Сколько бы нам ни давали сведений — агентура, перебежчики, лётчики, — они всегда будут запоздалы, для комроты в особенности, и никогда не выяснят точного положения частей противника на фронте роты — ей всегда придётся добывать себе сведения боем. И комроты комвзводу сможет дать только полосу, чаще всего только направление и указать место, на которое наступать.

Развёртывая свою роту, комроты, как правило, не знает, где точно находятся окопы противника (разведчики дадут только неполные данные сведения о дежурных пулемётах, и чаще всего о его охранении), он идёт ощупью, выдвинув вперёд свои станковые пулемёты, которые покроют противника, если тот мешает нашему продвижению.

Путём этого состязания выясняется, где точно сидит противник и откуда он нам делает пакости. Вот тут настанет решительный момент манёвра комроты. Тут, в расстоянии 2500—800 метров от противника, он должен дать точную задачу огню и людям. Я указал такую растяжку расстояния, потому что тут всё будет зависеть от меткости, которая может дать подобраться укрыто близко, а может этого и не позволить — одно можно сказать: комрот должен видеть, куда он посылает свои взводы и куда сосредоточит свой огонь. Его дело сообразить, что ему атаковать в первую голову, что надо ликвидировать пулемётным и артиллерийским огнём. Для этого нужна связь, и телефон должен всегда тянуться к нему от комбата, а желательно и от артиллерии. Его донесения и распоряжения коротки и просты.

Сказать, что комрот сможет атаковать по всему фронту своего

участка, хотя бы он и был наименьшей величины, как правило, нельзя. Надо учесть, что во время наступления происходит борьба за огневое превосходство, главным образом артиллерией и пулемётами, а начиная с 800 метров в нём участие примут и стрелки, которые до этого прятались по подступам. И вот в тот момент, когда комрот и его подчинённые командиры хорошо разглядели окопы противника и хоть приблизительно выяснили количество и место вредящих пулемётов, комроты уже должен уточнить задачу взводам. Повторяю, что точно указать, на каком расстоянии от противника эта возможность явится, нельзя. Это будет зависеть от местности (открытая или закрытая) и от свойств и настроения противника, т. е. откроет он по нас огонь со всех своих огневых точек издали или будет их прятать до нашего подхода к нему на ружейный огонь. Можно только приблизительно указать, что это должно произойти на расстоянии от 2-х вёрст до 800 шагов.

И вот, давая окончательную задачу взводам, комрот должен определить и оценить, какое превосходство в огне им одержано над противником. Достаточно ли его огонь доминирует над огнём противника, чтобы взводы роты могли одновременно перейти в наступление и захватить первые огневые точки противника. Если этого нет, то придётся атаковать только одну точку, а всеми остальными силами поддерживать эту атаку огнём и даже обратиться к комбату и артиллерии за их огневой помощью — повторяю, это может выясниться в каждом случае только на месте, и эта оценка лежит на ответственности комроты.

И таким образом должны ставить задачи все командиры, чтобы дать взводу сгрызть окоп противника. Сгрызшие один обращаются на другой и так далее. И тут же наступает время маневрирования комбата и комполка, а часто и выше — надо помнить, что позиция держится не только сопротивлением огневых точек, но, когда их съедают, выступают на арену резервы всех видов, в зависимости от важности участка. Борьба с этой контратакой и есть дело комбата, комполка, комдива, а часто и комкора. Надо поставить вопрос прямо и открыто: ставь задачу взводу и вообще подчинённым, но обеспечь сам их выполнение. Это момент самый острый, и глубоко виноват тот начальник, который не облегчил и не обеспечил своему подчинённому возможности выполнять поставленную ему задачу. Оборона базируется на сопротивление огневых точек — наступление должно их занять. Оборона выдвинет контрудар, отнимающий занятие точки, наступление должно иметь силы ликвидировать этот контрудар, и всюду и везде вопрос будет решаться превосходством сил, достигаемым только манёвром.

Своевременность и обдуманность этого манёвра крупных резервов приведёт к преследованию, во время которого роль командира передовой роты столь же тяжела и ответственна.

Он должен всё время учитывать обстановку и помнить, что на пути к окончательной победе противник будет строить ряд препон, которые должна быть готова сломать его рота, он должен не почить на лаврах, а иметь в виду борьбу с арьергардами противника и всё время помнить о сосредоточении превосходных сил против одного места противника, т. е. рота всё время должна быть в его руках. Его основное положение должно быть, что взвод — взвода противника наверняка не сшибёт, но зато собьёт его отделение. Из этого он должен исходить и всё время должен маневрировать своими людьми и огнём. Мне кажется ясно, что в наступательном бою огонь и манёвр всех командиров и частей явится залогом успеха. От величины соединений, которыми командует данный командир, будут зависеть те огневые средства, которыми он располагает, и тут будут колебаться и те задачи, которые поставлены соединению. Их он может выполнить только манёвром своих огневых и людских сил. Всё только что доложенное касается наступления, в каких бы оно видах не велось — разведка, встречный бой или наступление на остановившегося противника.

Посмотрим теперь, каково будет значение манёвра (огневого и людского) тогда, когда мы принуждены вести оборону, а может, и ещё хуже — выход из боя. Помните, я уже докладывал — всюду сильным быть нельзя — надо уметь за счёт одних сделать сильными других.

И вот рассмотрим роль манёвра, когда мы слабы. Оборона есть состояние крайне неблагодарное. Противник, где захочет, там и ударит. Её можно применить именно только тогда, когда мы за счёт её наступаем в другом месте (это стратегически), а тактически, когда мы поддерживаем соседа или даём отдохнуть или спастись остальным войскам, одним словом, выигрываем время.

Скажем определённо: оборона предусматривает недостаток сил в данном месте — это есть явление вынужденное и никогда не может ставиться целью.

На этом участке мы слабы — да, мы обороняемся, но за счёт нас противнику либо готовится, либо наносится удар, который заставит его сложить оружие — наше дело выиграть время для того, чтобы этот удар произошёл…

В то же время оборона есть серьёзнейший экзамен командиров, на которых её возложат, и требует от войск и командиров наибольшего напряжения — решить эту задачу не

всякий сможет, а выполнить до конца может только сильной волей и манёвром.

После этих слов Яков Александрович посмотрел на часы и с некоторым оживлением сказал:

— Товарищи командиры, на этом наше занятие окончено. Я не буду сейчас говорить о том, что его цель была нами достигнута. Возможно, что вы всё уяснили, но для полного пережёвывания этого материала требуется колоссальная самостоятельная подготовка. И это ещё не так страшно, как оказаться в реальном бою. Так что учитесь. И только тот, кто будет это делать с огромным упорством, сможет сдать свой самый настоящий экзамен. Всего вам хорошего…

Слащёв вышел из лекционного зала и направился в преподавательскую, где, нервно закурив папиросу, остановился у окна. Перед глазами, затемнёнными пеленой, предстала яркая картина из тех, что он никогда уже не сможет забыть до конца дней своих.

2

«30 июля 1914 г. Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации, в ответ Германия объявила войну России. Как и другие европейские страны, втянутые в конфликт, Россия познала часы священного единения, — напишет известный французский историк, специалист по русско-советским исследованиям Н. Верт. — 2 августа сотни тысяч демонстрантов стеклись к Зимнему дворцу, чтобы на коленях получить благословение царской четы.

Волна германофобии захлестнула страну. Санкт-Петербург был переименован в Петроград, начались погромы магазинов, принадлежащих немцам. Вспоминавшая о славе Александра Невского, страна выступила в новый крестовый поход «под покровительством всех святых России», который должен был стать завершающим этапом того, что газета «Утро России» назвала «вековой войной рас». Собравшись на однодневную сессию, Государственная дума подавляющим большинством проголосовала за военные кредиты. Воздержались только депутаты-трудовики и социал-демократы, в то время как кадеты предложили «отказаться от междоусобиц до победы». Представители меньшинств провозгласили «преданность русскому государству и народу». Для российской буржуазии, увлечённой идеями панславизма и национализма, начавшаяся война была борьбой не только в поддержку «младшего сербского брата», но и за экономическое освобождение от германского засилья. Кроме того, победа над турками, действовавшими в союзе с центральноевропейскими державами, открыла бы наконец дорогу к Константинополю и выход к свободному морю. Таким образом, вопросы чести и национального интереса шли в этой войне рука об руку.

Мобилизацию десятка миллионов мужчин провели беспощадно, но она не вызвала серьёзных проблем. Количество дезертиров было минимальным. Забастовочное движение резко пошло на убыль (35 тыс. бастующих за пять последних месяцев 1914 г.). Закреплённые за оборонными предприятиями рабочие опасались быть отправленными на фронт.

Представители либеральной интеллигенции

предложили государственным властям помощь, которую царь принял. Так сформировались Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам под председательством князя Г. Львова и Всероссийский союз городов, объединивший десятки муниципалитетов, стремившихся оказать гуманитарную помощь семьям солдат и жертвам войны. Символом патриотического движения стало провозглашение сухого закона. Государство отказывалось от значительного источника доходов, а подданные, подчинив всё единственной цели — победе, пожертвовали одним из немногих удовольствий».

Не менее любопытны воспоминания о начале Первой мировой войны генерала А.И. Деникина:

«В противоположность тем настроениям, которые существовали у нас при начале Русско-японской кампании, Первая мировая война была принята, как отечественная, всем народом.

Правда, радикально-либеральные круги пришли к «принятию войны» не сразу и не без колебаний. Весьма характерна в этом отношении позиция органа партии к.-д. — «Речи». В июле газета протестовала против русских и французских вооружений, как «тяжёлых жертв, приносимых на алтарь международного воинствующего национализма»… 25 июля требовала «локализации сербского вопроса и воздержания от какого бы то ни было поощрения по адресу Сербии»… Но после австрийского ультиматума признала его «традиционной политикой уничтожения Сербии», а сербский ответ — «пределом уступок»… В редакционных совещаниях шли бурные споры, отражавшие противоречия заблудившейся либеральной мысли. В день объявления войны «Речь» была закрыта властью Верховного главнокомандующего, а 4 августа появилась вновь, определив в передовой статье своё новое направление следующими словами:

«В грозный час испытания да будут закрыты внутренние распри, да укрепится ещё сильнее единение Царя с народом». «Эти знаменательные слова Высочайшего манифеста точно указывают основную задачу текущего момента»…

Вопрос о приятии войны вызвал раскол и в социалистическом лагере. Парижская группа социалистов-революционеров «Призыв» (Авксентьев,

Руднев и др.) требовала «участия революционной демократии в самозащите народа», поясняя, что «путь, ведущий к победе, ведёт к свободе». Петербургские же социалисты-революционеры (А.Ф. Керенский и др.) были против «оборонческой политики».

Подобные противоречия приводили иногда к парадоксальным явлениям, вроде следующего. Социалист-революционер Бурцев в начале войны, под влиянием патриотических побуждений, решил прекратить революционную борьбу и вернуться на родину — с целью вести кампанию за войну как общенациональное дело. Но власти посадили его в Петропавловскую крепость и предали суду. Защищать Бурцева приглашены были его партийные товарищи — адвокаты Керенский и Соколов.

— Вы нас поставили в тяжёлое положение, — говорил допущенный в тюрьму к Бурцеву Керенский. — Мы не можем вас защищать. Нужно всеми силами протестовать против этой войны, а вы её защищаете. Вы этим оказываете поддержку правительству.

Защищал поэтому на суде социалиста-революционера Бурцева «кадет» Маклаков.

Расколы произошли и среди социал-демократов. Целый ряд крупных экономистов социал-демократов — Иорданский, Маслов, Туган-Барановский и др. — высказывались за оправдание войны против Германии. Их взгляды разделял сам «патриарх» анархистов Кропоткин. И только социал-демократы большевики с самого начала войны и до конца оставались интегральными пораженцами, пойдя на оплачиваемое сотрудничество со штабами воевавших с нами центральных держав и ведя за границей широкую пропаганду на тему, преподанную Лениным: «Наименьшим злом будет поражение царской монархии».

Но всё это были лишь единичные пятна на общем фоне патриотического подъёма России.

И когда в августовские дни 1914 года разразилась гроза… Когда Государственная Дума в историческом заседании своём единодушно откликнулась на призыв Царя «стать дружно и самоотверженно на защиту Русской земли»… Когда национальные фракции — поляки, литовцы, татары, латыши и др. — выразили в декларации «непоколебимое убеждение в том, что в

тяжёлый час испытания… все народы России, объединённые единым чувством к родине, твёрдо веря в правоту своего дела, по призыву своего Государя готовы стать на защиту родины, её чести и достояния» — то это было нечто большее, чем формальная декларация. Это свидетельствовало об историческом процессе формирования РОССИЙСКОЙ НАЦИИ, невзирая на ряд ошибок правительственной политики и невзирая на некоторые проявления национальных шовинизмов, часто приносимых извне.

Во всяком случае, то обстоятельство, что в течение трёх с лишним лет страшной войны, с переменным успехом, на огромнейшем пространстве многоплеменной империи нашей не было ни одного случая волнения на национальной почве, — факт большого и положительного значения».

3

С 18 по 26 июля 1914 г. в лейб-гвардии Финляндском полку вовсю шла мобилизация. Приходили запасные, а из арсеналов, складов и цейхгаузов, согласно табелям, получалось необходимое вооружение, снаряжение и обмундирование.

«26-го вечером, на Николаевской Набережной, у казарм полка, был торжественно отслужен напутственный молебен и состоялся церемониальный марш, — пишет историк полка Д. Ходнев. — Внушительную и красивую для военного глаза картину представлял из себя полк военного состава, со всеми его командами, численностью до 4½ тысячи человек. Под звуки полкового марша вынесено в строй наше Георгиевское Знамя с голубыми Андреевскими лентами. На груди знаменщика — полковой образ: благословение Царской Семьи.

И невольно в памяти воскресали былые бои полка Гейльсберг, Фридланд, Бородино, Красное, Лейпциг, Париж, Варна, Варшава, Горный, Дубняк, Балканы и Филипполь… Права Старой Императорской Гвардии; зачисление в списки полка Особ Императорской Фамилии; Высочайшие благоволения; Георгиевские знамёна; Серебряные и Георгиевские Серебряные Трубы; знаки отличия на каски; полковые нагрудные знаки — всё это Царские награды за доблестную боевую и мирную службу полка!..

Вокруг всё чёрно от собравшихся проводить на войну свой полк «васильеостровцев». На панели — начальство, «старые» финляндцы, дамы полка, родные и близкие…

Гремит музыка, ширится могучее «ура»… На другой день, 27-го июля, — в день Тезоименитства нашего Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, полк, поэшелонно, — выступил в поход. Наша 2-я бригада 2-й Гвардейской пехотной дивизии — полки Лейб-Гвардии Павловский и Финляндский — первыми из частей Гвардейской пехоты отправились на театр военных действий.

При выступлении в поход никто из чинов полка не знал — куда и для каких операций предназначалась Гвардия и, в частности, Лейб-Гвардии Финляндский полк. Конверт с секретным приказом распечатывался

начальниками эшелонов в пути. Только подъезжая к Белостоку, выяснилось, что станцией высадки полка назначена Варшава».

Младший офицер Пажеского корпуса штабс-капитан Я.А. Слащёв вместе с молодой супругой также присутствовал на проводах родного полка. Именно с этого дня он начинает не совсем простую борьбу о своём переводе в гвардейскую часть на фронт. Как и множество русских офицеров, Яков Александрович боялся не успеть на эту войну…

4

Высочайшим приказом от 31 декабря 1914 года Слащёва зачисляют в лейб-гвардии Финляндский полк, и он отправляется на фронт, оставив на последнем месяце беременности молодую жену.

Родившаяся буквально через неделю после его отъезда дочь была названа Верой, став Верой Яковлевной Слащёвой.

Как раз это время, в декабре 1914-го, Гвардию отвели в район Ново-Минск — Гавролин — Седлец, на отдых.

> «Во время этой недолгой передышки, — отмечает Д. Ходнев, — Гвардию посетил Государь Император. Какая это была радость, какое счастье и ликование! Но не похож был этот смотр на прежние смотры в Санкт-Петербурге и Красном. Многих офицеров и солдат уже не было в рядах полка. Более половины убито и переранено. Не было прежней красоты и отчётливости, но была зато в глазах у всех беззаветная решимость до конца исполнить свой долг. И это видел Государь, понимал и этому верил. Печально он смотрел на сильно поредевшие ряды Своей любимой Старой Гвардии. Через месяц полк снова ведёт упорные бои с германцами на Млавском направлении, в районе Ломжи, у реки Бобра».

Первую «роту Его Высочества» лейб-гвардии Финляндского полка, в честь Августейшего Шефа полка — Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, штабс-капитан Слащёв принял 8 января 1915 года, во время очередного похода Гвардии. Так начинался боевой опыт Якова Александровича, без которого отечественная история вряд ли бы получила того самого генерала Слащёва-Крымского, известного нам со страниц Гражданской войны.

На той, империалистической войне, как её частенько называли в советский период, Яков Александрович был пять раз ранен и дважды контужен. Это произошло 8 февраля 1915 г. под г. Ломжа и 22 июля 1915 г. под г. Холм. Сегодня эти названия мало что говорят, однако в сводках Первой мировой войны они встречаются часто.

Вспоминая те дни, генерал П.Н. Краснов писал в эмиграции:

> «Шли страшные бои под Ложей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охапками бросаемая в

костёр. Перевязочные пункты и лазареты были переполнены ранеными, и врачи не успевали перевязывать и делать необходимые операции. Отбирали тех, кому стоило сделать, то есть у кого была надежда на выздоровление, и бросали остальных умирать от ран за невозможностью всем помочь».

Лето 1915 года Слащёв также запомнит на всю оставшуюся жизнь, пережив его со своими однополчанами на полях сражений. Об этом Д. Ходнев запишет следующее:

> «Снова переброшенный с северо-западного фронта на юго-западный, полк вёл упорные бои с германскими частями генерал-фельдмаршала Макензена. Бои отличались жестокостью, бывали очень кровопролитны. Такие бои пришлось выдержать полку южнее Холма, на реке Вепрж, под Куликом 19–20 июля и под Верещиным 22–23 июля 1915 года.
>
> Здесь Лейб-Гвардии Финляндский полк встретился с прусской Гвардией и, в частности, с 8 гвардейским пехотным полком (8-й немецкой против 8-го русского). Громадные потери нёс тогда полк. Масса раненых солдат и офицеров убыло из строя; неоднократно полк сводился в трёх- и двухбатальонный состав. Бои кончались, и от батальонов оставались лишь жалкие по численности остатки. Ротами командовали не только прапорщики, но и фельдфебели».

За эти бои штабс-капитан Слащёв был награждён двумя боевыми наградами подряд:

Высочайшим приказом от 18 июля 1916 г. — орденом Святого Георгия 4-й степени:

> «За то, что 20.07.1915, командуя ротой в бою у д. Кулик, оценив быстро и верно обстановку, по собственному почину бросился во главе роты вперёд, несмотря на убийственный огонь противника, обратил части германской гвардии в бегство и овладел высотой, имевшей столь важное значение, что без овладения ею удержание всей позиции было бы невозможно».

И Высочайшим приказом от 26 сентября 1916 г. — Георгиевским оружием:

> «За то, что 22.07.1915 в бою у д. Верещин, командуя

батальоном и лично находясь на позиции под сильнейшим огнём противника, видя отход соседней части, по собственному почину бросился во главе своего батальона в атаку и обратил противника в бегство, чем восстановил положение и предотвратил возможность потери позиции».

К слову сказать, всего в полку Георгиевским оружием было награждено 14 офицеров, а орденом Святого Георгия 4-й степени — 11.

В феврале 1916-го Гвардию снова перебросили на северо-западный фронт… 11 июля лейб-гвардии Финляндский полк, пройдя станцию Рожище, занял позиции у реки Стоход, возле д. Немер, сильно разрушенной артиллерией противника. Возле деревни финляндцы обнаружили совсем свежие братские могилы гвардейцев Преображенского и Лейб-Егерского полков. Уже на 15 июля была назначена общая атака, конечной целью которой являлось взятие г. Ковеля.

Д. Ходнев об этих боях напишет:

«В ночь с 14-го на 15-е июля из окопов основной линии вышли в параллели батальоны, назначенные на прорыв.

Полковой священник, о. Михаил Семёнов (кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.), обошёл роты, осеняя всех св. крестом. За ночь окопы углубили и сделали навесы.

Наступило утро 15-го июля, — день Владимира Святого. Атака была назначена ровно на 13 часов, а за полчаса раньше лейб-егеря должны были захватить находившуюся против их правого фланга колонию «Переходы». На Лейб-Гвардии Финляндский полк возлагалась атака д. «Ясеновка», а на Лейб-Гвардии Преображенский колонии «Рай-Место».

Артиллерийская подготовка началась только в 11 часов, а ожидалась она гораздо раньше. Мы знали, что при весеннем Луцком прорыве наша артиллерия стреляла тяжёлыми и химическими снарядами по позициям и тылам противника почти двое суток, а подготовка самой атаки велась непрерывно в течение шести часов. Мы знали, что это был действительно «ураганный» огонь, — огонь, который всё смёл, который всё до основания разрушил!

Совсем не та картина была у нас… За два часа ураганной подготовки батареи не дали «ураганного огня», не вселили в пехоте уверенность, что путь вперёд

— открыт!..

Командующий 1-м батальоном штабс-капитан Слащёв неоднократно по телефону просил усилить огонь по проволоке, но это исполнено не было…

Во время этой двухчасовой подготовки противник упорно молчал: с его стороны не раздался ни один выстрел. Всё ушло в убежища так солидно и искусно, что разрушить их не удалось.

Ровно в 13 часов батальоны пошли в атаку. Их встретила буря огня… Роты шли вперёд — по «гвардейски»: цепь за цепью; мерно, настойчиво; упорно… Чувствовалась сила и мощь. Впереди офицеры, в золотых погонах, с полковыми знаками на груди. За ними солдаты с отличительными кантами на защитных рубахах. Шли, умирали, а за ними также доблестно волнами перекатывались резервные роты… Но мало оказалось проходов в проволоке, затягивало болото, — сотнями гибли храбрецы по всей линии!

На участке роты Её Величества, атаковавшей позицию противника правее колонии Ямно, проволока оказалась не разбитой: проходов не было! Командующий 2-й ротой поручик Облеухов II, выхватив шашку, начал ею рубить проволоку и бросать ручные гранаты. Потери были ужасны. Немцы, поднявшись на бруствер, расстреливали наших раненых и ещё оставшихся в живых, залёгших под проволокой. Раненный в обе ноги, подпоручик Облеухов выхватил револьвер и стал отстреливаться. Успел он сделать четыре выстрела, когда сражённый сразу тремя пулями упал и уже больше не шевелился… Так и подобран он был, судорожно сжимавший в правой руке «Наган». Ночью его вынес денщик. На трупе было восемь пулевых ранений! (…)

Разве можно забыть подвиг командующего 1-м батальоном штабс-капитана Слащёва?! — Ровно в час назначенный для атаки, минута в минуту, он встаёт во весь свой рост, снимает фуражку, истово крестится и с обнажённой шашкой идёт вперёд, ведя роты на смерть или победу…

Это была изумительно красивая, но жуткая картина! Пример начальника имеет в бою колоссальное значение; за таким офицером солдаты всегда пойдут хотя бы и на верную смерть. Такого начальника солдаты и уважают и любят и всегда придут к нему на помощь в тяжёлую минуту. В этом же, например, бою, когда, выполняя

> приказание командира полка, генерала барона Клодт фон Юргенсбурга, штабс-капитан Слащёв встал и пошёл в штаб полка в основные окопы, между ними и немцами вдруг выросло несколько солдатских фигур во главе с унтер-офицером Баландиным (4-й роты). На вопрос единственного оставшегося от батальона командующего 4-й ротой поручика фон Зигеля (контуженного), — зачем он поднялся — Баландин ответил: «Прикрыть Его Высокоблагородие штабс-капитана Слащёва!»».

Храбрость и военные таланты Якова Александровича, во всю ширь проявившиеся в годы Первой мировой войны очень скоро сделали его самой настоящей живой легендой гвардейского полка. Приказом от 28 сентября 1916 г. его производят в чин «капитана», а приказом от 10 октября 1916-го в чин «полковника», минуя чин «подполковника». Кроме ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, полковник Слащёв за боевые отличия был награждён: орденом Святой Анны 4-й степени, орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (приказом по 12-й армии № 79 от 30 марта 1915 г.), орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (приказом по Юго-Западному фронту № 71 от 15 января 1916 г.), орденом Святой Анны 2-й степени с мечами (приказом по 1-й армии № 1534), орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами (приказом по Северо-Западному фронту № 39) и орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами (приказом армии и флоту от 3 октября 1917 г.).

Командир лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор барон П.А. Клодт фон Юргенсбург оценивал своего офицера не иначе, как с огромной душевной любовью, теплотой и особым уважением, которого не смог скрыть даже на бумаге:

> «Безгранично храбрый, но не храбростью самозабвения или слепою храбростью рядового, а сознательною храбростью начальника, Яков Александрович соединял с этим драгоценным качеством все таланты крупного военачальника: любовь к воинскому делу, прекрасное военное образование, твёрдый, решительный характер, поразительное уменье схватывать обстановку и т. д. В своей скромной роли ротного, батальонного командира Яков Александрович положительно предугадывал ход военных событий; было ясно, что он владеет тайной военного искусства, что позволяет ему обычные способы суждения о событиях дополнять каким-то внутренним чутьём их.

Скобелев говорил, что нет человека, который не боялся бы опасности, и что храбрость состоит в умении владеть собою и сохранять способность «смотреть» и «видеть», «слушать» и «слышать». Яков Александрович обладал этой способностью в такой превосходной степени, что по временам казалось, вопреки мнению Скобелева, что он не понимает опасности. Думаю, что он её отлично понимал, но при этом обладал несравненным даром самообладания».

Словом, неординарность полковника Слащёва, его исключительные и, если хотите, выдающиеся таланты уже тогда были замечены и признаны не только солдатами и офицерами лейб-гвардии Финляндского полка, но особо отмечены его командиром.

5

Наступил 1917 год… Как рассказывает историк С.В. Волков в книге «Трагедия русского офицерства»: *«События 27–28 февраля и последующее отречение императора Николая II от престола открыли дорогу потоку ненависти и насилия и стали началом Голгофы русского офицерства. На улицах Петрограда повсеместно происходили задержания, обезоруживания и избиения офицеров, некоторые были убиты. Когда сведения о событиях в столице дошли до фронтов, особенно после обнародования пресловутого «Приказа № 1» Петроградского совета, там началось то же самое. Какое влияние это оказало сразу же на боеспособность армии, свидетельствует телеграмма главкома Северного фронта начальнику штаба Главковерха от 6 марта: «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение. Аресты эти произведены в Пскове, Двинске и других городах. Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоружение офицеров, в т. ч. едущих на фронт, где эти же офицеры должны будут вести в бой нижних чинов, товарищами которых им было нанесено столь тяжкое и острое оскорбление, и притом вполне незаслуженное. Указанные явления тяжко отзываются на моральном состоянии офицерского состава и делают совершенно невозможной спокойную, энергичную и плодотворную работу, столь необходимую ввиду приближения весеннего времени, связанного с оживлением боевой деятельности»*.

События на флотах и сухопутном фронте действительно происходили трагические:

> «Цензура часто перехватывала солдатские письма такого вот содержания: «Здесь у нас здорово бунтуют, вчера убили офицера из 22-го полка и так много арестовывают и убивают». В 243-м пехотном полку, убив командира, солдаты устроили массовое избиение офицеров, в одном из гусарских полков были убиты предварительно арестованные генерал граф Менгден, полковник Эгерштром и ротмистр граф Клейнмихель. Очевидец описывает это так: «Двери карцера были взломаны, и озверелая толпа солдат бросилась на арестованных. Граф Менглен был сразу убит ударом приклада по голове, а Эгерштром и Клейнмихель

подняты на штыки и потом добиты прикладами». Убийства происходили и в тыловых городах, так, в Пскове погиб полковник Самсонов, в Москве — полковник Щавинский (его труп толпа бросила в Яузу), в Петрограде — офицер 18-го драгунского полка князь Абашидзе и др. Не в силах вынести глумления солдат, некоторые офицеры стрелялись. Вот типичная сценка тех дней: «…поручик Дедов что-то сказал, озлобленные солдаты его окружили, грозили. Дедов, припёртый к стене, выхватил револьвер и застрелился».

В апреле — мае было уволено огромное число командующих генералов. За несколько недель было устранено 143 старших начальника, в т. ч. 70 начальников дивизий. Высшее военное руководство было терроризировано, и многие из оставшихся на постах не решались противодействовать развалу. К середине мая, после окончания гучковской «чистки», из 40 командующих фронтами, армиями и их начальников штабов только 14 имели мужество открыто бороться с «демократизацией», тогда как 15 её поощряли и 11 оставались нейтральны. Впоследствии (с 1918 года) 19 из них сражались в белых армиях (в т. ч. 10 боровшихся против демократизации, 7 нейтральных и 2 поощрявших), 14 не участвовали в борьбе (3, 4 и 7 соответственно) и 7 служили у большевиков (в т. ч. 1 противник демократизации и 6 поощрявших её)».

Лейб-гвардии Финляндский полк в это время находился на фронте. Д. Ходнев так описывает те дни:

«2-го марта 1917 года состоялось отречение Государя Императора Николая Александровича. 8-го марта находившийся ещё в Ставке Государь обратился к войскам с прощальным приказом… Но приказ этот не сделался известен войскам: военный министр Временного Правительства Гучков воспретил печатать и распространять его! Но за известный «приказ № 1» по революционным войскам был объявлен и распространялся повсюду.

Вспыхнувшая революция и отречение Государя Императора встречены были действующим Лейб-Гвардии Финляндским полком с тяжёлым и горестным чувством: все понимали, что это — начало конца… Но бросить самовластно фронт и идти наводить порядки — полк, конечно, не мог. Гвардия оставалась верна Государю и

умоляла Его приехать в её распоряжение; была готова умереть за Него…

События шли с головокружительной быстротой. На фронте, в полках Гвардии, тоже начался вскоре развал. К тому времени командира полка генерал-майора барона Клодт фон Юргенсбурга заменил полковник Моллер I. В Армии появились комитеты, комиссары, начались собрания и митинги, — эти прелести «свободы» и «углубления революции»…

Всё это шло из далёкого тыла, и во многом были повинны г.г. члены Временного Правительства. Тем не менее полковник Моллер I и офицеры полка принимали все усилия, чтобы сохранить боеспособность полка и тем выполнить последнюю волю Государя Императора. Полк продолжал нести боевую службу и всегда выполнял даваемые ему задачи.

В течение лета 1917-го года Лейб-Гвардии Финляндский полк участвовал в боях под Эмильювкой, 23-го июня, в этом, — известном под именем «Июньского» — наступления и прорыве германских позиций…

Далее полк дрался под Хоростецом, 4—5-го июля…

7-го июля — через день после славного боя Финляндцев под Хоростецом, — Ставка Верховного Командования выпустила следующее сообщение: на юго-западном фронте, при малейшем артиллерийском обстреле, наши войска, забыв долг и присягу перед Родиной, покидают свои позиции. На всём протяжении фронта только в районе Тарнополя полки Преображенский и Семёновский исполняют свой долг». В сводке Ставки от 12 июля, а также и в газете «Киевская мысль» от 13 июля 1917 г. № 170, сообщалось и особо подчёркивалось, что «гвардия самовольно оставила свои позиции под Тарнополем и без всякого давления со стороны противника отошла в восточном направлении».

Это утверждение, оставленное почему-то без надлежащего протеста, и таким образом уже вошедшее в исторические материалы, — не соответствует действительности…

Обвинение, воздвигаемое против Гвардии, особенно против 2-й Гвардейской пехотной дивизии и 2-й бригады 1-й Гвардейской дивизии — несправедливо. Доказательством тому могут служить действия хотя бы только Лейб-Гвардии Финляндского полка».

К слову сказать, последний бой, в котором участвовал лейб-гвардии Финляндский полк, произошёл в октябре 1917 года, под местечком Скилат. А в ноябре, после прихода к власти большевиков, он прекратил своё существование…

За это время, с июля 1914 года, лейб-гвардии Финляндский полк потерял:

— офицеров — убитыми 23,5 %, ранеными и контуженными — 70 %, то есть 93,5 % кадровых офицеров;

— нижних чинов — из их числа к 1917 г., с которыми полк отправился на войну, во всех ротах и командах оставалось всего лишь несколько отдельных солдат.

В 1914 г. в поход полк уходил в следующем составе:

генералов — 1,
штаб-офицеров — 3,
обер-офицеров — 72,
нижних чинов — 4600.

6

В 1917 году полковник Слащёв (ему всего 31 год) — помощник командира лейб-гвардии Финляндского полка. За два с половиной года войны он успешно командовал ротой и батальоном. Очередная должность — не просто выдвижение, а собственно оценка его глубоких военных знаний, приобретённых как в Павловском училище, так и в Николаевской академии, а также боевого опыта, полученного и накопленного за время мировой войны. Однако вскоре последует ещё одно назначение… Последнее в Русской армии.

> «После Февральской революции гвардия продолжала оставаться в составе Особой армии, созданной ещё летом 1916 г., и находилась на боевых позициях на Юго-Западном фронте, — отмечает Е.И. Чапкевич («Русская гвардия в Февральской революции»). — Порядок внутренней службы в её частях и подразделениях стал регулироваться известным приказом № 1, который предоставлял солдатам большие права, но не оговаривал при этом их обязанностей. Это вскоре сказалось на состоянии дисциплины, которая упала в частях гвардии.
>
> Со свержением монархии полки перестали именоваться лейб-гвардейскими, хотя вторая часть их названия сохранилась. Было отменено шефство над гвардейскими полками членов императорской фамилии, в связи с чем стрелковые и некоторые кавалерийские полки изменили своё прежнее официальное название. (…)
>
> В марте — апреле 1917 г. командование Юго-Западного фронта решило использовать гвардейские кавалерийские части для наведения порядка в ближнем фронтовом тылу на станциях и узлах. Надо было как-то пресечь поток дезертиров, устремившихся в тыл, громивших всё на своём пути. (…)
>
> Однако основные силы гвардии продолжали стоять в районе реки Стоход, ведя позиционную войну, сопровождающуюся мелкими стычками с противником. Эти затяжные военные действия, не приносившие успехов, удручающе действовали на состояние гвардии и явились одной из причин дальнейшего падения дисциплины. С мая 1917 г. наблюдается рост в войсках гвардии конфликтных ситуаций между солдатами и

офицерами. Этому в немалой степени способствовало принятие 9 мая 1917 г. «Декларации прав солдата», которая предоставляла военнослужащим все политические права: участие в выборах, деятельность в политических партиях, возможность выражать недоверие офицерам. Воспользовавшись этим документом, в ряде гвардейских полков солдаты потребовали осуществить очередную чистку офицерского состава и изгнать неугодных командиров.

Изгнание офицеров наблюдалось раньше. В конце марта — начале апреля 1917 г. оно имело место в Московском и Финляндском полках. В первом из них в строю осталось всего 35 офицеров, т. е. почти половина от штатного состава. Остальные были изгнаны или под различными предлогами покинули полки сами. Десятки офицеров, не выдержав солдатского прессинга, расхлябанности и утраты традиций, подавали рапорты об отставке. Как правило, они отклонялись Гучковым с объяснением, что «война продолжается и начальствующий состав должен находиться на службе».

Ещё более радикальные перемены произошли в офицерском составе запасных батальонов гвардии. Чистка офицеров здесь началась почти сразу после революционных событий в Петрограде. (…)

Обстановка, сложившаяся в ряде гвардейских полков, привела к расколу в среде самих офицеров. Некоторые из них стали заискивать перед солдатами из-за опасения быть изгнанными и поэтому шли на поводу у комитетов.

В преддверии подготовки к наступлению командование гвардии стремилось укрепить кадры за счёт выдвижения на более высокие должности тех офицеров, которые пользовались авторитетом у солдат и на кого можно было положиться. Так, в апреле 1917 г. командиром Преображенского полка был назначен полковник Кутепов, а некоторое время спустя Московский полк возглавил энергичный полковник Я.А. Слащёв — герой и любимец солдат Финляндского полка. Та часть солдат, которая не поддалась деморализации, охотно поддерживала офицеров, имевших репутацию храбрых и заботливых командиров».

18 июня 1917 года Юго-Западный фронт перешёл в наступление. *«7-я и 11-я армия на направлении главного удара*

продвинулись на глубину до 2 км, а потом стали топтаться на месте. Солдаты замитинговали. Спустя три дня начала наступать 8-я армия, действовавшая по замыслу на второстепенном направлении. За шесть дней она углубилась на 18–20 км и овладела Калушем. В плен было взято 800 офицеров и 36 тысяч солдат противника, захвачено 127 орудий и миномётов, 403 пулемёта. Потери 8-й армии составили 352 офицера и 14.456 солдат. И что бы там ни говорили, это был последний яркий след умирающей старой армии.

Тем временем Юго-Западный фронт спонтанно разваливался. В этом плане характерно донесение военного совета фронта Временному правительству: «Начавшееся 6 июля немецкое наступление на участке 11-й армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперёд героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии всё возрастающего разложения. О власти и повиновении не может быть и речи, уговоры и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами, почему поддержка опаздывала на сутки. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника…

На протяжении сотни вёрст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части… Положение требует самых крайних мер…

Пусть вся страна узнает правду…содрогнётся и найдёт в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и продаёт и Россию, и революцию»» («Первая Мировая в жизнеописаниях русских военачальников»).

Именно в таких вот ненормальных, с точки зрения военного человека, условиях полковнику Слащёву приходилось командовать полком. Но и это было ещё не всё…

А.С. Кручинин абсолютно точно отмечает:

> «За февральским переворотом последовал стремительный развал Армии; Яков Александрович должен был возвратиться в ряды полка, а в июне был назначен командующим Лейб-Гвардии Московским полком, и это назначение, почётное и радостное во всякое другое время, сейчас стало тяжёлым крестом. Фронтовые офицеры бессильны были вернуть войскам

боеспособность, коль скоро этого не хотело Временное Правительство, безвольно потакавшее «революционизированию Армии», а в конце августа пошедшее на прямую провокацию против Верховного Главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова.

На позиции 2-й Гвардейской пехотной дивизии известия о «корниловском мятеже» дошли 30 августа, когда офицеры-Финляндцы и приехавший к ним в гости Я.А. Слащов отмечали именины командующего полком полковника А.Н. фон Моллера. Они были застигнуты новым сообщением врасплох, и один из офицеров запомнил Слащова «тихонько повторяющим»: «Быть или не быть»…

На самом деле к этому моменту всё было уже кончено. Известия на фронт запоздали: выступление генерала Корнилова закончилось неудачей. Быть может, История уже тогда сказала «не быть», но офицеры этого не знали, да, наверное, многие и не пожелали бы знать… И среди последних был Яков Александрович Слащов.

Для него война на «большом фронте» не только стала прекрасной школой его сурового ремесла, не только дала возможность доказать свою доблесть и готовность умереть за Веру, Царя и Отечество, — но и выявила в нём, помимо «профессиональных» талантов, особые качества военного вождя. «Слащов пользовался громадным престижем, пленял воображение своих подчинённых и создавал ту «атмосферу героизма», которая заражает других и рождает новых героев», — писал о нём генерал Клодт».

К слову сказать, Первая мировая война пропустила через своё горнило огромное количество русских офицеров. Например, если в начале войны русская армия насчитывала свыше 40 тысяч офицеров, а ещё около 40 тысяч было призвано по мобилизации, то в общей сложности в течение войны было произведено в офицеры около 220 тысяч человек. Из этих 300 тысяч — свыше 70 тысяч составили боевые потери (убитыми, умершими от ран, ранеными, пленными и пропавшими без вести). По подсчётам историка С.В. Волкова, к концу войны насчитывалось около 276 тысяч офицеров, из которых к этому времени 13 тысяч ещё оставались в плену, а 21–27 тысяч по тяжести ранений не смогли вернуться в строй. На 1 января 1917 г. в Русской армии насчитывалось 145.916 офицеров. Несомненно, что среди этого числа было немало опытных, грамотных и храбрых офицеров, с

честью прошедших испытания страшной войной.

Если оценивать Я.А. Слащёва как командира полка, то, несмотря на свою молодость, он вполне соответствовал занимаемой должности. Почему? Ответ на этот вопрос лежит в самой что ни на есть исторической плоскости, где всё познаётся в сравнении. Генерал П.А. Зайончковский так характеризует командиров полков Русской армии перед Первой мировой войной: *«В 1914 г. в русской армии насчитывалось в 67 пехотных армейских дивизиях 268 полков. Проанализируем сведения по 164 полкам. Из числа рассматриваемых командиров полков с высшим военным образованием (окончивших Академию Генерального штаба) было 59 (или 39 %), служивших в прошлом в гвардии — 42, из них только 11 имели высшее военное образование. 62 командира полка не имели высшего военного образования и не служили в гвардии. Образовательный уровень двух человек не указан. Возраст от 41 до 45 лет имели 34 командира полка, от 46 до 50 лет — 62, от 51 до 55 лет — 38, от 56 до 60 лет — 16. Возраст четырёх человек не указан. Из 48 командиров кавалерийских полков (гусарских, уланских и драгунских) на 1 мая 1914 г. числилось 43 человека. Высшее военное образование имели 10 (23,5 %), служили в гвардии 8 (только один из них имел высшее военное образование). Армейских офицеров, не имевших такового, было 26, то есть около 60 %. Возраст командиров кавалерийских полков был в среднем такой же, как и в пехоте (от 40 до 45 лет — 12 человек, от 46 до 50 лет — 14, от 50 до 55 лет — 17)»*.

В 1917-м полковник Слащёв имел не только высшее военное образование и не только боевые награды. Его боевой опыт был на несколько порядков выше тех, кто вступил в эту войну летом 1914 года.

Агония фронта наступила осенью 1917-го. Полки русской армии расформировывались. О том, как это происходило, в том числе и в полку Слащёва, можно узнать из воспоминаний В. Залюбовского, опубликованных весной 1933 г. в Праге:

> «21 ноября в штабе полка мы прощались со знаменем, которое было под чехлом тайно спорото с древка и увозилось — мы-то знали, куда…
>
> У окна, барабаня по стеклу пальцами, стоял Кутепов, и слеза за слезой скатывались у него по бороде. Малевский-Малевич и Вансович рыдали на походной койке мужскими, сухими, душу разъедающими слезами. Спрятав голову в руки, сидел молча офицер, назначенный отвозить знамя. Несколько офицеров со злобным отчаянием стояли по углам (одновременно все

мы не могли собраться, чтобы не возбудить подозрения). Триполитов подошёл ко мне и обнял меня. Он дрожал, как в лихорадке.

Голос Кутепова вывел нас из оцепенения. Александр Павлович дал каждому из нас по частице знамени. Мы их свято храним…

2 декабря 1917 года полк перестал существовать, расформированный приказом своего последнего командира. Демобилизация офицеров, начавшаяся под руководством Кутепова ещё в ноябре, когда выяснилось, что мы на фронте больше не нужны России, пошла ускоренным порядком. К чести солдат надо сказать, что нашей демобилизации они не препятствовали. Признанный полковым комитетом «стратегом старого режима» Кутепов свободно выехал из полка в Киев и далее на Дон» («Генерал А.П. Кутепов. Воспоминания. Мемуары»).

То же самое было и у полковника Слащёва. К Рождеству 1917-го он прибыл в Новочеркасск.

Глава пятая
Белое дело

1

— Но какой манёвр полезен, а какой только должен уложить войска? — Яков Александрович попытался заглянуть в лицо слушателя курсов, сидящего в самом конце аудитории. Но, не увидев в нём ничего, кроме туманного любопытства, продолжил:

— Тут нам придётся перейти к оценке силы резервов…

Обратимся теперь к ротному резерву. Какая будет сила его в оборонительном бою? Да, нормально взвод. Будет ли взвод силён для удара? — В большинстве случаев нет. Между тем как огневая его сила будет очень велика. В редких исключительных случаях противник ворвётся в нашу позицию слабыми силами, и у комроты может явиться соблазн сбить его, без риска потерять весь ротный участок, контратакой ротного резерва; в большинстве же будет выгоднее сманеврировать огнём, который позволит задержать распространение противника в районе роты, а, может быть, вынудит его бросить захваченную огневую точку.

Таким образом, располагая роту для обороны, комрот должен обратить особое внимание на огневую связь всех её огневых точек и, намечая глубину своего расположения, должен делать это не в ущерб использования всех огневых своих средств как впереди фронта, так и по взаимной связи и поддержке этих огневых точек. И в то же время надо прийти к заключению, что нормальный манёвр обороняющейся роты будет манёвр огнём, и только особо благоприятные условия (слабость и расстроенность ворвавшегося противника) дадут комроты право на самостоятельный контрудар своими силами.

Батальонный резерв уже является достаточно мощной силой, чтобы произвести манёвр и удар живой силой, но всё же он не имеет права рассчитывать только на свой удар. Ему, как правило, надо иметь подготовленную позицию на тот случай, что обстановка в ходе боя сложится так неблагоприятно, что придётся маневрировать только огнём. Да и во время удара выгоднее будет, когда он будет происходить, опираясь на наши огневые точки (пулемёты), установленные на заранее подготовленных местах и находящихся в связи с задними огневыми точками передовых рот. Даже полковой резерв не должен отказываться от своей личной позиции, хотя он настолько мощен, что свободно может рассчитывать на успешность своего удара, но наличие раньше подготовленной позиции даёт свободу выбора того или иного манёвра на случай неблагоприятно сложившейся обстановки — таким образом и он, как правило, должен иметь свою позицию…

Итак, мне остаётся ещё раз подчеркнуть, что победа во всяком боевом столкновении, начиная с разведки и охранения и кончая боем армий и флотов, решается маневренной способностью командиров всех степеней, частей, всеми людьми и оружием их войсковых соединений. Манёвр для каждой части является залогом успеха — он даёт превосходство сил и частую победу, разрастающуюся в общий погром противника.

После этих слов Яков Александрович сделал небольшую паузу, посмотрел на сидящих перед ним командиров и как-то не очень громко спросил:

— А вы знаете, товарищи, что является самым главным залогом победы в любой войне? — и, не дождавшись ответа или обычных в таком случае реплик, уже гораздо громче, сказал:

— Запомните или, как говорится в народе, «зарубите себе на носу»… Армия… является олицетворением государственного строя — а война является экзаменом государственного строя и армии. Если эти оба фактора не соответствуют настроению и нуждам народных масс, то они на экзамене провалятся.

Безответственное правительство выдвигало на главнейшие посты военного ведомства лиц не по способностям, не тех или иных убеждений, а лиц ему удобных и угодных, в большинстве случаев совершенно без всяких убеждений и заботящихся только о том, чтобы им было хорошо. Можно спорить или соглашаться со взглядами или убеждениями отдельного лица или отдельной правящей партии, можно её критиковать или одобрять, но о лицах безличных и заботящихся только о своём благе спорить не приходится, и остаётся сказать, что они в лучшем случае бесполезны, а почти всегда вредны. Такое положение в русской армии тянулось десятки лет. Маленькая встряска и улучшение были во времена Милютина, но в последующие годы отношение к подготовке армии резко ухудшилось. (…)

Безответственные и удобные люди выбирали себе таких же безответственных и удобных подчинённых. А о том, что когда-нибудь может настать экзамен государству и армии — никто из них не задумывался. Даже система аттестации была поставлена фактически на несоответственных началах, и разврат в этом вопросе доходил до таких размеров, что начальник давал отличную аттестацию заведомо никуда не годному подчинённому, только чтобы он скорее от него ушёл, получив другое назначение, часто с повышением.

…произошло характерное явление: на манёврах, и в Японскую войну, и в последнюю Европейскую роты и батальоны и иногда полки действовали великолепно. Действие же полков уже начинало иногда прихрамывать. А чем выше было войсковое

соединение, тем дело шло хуже и хуже. Высший комсостав в большинстве своём не умел управлять своими частями и для занимаемых должностей не годился. Результатом этого явления были Сальдау, Восточная Пруссия, Варшава (1914 г.), Лодзь, когда наши силы превосходили силы врага иногда почти вдвое. В результате этих поражений мы проиграли кампанию. С германским комсоставом наш комсостав бороться не мог — тогда как роты и батальоны боролись с успехом. (…)

В начале 1915 года я командовал ротой лейб-гвардейского Финляндского полка, т. е. ротой, на которую обращается в полку наибольшее внимание. Вернувшись после ранения, я застал в ней 171 ратника, 7 кадровых солдат и 1 прапорщика, т. е. даже комсостав роты пришлось назначать из совершенно необученных ратников. Во всём полку оставалось 7 кадровых офицеров, и это было не исключение, а скорее правило в начале 1915 года, т. е. до летнего германского наступления, когда русская армия фактически перестала существовать и превратилась в совершенно новое ополчение со старыми названиями. (…)

Наше безответственное правительство ничто не умело сделать… смотрели на армию, как на пушечное мясо, которое авось как-нибудь своим количеством раздавит противника. (…)

В конце лета 1916 г. Финляндский полк получал 30-ю тысячу комплектования — сколько же раз менялся состав трудовых бойцов! — а комсостав всё дополнялся и дополнялся необученными лицами, не бывшими в состоянии обучить и руководить в бою своими подчинёнными. (…)

Временное правительство — надо отдать ему полную справедливость — напрягло все силы для доставки военного снаряжения, и войска были перегружены орудиями и снарядами. Но что могли сделать поздние дары союзников, что могла сделать техника без духа? Над этим непременно важно и нужно задуматься. Тем более если не все, то очень многие из вас обязательно достигнут значительных вершин…

2

Белое дело. Теперь уже мало кто знает о нём, а тем более мало кто понимает его сущность. В книге «За Россию и Свободу. Подвиг Белого дела. 1917–1923 гг.» её автор Тихон Троянов попытался объяснить это с точки зрения той стороны. Выслушаем же автора, пытаясь понять и Якова Александровича Слащёва, который из всех возможных вариантов выбрал именно Белое дело, искренне убеждённый в его правоте.

> «Часть представителей старой элиты предпочла как можно быстрее бежать из обезумевшей страны, по возможности увезя с собой деньги и драгоценности. Самым ловким это удалось, другие вырвались «как бы из огня», лишившись всего имущества, третьи были схвачены и погибли в застенках ЧК. Были и такие, кто по разным причинам пошёл на сотрудничество с большевиками. Одни, понимая свою вину перед народом и наивно веря в идеалы революции, другие — предполагая сделать успешную карьеру при новой власти. Были и такие, кто, не идя ни на какое сотрудничество с коммунистами, решили испить чашу страданий до конца, понимая, что в свершившейся катастрофе есть и доля вины их предков. Судьба почти всех их казалась печальной — лишь единицы сохранили жизнь и избежали застенков и лагерей. В той или иной степени соучастниками большевиков или пассивными наблюдателями чинимых ими преступников оказалось большинство жителей России. Большинство, но не все.
>
> Отдельные граждански мыслящие образованные люди, принадлежавшие чуть ли ни ко всем национальностям и исповеданьям рухнувшей Империи, приняли решение силой сопротивляться нахлынувшему злу. Уже между февралём и октябрём 1917 года в разных городах страны стали создаваться группы патриотов, которые выступали за восстановление порядка в тылу и на фронте, за возобновление боевых действий против наступающих австро-германцев, за непримиримую борьбу с предателями, сеющими на немецкие деньги революционную смуту. В большинстве своём это были молодые офицеры и учащиеся военных училищ, но с ними вместе сражались и их гражданские друзья и единомышленники. Рядом с мужчинами в этих первых

антибольшевицких организациях работали и мужественные женщины. Их, как могли, поддерживали боевые генералы и адмиралы, государственные служащие, профессора университетов, национально мыслящие предприниматели.

Эти люди вовсе не были безоглядными приверженцами старого дореволюционного порядка. Имея образование и политический опыт, они лучше других понимали все несовершенства, всю неправду старой России. Но они любили свою родину, желали исправления её недостатков, а не её гибели. Очень характерно, что основу антибольшевицкого движения составили не аристократы, не выходцы из былых привилегированных групп Императорской России, но внуки крепостных крестьян, сыновья рабочих, казаки, получившие среднее специальное и высшее образование, ставшие офицерами, учителями, банковскими служащими, предпринимателями, инженерами. Они твёрдо верили, что если удастся победить разрушителей страны — большевиков, восстановить порядок, мир, закон, довести страну до свободно избранного всем населением Учредительного Собрания, то вся Россия изменится в ближайшие годы и десятилетия так же, как изменились их судьбы. Далеко не все из них надеялись на скорую победу. Неравенство сил было слишком очевидным, враждебность к заговорщикам большинства простого народа — явной. Но в этих отчаянных обстоятельствах участники антибольшевицких движений сознательно стремились к жертвенному подвигу: или они пробудят своей борьбой здоровые силы в русском народе, или своим мужеством, своей беззаветной верностью отчизне дадут пример для подражания будущим поколениям, которым Бог судит возродить отечество.

«Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений советской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей Старого Континента, обречённый на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу», — писал уже после Гражданской войны генерал Антон Деникин.

Вскоре после большевицкого переворота 25 октября отдельные отряды патриотов соединяются в антибольшевицкую армию, которую сами воины наименовали «Добровольческой». В этом названии огромный смысл. Даже когда воины идут в бой с высоким патриотическим подъёмом, армия сражается, как правило, не вполне добровольно. К борьбе принуждают их и государственная власть, и верность присяге, и, в конце концов, наказания за уклонение от службы, предательство, дезертирство. Когда в конце 1917 — начале 1918 года создавалась на Дону Добровольческая армия, уже не было ни царя, ни даже временного правительства, которым присягали воины, не действовали никакие законы. Большевики силой заставляли вступать в свою красную армию, но бороться против большевиков силой никто не принуждал, да и не мог принудить — такой власти у вождей антибольшевицкой борьбы просто не было.

Антибольшевицкие силы складывались совершенно добровольно. Прослышав, что где-то какой-то известный генерал, казачий атаман или офицер формирует отряд для борьбы с красными, патриоты оставляли свои семьи, старых родителей, жён, детей и с риском для жизни отправлялись в путь, изменив свою «интеллигентную» внешность, прикидываясь то солдатами-дезертирами, то революционными крестьянами. Если им удавалось добраться до цели, они вступали в отряд, давали подписку о послушании своим новым начальникам и шли в бой, не получая, особенно на первых порах, за службу ни денег, ни обмундирования, ни даже оружия, которое надо было отвоёвывать у красных. Такое служение действительно было добровольным, лишённым корысти, по-настоящему жертвенным. (…)

Мы говорим «Белое движение», «Белое дело», «Белая идея», «Белая армия», но почему движение это получило название «Белого»? Его основоположники вовсе не пользовались этим названием, начиная свою борьбу. «Белыми», «белогвардейцами» добровольцев начали называть их противники большевики по якобы существовавшей аналогии между Добровольческой армией и эмигрантской белой армией эпохи Французской революции конца XVIII столетия. По существу, это неправильно. В то время как французская белая армия сражалась за идею легитимной монархии,

выбрав для своего флага белый цвет (цвет королевского дома Бурбонов), наша Добровольческая армия вовсе не была ни реставраторской, ни монархической. Она сражалась, как пели первые добровольцы, «За Россию и свободу», специально подчёркивая, что «царь нам не кумир». Своим гимном освобождённые области России избрали не «Боже, царя храни!», а марш гвардейского Преображенского полка.

Но название «белое» постепенно привилось, добровольцы стали им пользоваться, придавая ему иной смысл. Белый цвет стал символом чистоты устремлений его участников, противопоставляемый классовой ненависти и всеохватывающей революции, олицетворявшихся красным цветом — цветом крови. «Я почти не знаю таких белых, которые бы осуждали себя за участие в этом движении, — писал через много лет один из активных участников антибольшевицкой борьбы митрополит Вениамин Федченков. — Наоборот, они всегда считали, что так нужно было, что этого требовал долг перед родиной, что сюда звало русское сердце, что это было геройским подвигом, о котором отрадно вспомнить. Нашлись же люди, которые и жизнь отдали за «единую, великую, неделимую» — не раскаивался и я… Много было недостатков и даже пороков у нас, но всё же движение было патриотическим и геройским. Неслучайно оно получило имя «белое». Пусть мы были и сероваты, и нечисты, но идея движения, особенно в начале, была белая». В Белом движении были представлены все политические партии — от монархистов до социалистов, оно объединило всех, кому дорога была Россия и свобода, независимо от того, каких конкретных политических взглядов на будущее страны они придерживались. Задача Белых была в том, чтобы освободить страну от большевицкой тирании, а потом уже сам народ должен был свободно решить, как устроить свою жизнь. И поскольку белый цвет объединяет цвета радуги — он стал символом политической солидарности.

Белое движение очень напоминает движение русских людей за освобождение своего отечества в годы Смуты в начале XVII века. Оба они были совершенно добровольными, патриотическими и жертвенными. Пожалуй, в русской истории нет других примеров столь явного свободного коллективного гражданского подвига

в обстоятельствах государственного развала, безвластия и мятежа. Но в начале XVII века народное движение завершилось победой, Земским Собором и восстановлением России, а в начале XX века белые добровольцы потерпели поражение. Они не вернули стране гражданский мир, не завершили работу Учредительного Собрания, но были сброшены большевиками в Чёрное море осенью 1920 года и в Японское море осенью 1922».

3

Как вспоминал сам Яков Александрович, *«группа лиц с Корниловым и Алексеевым во главе обосновалась в Новочеркасске на Дону, куда Советская власть ещё не проникла. Их цель была — собрать новую армию взамен разложившейся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, причём большевики рассматривались как ставленники немцев. Короче говоря, идеей, руководившей этими людьми, была борьба за «отечество», которое одно уцелело от триединого лозунга, под которым военные элементы России воспитывались в течение 200 лет. Действительно, если идея «царя» была дискредитирована, то идея «отечества» держалась крепко; она была впитана, так сказать, с молоком матери и поддерживала дух армии за всё время Германской войны. И вот теперь она опять должна была выдвинуть массы на борьбу с иноземным нашествием, и прежде всего против Советской власти, которая тоже рассматривалась руководителями Добровольческой армии как иноземный элемент.*

Но пошли ли массы на эту новую борьбу? Нет. В Новочеркасске собралась только группа «интеллигенции» в 2000 человек, а народные массы остались глухи к их призыву. Власть трудящихся, провозгласившая вполне понятный массам лозунг борьбы против эксплуататоров, торжествующе двигалась на Дон. 5 января 1918 г. я прибыл в Новочеркасск, где было всего около 2000 добровольцев — юнкеров и офицеров, которые частью шли «идейно», а частью потому, что некуда была деваться. Во всяком случае, все они против Советской власти совершенно сознательно. Эту группу лиц не надо смешивать с позже попавшими в Добровольческую армию лицами из интеллигенции, очутившимися в её рядах только потому, что жили в районе, захваченном ею. С тем же успехом они служили бы и у красных. Надо сказать, что интеллигенция в массе совершенно растерялась, не отдавала себе отчёта в происходящем и принадлежала к партии «И.И.» (испуганный интеллигент).

Алексеев деятельно занялся рассылкой эмиссаров на места, чтобы там поднять восстание. Участь этих эмиссаров была не лучше участи самой Добровольческой армии. Массы за ними не шли. Казачество было довольно Советской властью, отнявшей землю у помещиков, и совершенно не желало вступать и часто выдавало агитировавших за «отечество» лиц. Одним из названных эмиссаров, почти единственным, вернувшимся потом в Добровольческую армию со сравнительно крупным отрядом, был я.

Меня отправили в Минераловодский район. Но сколько я ни

скитался по горам — ничего не удавалось; организуемые восстания срывались. Приходилось скрываться и не входить ни в один дом.

Средств у Добровольческой армии не было никаких. У отправленных на места — тем паче. События большинству были неясны, настроение было ужасно: идея, руководившая действиями, — идея «отечества» — гибла».

> «…в штаб Добровольческой армии в Новочеркасске зашёл офицер с бледным лицом, на котором нервно дёргались мускулы, — уточняет момент прибытия Слащёва И. Софронов. — Толкнув дверь, где висела табличка «Кадровая комиссия», он щёлкнул каблуками и, положив на стол документы, сухо бросил сидевшим в комнате: «Полковник Слащёв. Готов приступить к командованию любым подразделением». Ему велели подождать.
>
> Выйдя на улицу, Яков Александрович решил скоротать время в одном из городских кафе. И там нос к носу столкнулся с сокурсником по академии штабс-капитаном Сухаревым. Тот был порученцем у генерала Корнилова, одного из вождей Добрармии. После непродолжительного обмена житейскими новостями далеко не молодой штабс-капитан внимательно посмотрел на тридцатидвухлетнего полковника. «А помните, любезный друг, ваши академические увлечения партизанщиной? Сейчас это очень может пригодиться»».

Генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» очень обстоятельно описывает необыкновенно сложную обстановку на Дону:

> «Алексеев предполагал воспользоваться юго-восточным районом, в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооружёнными силами базой, для того чтобы собрать там оставшиеся стойкими элементы — офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат и организовать из них армию, необходимую для водворения порядка России. Он знал, что казаки не желали идти вперёд для выполнения этой широкой государственной задачи. Но надеялся, «что собственное своё достояние и территорию казаки защищать будут».
>
> Обстановка на Дону оказалась, однако, необыкновенно сложной. Атаман Каледин, познакомившись с планами Алексеева и выслушав

просьбу «дать приют русскому офицерству», ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области — в Ставрополь или Камышин.

Не обескураженный этим приёмом и полным отсутствием денежных средств, Алексеев взялся за дело: в Петрограде, в одно благотворительное общество послана была условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров, на Бочарной улице помещение одного из лазаретов обращено в офицерское общежитие, ставшее колыбелью добровольчества, и вскоре получено было первое доброхотное пожертвование на «Алексеевскую организацию» — 400 руб. — это всё, что в ноябре месяце уделило русское общество своим защитникам. Несколько помогло благотворительное общество. Некоторые финансовые учреждения оправдывали свой отказ в помощи циркулярным письмом генерала Корнилова, требовавшим направления средств исключительно по адресу Завойко. Было трогательно видеть и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший Верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей.

А они стекались — офицеры, юнкера, кадеты и очень немного старых солдат — сначала одиночно, потом целыми группами. Уходили из советских тюрем, из развалившихся войсковых частей, от большевицкой «свободы» и самостийной нетерпимости. Одним удавалось прорываться легко и благополучно через большевицкие заградительные кордоны, другие попадали в тюрьмы, заложниками в красноармейские части, иногда… в могилу. Шли все они просто на Дон, не имея никакого представления о том, что их ожидает, — ощупью, во тьме через сплошное большевицкое море — туда, где ярким маяком служили вековые традиции казачьей вольницы и имена вождей, которых народная молва упорно связывала с Доном. Приходили измученные, оборванные, голодные, но не павшие духом.

Прибыл небольшой кадр Георгиевского полка из Киева, а в конце декабря и Славянский ударный полк, восстановивший здесь своё прежнее имя «Корниловский»».

А.И. Деникин приехал в Новочеркасск около 22 ноября 1917-го. Не застав генерала Алексеева на месте, он отправился к Каледину:

«В атаманском дворце пустынно и тихо. Каледин сидел в своём огромном кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами. Не узнал. Обрадовался. Очертил мне кратко обстановку.

Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия. Крыленко направляет на Дон карательные экспедиции с фронта. Черноморский флот прислал ультимативное требование «признать власть за советами рабочих и солдатских депутатов». В Макиевском районе объявлена «Донецкая социалистическая республика». Вчера к Таганрогу подошёл миноносец, несколько тралеров с большим отрядом матросов; тралеры прошли гирла Дона и вошли в ростовский порт. Военно-революционный комитет Ростова выпустил воззвание, призывая начать открытую борьбу против «контрреволюционного казачества». А донцы бороться не хотят. Сотни, посланные в Ростов, отказались войти в город. Атаман был под свежим, ещё гнетущим впечатлением разговора с каким-то полком или батареей, стоявшими в Новочеркасске. Казаки хмуро слушали своего атамана, призывавшего их к защите казачьей земли. Какой-то наглый казак перебил:

— Да что там слушать, знаем, надоели!

И казаки просто разошлись».

О том, что было дальше, Яков Александрович напишет так:

«Скоро в Баталпашинске стало известно, что 13 апреля 1918 г. под Екатеринодаром убит Корнилов. Добровольческая армия превратилась в банду, бродившую с места на местно, спасавшую свою жизнь, выгоняемую в калмыцкие степи.

Но вот Терек и Кубань стали наводняться бросившей Кавказский фронт армией. Частью она шла целыми частями, а частью — отдельными толпами и одиночными

людьми, и к середине апреля Северный Кавказ оказался насыщенным оседавшими по станицам солдатами распавшейся царской армии. Тогда иногородние, работавшие у казаков или нанимавшие у них землю, подняли голову и начали передел земли. Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов, и свершилось «чудо». Идея «отечества», не находившая до сих пор отклика в массах, вдруг стала понятна зажиточному казачеству настолько, что для организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами и выступали «конно, людно и оружно»».

4

В своей книге Т. Троянов называет конец мая 1918 г., когда *«полковник Андрей Григорьевич Шкуро, бежавший из тюрьмы Кисловодска, сформировал недалеко от города вместе с полковником Яковом Слащёвым, бывшим командиром лейб-гвардии Финляндского полка, партизанский отряд из пятнадцати человек. На весь отряд было лишь четыре винтовки и два револьвера. С этими малыми силами они освободили станицу Суворовскую, Бекешевскую и ряд других. За короткое время отряд дорос до нескольких сотен человек, овладев рядом городов в южном Ставрополье»*.

И. Софронов уточняет:

> «В то время на Кубани, Лабе и Зеленчуке вовсю гуляли конные отряды казачьего полковника Андрея Шкуро. Их стихийным полупартизанским действиям требовалось придать, по замыслам командования Добровольческой армии, организованный характер, чтобы совместными усилиями очистить юг России от большевиков. Более подходящую кандидатуру для этой миссии, чем полковник Слащёв, трудно было подобрать. И, повинуясь приказу, Яков Александрович отправился к кубанцам».

Сам Слащёв в своей книге более конкретен и немногословен:

> «В течение июня месяца в Баталпашинском отделе организовался отряд до 5000 человек, начальствование штабом которого я принял на себя, а во главе отряда стал офицер из коренных казаков — Шкура. В июле Добровольческая армия, поддерживаемая казаками, заняла Тихорецкую, и свершилось соединение моё с нею при занятии 21 июля Ставрополя отрядом Шкуры. Уже тут стали сказываться его грабительские инстинкты, и он был отстранён от командования отрядом, превращённым во 2-ю Кубанскую казачью дивизию Улагая (Шкура вновь выплыл при движении на север).
>
> Зажиточное казачество, местные торговцы, кулаки и интеллигенция встречала Добровольческую армию с восторгом, и создавалось впечатление движения за родину, способное обмануть даже более опытного политика, чем был я и мне подобные.

> 27 ноября 1918 г. в Новороссийск прибыли суда Антанты. В Добровольческой армии появились деньги, оружие и патроны. До этого всё было в плачевном состоянии: кое-что перепадало от Краснова, кое-что захватывали от красных, много давало население (казаки) в виде довольствия, одежды, лошадей и зарытого оружия и снаряжения. Время шло, район добровольческой армии расширялся: она захватила Крым, юг Украины и Донецкий бассейн, Кавказ был в её руках. Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы со временем русскими углём и нефтью».

По утверждению И. Софронова, со Шкуро Слащёв *«быстро нашёл общий язык.*

Андрей Григорьевич, отменный кавалерийский командир, органически не переваривал любую штабную работу, предпочитая «ползанию по картам» и тщательному планированию операций лихую сабельную атаку. Не мудрено, что Слащёв занял у него должность начальника штаба.

Через несколько месяцев казачья «армия» Шкуро, серьёзно потрепавшая красных, насчитывала уже около пяти тысяч сабель. С этими опытными бойцами, прошедшими огонь мировой войны, Андрей Григорьевич без особого труда 12 июля 1918 года занял Ставрополь, преподнеся его на блюдечке подходившей к городу Добровольческой армии. За это Деникин, вставший во главе «добровольцев» после гибели Лавра Корнилова, присвоил Шкуро и Слащёву звания генерал-майоров. Вскоре Слащёв принял под командование пехотную дивизию, проведя с ней успешные рейды на Николаев и Одессу, что позволило белогвардейцам взять под контроль практически всю Правобережную Украину».

В своих мемуарах А.Г. Шкуро не жалея красок описывает атаку красных у Бекешевки, где довелось участвовать и самому Слащёву:

> «Часов в 9 утра стали поступать донесения, что верстах в десяти от позиции показались вражеские разъезды. Я вновь выехал на первую линию и отдал приказание Русанову беречь патроны и не открывать огня по целям противника далее 400 шагов.
>
> Вот уже показались наши отходящие разъезды. Глухо бухнуло вдали орудие, и первый выпущенный красными снаряд разорвался, далеко не долетев до нас. Второй снаряд с воем пронёсся над нашими головами и взрыхлил землю между моими и второй линиями. Следующие снаряды рвались в станице, вселяя смятение

в души казаков, у которых оставались в ней жёны и малые дети. Вдали показались медленно приближавшиеся к нам перебежками первые неприятельские цепи, стрелявшие не жалея патронов. Вот зататакали у них пулемёты, и целые рои пуль с визгом понеслись в воздухе или подымали пыль, рикошетируя об землю. То здесь, то там начали раздаваться стоны; раненые казаки поползли в станицу. Огонь всё усиливался. Я чувствовал, как трудно казакам лежать под огнём, не имея возможности отвечать, и боялся, что они не выдержат. Артиллерия работала вовсю. Красные цепи быстро приближались. В это время с полсотни молодых суворовцев, под начальством своего лихого прапорщика, выбежали в лесок перед позицией и открыли меткий огонь во фланг неприятельской цепи, которая остановилась и залегла.

— Ура, братцы, в атаку! — крикнул я и вынесся вперёд на коне со своим штабом и конвоем. Вся моя первая линия поднялась, как один, и ринулась без выстрела вперёд. Не приняв штыкового удара, красные цепи пустились наутёк. Я доскакал до пригорка на левом фланге убегавших большевиков. Оборачиваюсь и вижу, что моя пехота залегла на том месте, где только что была неприятельская цепь; оттуда послышалась трескотня пулемётов, и убегавшие красноармейцы стали то здесь, то там с размаху тыкаться в землю. Оказывается, мои пехотинцы взяли 5 пулемётов и тотчас же обратили их против врагов. Тут же было подобрано до 70 винтовок и масса патронов.

Отбежав вёрст 25, большевики вдруг остановились и вновь открыли огонь; оказалось, что к ним подошли подкрепления. Я приказал прапорщику Светашеву, захватив с собой конных казаков, скакать что есть силы в станицу Бургустанскую и поторопить сотника Евренко с его выходом в тыл неприятельских сил. Есаулу же Русанову послал приказание не продвигаться вперёд, пока не начнётся пальба в большевистских тылах.

Перестрелка длилась с час. Вдруг я вижу в бинокль, как русановские пластуны перебежками начинают отходить к станице; вот провезли в тыл и пулемёты на тачанках. Оказалось, что группа красных, зайдя в свою очередь, во фланг цепи пластунов, вынудила её своим огнём к отступлению. В то же время артиллерия противника метко била по нашей цепи. Увидя, что дело

дрянь, и посоветовавшись со Слащёвым, я решил бросить свою конницу на батарею с целью овладеть ею и дать возможность Русанову обосноваться на второй линии. Видя мчавшуюся на него конницу, артиллерийское прикрытие пустилось наутёк; артиллеристы открыли бешеный огонь картечью, вырывая целые прорехи из рядов казаков. Мчавшийся впереди доблестный прапорщик Светашев, присоединившийся ко мне в самом начале восстания, один из лучших офицеров, получил целый заряд в себя и лошадь, был разорван на куски. Конница дрогнула и пустилась врассыпную.

Собрав вокруг себя несколько десятков конных казаков, полковник Слащёв снова бросился на батарею, но упал, споткнувшись о воронку, вместе с конём. Он тотчас же вскочил снова и вдвоём с ординарцем врубился в прислугу; я со своим конвоем влетел на батарею, но, к сожалению, оказался у зарядных ящиков. Прислуга, перерубив постромки, поскакала от нас в сторону, преследуемая моим конвоем. Мы захватили ящики, но красные артиллеристы успели увезти пушку. В это время я получил донесение Русанова, что его пехота, полагая, что наше дело проиграно, начинает разбегаться и со второй линии.

Вдруг в красных рядах начались смятение и крик. Это Евренко врубился наконец с тыла в красные резервы. Увидя это зрелище, всё население Бекешевки высыпало на бугор, оглашая воздух радостными воплями. Вообразивши, что к нам подошли новые силы, большевики пустились бежать. Собравшаяся вновь моя конница бросилась в шашки. Очутившиеся между двух конных отрядов красноармейцы устремились в чистое поле между станицами Бекешевской и Суворовской, и тут произошло их страшное избиение — более 500 трупов было подобрано потом на этом месте. Я наскочил со своим конвоем на удиравший эскадрон красных и лично срубил с коня его командира, большевика из вольноопределяющихся, который хотел в своё время, в качестве шпиона, проникнуть в мою организацию. Мы захватили пушку, оказавшуюся неисправной, 6 пулемётов, 400 ружей и массу патронов».

К слову сказать, в отряде Шкуро Слащёв имел псевдоним «полковник Яшин». Что же касается взятия Ставрополя, то любопытное свидетельство оставил потомкам бывший

председатель Кубанского краевого правительства казак Даниил Ермолаевич Скобцев:

> «Шкуро, отправляясь в Тихорецкую, послал красным комиссарам Ставрополя ультиматум: «Очистить город, иначе он подвергнет его бомбардировке тяжёлой артиллерией», которой у него не было, даже и горной. Угроза была сплошной «партизанщиной», но она была сделана, и были назначены сроки, когда должно быть произведено очищение города от красных войск. Эти сроки приблизились, и теперь отряд шёл занимать город. Когда солнце склонялось к западу, мы двинулись из селения Московского по направлению к Ставрополю. Комиссары испугались «тени партизан»… В лунный вечер, в ночь на 8-е июля 1918 года, мы приблизились к Ставрополю и остановились на господствующей над городом возвышенности. Мы оказались более счастливыми, чем Наполеон на Поклонной горе под Москвой в 1812 году. Здесь нас уже поджидала депутация от города. Полковник Слащёв, действовавший именем Шкуро, принял представителей, поблагодарил их и предложил всем им возвратиться к пославшему их населению и оставаться спокойными. Здесь губернатор, генерал Уваров, выступил на сцену и в автомобиле, с небольшой охраной отправился в город принимать приветствия восторженного населения».

Генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» описывает это событие несколько в иных тонах:

> «8 июля получено было донесение о падении Ставрополя. Штабная сводка объявляла об этом событии следующими словами: «Советская власть изгнана из Ставрополя и вместе с красной гвардией бежала в Армавир. В Ставрополь прибыл наш военный губернатор и вступили наши войска…»
>
> Вероятно, для многих событие это казалось тогда значительным и радостным. Но для армии оно являлось тяжёлой обузой. Занятие Ставрополя — не в порядке планомерного развития операции, а в результате партизанского налёта — сделало положение города весьма непрочным; вместе с тем оно налагало на нас нравственную обязанность защищать его, отвлекая силы от главного направления.
>
> Случилось всё это в обстановке феерической.

В Кисловодске в мае объявился партизан Шкуро. Он был заподозрен большевиками в контрреволюции, арестован и отправлен во Владикавказ. Там, при содействии ген. Мадритова, находившегося в добрых отношениях с терским «советом народных комиссаров», Шкуро не только освобождают, но и отпускают обратно в Кисловодск. Прошло немного времени, и Шкуро во главе отряда, в состав которого входили кубанские казаки Баталпашинского и Лабинского отделов, в середине июня появляется под Кисловодском. Взяв город и продержавшись в нём несколько дней, он, выбитый большевиками, уходит на Кубань и ищет соединения с Добровольческой армией.

Выступление Шкуро дало сигнал к преждевременному восстанию терцев и к сильным репрессиям со стороны большевиков в отношении кисловодской буржуазии.

К концу дня отряд Шкуро появился в Ставропольской губернии, ведя по дороге удачные бои с большевицкими частями. Его движение опережала громкая молва о несметной силе отряда, неизменной удаче его «атамана» и жестоких расправах с советскими властями…

Появившись 5 июля к северу от Ставрополя, Шкуро вошёл в связь с Добровольческой армией, а городу предъявил ультиматум о выходе из него в определённый срок красноармейцев, грозя в противном случае начать «обстрел тяжёлой артиллерией»…

Как это ни странно, но комиссары Ставрополя и начальник гарнизона Шпак, напуганные тревожными вестями, идущими со всех сторон об успехах добровольцев, 8-го очистили город без боя…

Ликованию измученных жителей не было предела.

В Тихорецкой, куда приехал Шкуро представиться и заявить о своём подчинении, я первый раз увидел этого офицера, которого Кубань долго считала своим национальным героем. Тогда только начиналась ещё восходящая линия его карьеры и слагались первые легенды… Молодой, нервный, весёлый, беспечный, подкупающий своей удалью и бесшабашностью — словом, тип настоящего партизана. Отряд его имел состав приблизительно четырёх полков, и потому я обещал Шкуро после реорганизации и снабжения его артиллерией и технической частью развернуть отряд в

дивизию, сохранив за ним командование.

Но прошло несколько дней, и из Ставрополя начали поступать тревожные сведения. Отряд Шкуро — отличный для набегов — был мало пригоден для длительного боя на подступах к Ставрополю. Партизаны кутили — больше всех сам Шкуро, — не раз обижали население, поделили склады… «Старики» — кубанцы ворчали — «не для того они шли в отряд, чтобы защищать буржуев…» Поддаваясь обаянию своего пылкого начальника, они в то же время скептически относились к его молодости и житейскому опыту. До того, что не ясно было, кто над кем верховодит.

Кубанский атаман отнёсся также с сомнением к отряду. В результате в Ставрополь был командирован вернувшийся после излечения ран, полученных в первом походе, достойнейший полковник Улагай и принял дивизию, получившую потом наименование 2-й Кубанской. Шкуро, хотя и с некоторой обидой, согласился стать в ней бригадным командиром. Через некоторое время после выделения наиболее беспокойных казаков Баталпашинского отдела в Кубанскую Партизанскую отдельную бригаду, Шкуро получил с ней самостоятельную задачу — действовать на фланге Добровольческой армии и поднять закубанские отделы…

Ставрополь ликовал недолго. На третий день после освобождения (10 июля) опомнившиеся от испуга большевицкие отряды повели наступление на город с трёх сторон, подойдя к его предместью. Казаки Шкуро и вновь сформированный из ставропольских офицеров «3-й офицерский полк» с трудом отбивали наступление. 12-го положение было грозное и потребовало переброски туда с главного — Екатеринодарского направления полка с батареей и броневиком… Но Шкуро удалось отбросить большевиков за Кубань.

В районе Ставрополя наступило некоторое затишье, которое было нарушено 18-го, когда с юга и востока на город вновь повели наступление красноармейцы силами до 10 тыс. при 6 орудиях. И на этот раз партизаны, подкреплённые частями Боровского, после десятидневных боёв разбили противника, преследуя его в обоих направлениях вёрст на 40.

В начале августа наступление повторится. И долго ещё Ставропольское направление будет отвлекать преждевременно наши силы, средства и внимание, пока

не войдёт в нормальный район Северокавказской операции».

Сам же А.Г. Шкуро в мемуарах не всегда многословен:

> «По приказанию Ставки я считался командующим войсками г. Ставрополя, но оставался непосредственным начальником конной дивизии, переименованной во 2-ю Кубанскую казачью дивизию. Она состояла теперь из конных полков 1-го и 2-го Хопёрских, 2-го Кубанского и 1-го Лабинского. Двухсотенный дивизион терцев влился в состав 1-го Лабинского полка. Пластунская бригада была выделена из моего непосредственного командования, и её начальником назначили полковника Слащёва».

Именно после этого назначения для Якова Александровича *«начался долгий период тяжелейших, изматывавших боёв, —* констатирует А.С. Кручинин. — *Ставрополь пал под ударами большевиков, и Деникин стягивал к нему практически всю Добровольческую Армию. Стратегическое значение самого этого центра было ничтожно, но требовалось нанести решительное поражение живой силе противника, без чего положение белых на Кубани не могло почитаться прочным. К концу октября кольцо вокруг города замкнулось, причём бригада Слащёва заняла позиции на западных подступах, рядом с 1-й конной дивизией генерала П.Н. Врангеля. «Он поразил меня тогда своей молодостью и свежестью», — вспоминал позднее о Якове Александровиче Врангель. С молодостью не вязалась только обильная ранняя седина в светло-русых волосах Слащёва, о которой рассказывают другие очевидцы…*

Полностью окружённые, справедливо оценивающие своё положение как критическое, большевики дрались из всех сил. Утром 31 октября на северном участке они отбросили остатки растаявших в боях белых полков и прорвались на северо-восток, покидая Ставрополь, куда в середине дня 2 ноября вошла конница Врангеля. В то же время в Минераловодском районе всё ещё оставалась крупная группировка советских войск из состава 11-й и 12-й армий. Для борьбы с нею были собраны две конные дивизии, две пластунские бригады и несколько мелких отрядов, сведённые в 3-й армейский корпус генерала В.П. Ляхова. В одном из боёв, в конце ноября, полковник Слащёв был ранен и уехал в тыл на излечение. Это был его первый отдых с октября 1917 года.

Екатеринодар, пирующий, спекулирующий и переполненный тыловым офицерством, в сравнении с оборванными,

полуголодными и изнемогающими в непрерывных боях фронтовыми частями производил отталкивающее впечатление. «У Слащёва в вагоне (он ещё лечился после ранения и жил в вагоне из-за отсутствия квартир в городе) шли речи, что скоро, кажется, придётся устроить ещё одну революцию и вырезать всех тех, кого так легкомысленно не дорезали большевики, — вспоминал Мезерницкий, в декабре 1918-го тоже выбравшийся в отпуск. — За два года люди ничему не научились, но и ничего не позабыли».

С мыслью «покончим прежде на фронте, а потом разберёмся в тылу», возвращались Слащёв и его молодой подчинённый в бригаду. Вскоре во время атаки Яков Александрович был вновь ранен — теперь пулей в ступню правой ноги, и эта рана ещё долго причиняла ему немало страданий. Неспокойно было и на сердце: назначенный Главноначальствующим и командующим войсками Тёрско Дагестанского Края (эта новая структура заменила прежний 3-й корпус) генерал Ляхов был человеком крутого нрава, предпочитавшим жёсткие репрессивные меры даже в тех случаях, когда, по мнению фронтовых начальников, их можно было бы избежать. Не ужившись с Ляховым, Яков Александрович попросил о переводе, и после краткого отпуска, проведённого в Кисловодске с семьёй, приказом Главнокомандующего от 18 февраля был назначен командиром бригады 5-й дивизии, сформировавшейся в Северной Таврии. Отныне вся его биография будет связана с Новороссией и Крымом…»

5

Шёл август 1919 года… Начальник 4-й пехотной дивизии (две сводные бригады) генерал Я.А. Слащёв подошёл всего лишь с двумя полками к Николаеву, где сосредоточилась крупная группировка Красной армии. Несмотря на отсутствие связи с вышестоящим штабом (корпуса), Якову Александровичу всё же удаётся организовать взаимодействие всех имевшихся в его распоряжении сил (пехоты, конного конвоя, бронепоезда «Непобедимый» и кораблей Черноморского флота) и взять город 5 августа с ходу. Очевидцы утверждали, что Слащёв лично возглавил атаку во главе своего конвоя и буквально галопом ворвался в Николаев.

> «Николаев после большевиков был печален, — рассказывает С. Гаврилов. — Заплёванная гостиница «Лондонская», разрушенный ресторан «Салем», горящие пакгаузы в Морском порту. Железнодорожный гурьевский мост сожгли восставшие крестьяне. Военный рынок замер. Царствует контрабанда с Варваровской пристани. Большевики наводнили город фальшивыми керенками, и цены на продукты взлетели. Градоначальник из города сбежал. Яков Слащёв огляделся по сторонам и велел своему коменданту разделить город на патрульные зоны, выставить охрану у водонапорной башни, электростанции и оставшихся складов в порту.
>
> Ночью 7 ноября военный патруль задержал комсомольцев, которые расклеивали на столбах провокационные листовки. Утром вместе с «коммунарами» (61 человек) их расстреляли на Адмиралтейской площади. Для устрашения уголовников и террористов трупы не убирали 3 дня. Умиротворение было достигнуто, генерал Слащёв занялся принудительной мобилизацией в армию. За две недели ему удалось сформировать два батальона из бывших дезертиров и восстановить железнодорожное сообщение».

Чтобы яснее представить, что пережили жители города Николаева с момента Октябрьской революции, достаточно проследить его историю с ноября 1917-го. В ноябре город был провозглашён Советом рабочих и военных депутатов Николаева

«временно самостоятельным». В январе 1918-го в городе была провозглашена советская власть. В марте в город вступили австро-германские части. В ноябре в области появляется отряд атамана Григорьева, который действует против гетманских и немецких частей. Тогда же в порту города становится на якорь английский крейсер. В феврале 1919-го в Николаев вступают греческие войска. В марте — советские части и отряд атамана Григорьева. Немецкий гарнизон эвакуируется. В апреле в город приходят французские войска и части Добровольческой армии. В мае город захвачен частями Григорьева и Махно. Через два дня всех их выбивают части Красной армии и советская власть восстанавливается. Однако в августе в город въезжает Слащёв…

Всего-то на три недели, но зато с каким эффектом! *«За это время он сумел организовать здесь жизнь согласно своим представлениям о порядке и справедливости,* — продолжает свой рассказ С. Гаврилов. — *В августе 1919 года николаевские обыватели отрядили к нему делегацию и просили, чтобы «генерал назначил градоначальника по личному усмотрению для обустройства гражданского быта».*

Все устали от бессмысленных революций. Настолько устали, что деникинский генерал Яков Александрович Слащёв стал для жителей «оплотом стабильности» в городе. В первый же день оккупации Николаева он повесил за мародёрство 7 своих солдат и двух офицеров.

«…мне не интересно, что подумают обо мне потомки. В Николаеве должны работать школы, театры и больницы. Всех большевиков, уголовников и анархистов казнить немедленно. Всех саботажников, что не хотят работать в общественных учреждениях, убеждать жалованием. Жалование выплачивать из моего личного резерва… большевиков расстреливать с особой тщательностью…» Это распоряжение Якова Слащёва датировано 9-м августа 1919 года…

За три недели пребывания в городе он сумел предотвратить один еврейский погром, взрыв водонапорной башни и покончил с грабежами на улицах. При Слащёве работала электростанция, ночью горели фонари, возобновилось движение трамваев. Дворники убрали мусорные кучи с центральных улиц, оставшиеся после большевиков и махновцев. Город ожил, открылись торговые лавки и рестораны, дети начали ходить в школы».

Что же касается казней, приводимых в исполнение по приказу Якова Александровича, то гораздо позднее он скажет: *«Все смертные приговоры, утверждённые мною, опубликованы в газетах и были в двух экземплярах: один хранился в штабе корпуса со всем делом подсудимого, а второй направлялся в контрразведку,*

приводившую приговор в исполнение».

20 ноября 1920 года газета «Известия Николаевского губисполкома и Губкома КПбУ» за № 244 писала: *«В ночь на 7/20 ноября 1919 года были расстреляны по приказу пьяного генерала Слащёва следующие товарищи:*

1. Гуфельд-Печерская Роза, член КПУ, ответственный работник, эвакуирована из Крыма, осталась для подпольной работы.

2. Блейс Владимир, беспартийный, 20 л.

3. Блейс Товий, брат его, член КПУ, эмигрант, спасся, убежав с площади и унеся раненого Коссовского.

4. Варшавский Бенцион, беспартийный пролетарий, электротехник.

5. Коссовский Моисей, член КПУ, был унесён с площади Коммунаров и умер от ран в больнице.

6. Поляков Мовислав, служил в особом отделе ЧК, спасся.

7. Поляков Вячеслав, сын его, член КПУ.

8. Величко Иван, член КПУ, военмор, спасся.

9. Щербина Дмитрий, член КПУ, комендант клуба им. Свердлова, спасся.

10. Черниховский Михаил, слесарь, спасся и умер от ран.

11. Бельсон Фриц, беспартийный пролетарий, расстрелян как латыш.

12. Васильев Иван.

13. Валуцкий Илья.

14. Фурар Евсей.

15. Дахно Никита.

16. Борисенко Борис.

17. Кацюк Иван.

18. Хржановский Павел.

19. Завацкий Семён.

20. Таниевский Сергей.

21. Плесин Фёдор.

22. Домбровский Болеслав.

23. Долгополов.

24. Сирмайо, беспартийный, б. служащий «Петроградской гостиницы», секретарь союза официантов, спасся.

25. Аулин, член КПУ, ответственный работник, расстрелян как латыш.

26. Шенк, беспартийный пролетарий, расстрелян как латыш.

27. Принудл, соч. КПУ, старший милиционер, расстрелян как латыш.

28. Фудмал, беспартийный, служ. кофейной, расстрелян как латыш.

29. Лац, член КПУ, расстрелян как латыш.

30. Синольд, беспартийный пролетарий, расстрелян как латыш.

31. Могила Иван, красноармеец.

32. Могила Александр, красноармеец.

33. Зинченко Яков, рабочий, комендант театра Шеффера.

34. Асушкин, старший милиционер, спасся.

35. Смирнов Шульман, член КПУ, адъютант чусосна-барма.

36. Стирис Герш, беспартийный.

37. Миницер Авраам, красноармеец.

38. Миницер Моисей, 19 л., служ. Аптеки б. Бланка, погиб случайно.

39. Коленберг Герш, член комсомола, служ. Завода Когана.

40. Тумакин Зальман.

41. Вермонд Эдмунд, служ. коммунотдела.

42. Кушнир Хаим, член ЮГУ.

43. Вильчепольский Григорий.

44. Чертков Альтер.

45. Фельдман Симко.

46. Харламов Илья.

47. Хржановский Евгений.

48. Манухин Лазарь.

49. Ревзин Зельман, член комсомола.

50. Койфман Бенцион.

51. Евсеев Ицко.

52. Эйдельман Яков, инженер, беспартийный, служащий военкома.

53. Бабков Макар.

54. Мальт Тамара, член комсомола, активная работница.

55. Вайнбалт Маркус, член комсомола.

56. Хазанов Израиль /«Гриша»/ предс. Херс. Комсомола, пред. подпольного Николаевского комсомола.

57. Кириченко Андриан.

58. Родбурд Давид, член КПУ.

59. Ортенберг Цель, беспартийный, служащий на заводе «Перун».

60. Целяйкин Моисей, б. член Кажлвского совета в 1917 г., член п. Поалей-Цион.

61. Лозинский Иван.

Редакция не имела возможности навести сведения относительно всех погибших и вынуждена была ограничиться отрывочными сообщениями об отдельных товарищах».

А в начале сентября генерал Слащёв ушёл из Николаева…

6

Нестор Иванович Махно — личность известная. В 1910 году он был приговорён к смертной казни через повешение, которую заменили на бессрочную каторгу. Обвиняли в будущем известного анархиста в покушении на жизнь гуляйпольских стражников.

В своей жизни Нестору Ивановичу довелось окончить лишь Гуляйпольское двухклассное начальное училище. Главные свои «университеты» он получит в каторжном отделении Бутырской тюрьмы в Москве. Это была прежде всего богатая библиотека тюрьмы, а также знакомства с известными заключёнными. Одним из таких был Пётр Аршинов — известный анархист активист. Он-то и занялся идеологической подготовкой малограмотного крестьянина из села Гуляйполе… После Февральской революции Нестора Махно, а было ему тогда уже 29 лет, досрочно выпустили из тюрьмы. Вернувшись на родину, он достаточно энергично включается в политическую жизнь, пробуя себя в роли то председателя Гуляйпольского крестьянского союза, то комиссара Гуляйпольского района. Весной 1918-го Махно организует вместе с группой соратников отряд, который будет сражаться как против кайзеровских войск, так и против правительства Украинской Державы, но после отступления выезжает по маршруту Ростов-на-Дону — Саратов — Тамбов — Москва, где участвует в конференциях, заседаниях и встречается с руководителями советского правительства.

Летом 1918 года, с паспортом на имя И.Я. Шепеля, Нестор Иванович снова возвращается в Гуляйполе. Там он организует небольшой партизанский отряд и совершает ряд удачных нападений на германские войска и местных помещиков. Уже осенью вокруг отряда Махно группируются силы других партизанских отрядов, действовавших в Александровском уезде. Так Нестор Иванович становится руководителем всего повстанческого движения в Екатеринославской губернии.

Н.В. Герасименко — один из немногих свидетелей махновщины, который посвятил Нестору Ивановичу и его борьбе небольшую книгу. Он-то и утверждает, что к осени 1919-го батька Махно, усвоив многочисленные уроки, в том числе и благодаря большевикам, стал применять их на практике:

> «Махно решил, что необходимо действовать не только быстро, но, главное, производить операции вдали от железных дорог или, как он определил, «перенести

борьбу с рельс на просёлки, в леса и поля».

Свою пехоту он посадил на четырёхколёсные лёгкие тачанки, с установленными на них пулемётами, и, имея прекрасный конский состав, перебрасывал ездящую на тачанках пехоту с поразительной быстротой то в один, то в другой участок боя, появляясь преимущественно там, где его меньше всего ждали.

Кавалерию Махно вообще берёг и употреблял её для нападения на подвергшиеся крушению воинские железнодорожные эшелоны или для преследования убегавших в панике войск противника.

Не ждали Махно и в тылу у Деникина, войска которого победоносно двигались по московским дорогам.

В то время, когда Мамонтов возвращался на отдых со своего знаменитого рейда по советским тылам, Махно со своей летучей армией совершил неожиданный рейд по тылам Деникина. Бросив Петлюру, стремительным натиском уничтожив бывший против него Симферопольский полк, он стал появляться там, где его никто не ждал, неся с собой панику и смерть и спутывая все карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривого Рога…

В первых числах сентября он занял Александровск, отрезав Крым от центра. По пути Махно распускал собранные по мобилизации пополнения для армии Деникина; часть из них добровольно переходила к нему.

Махно идёт дальше, он занимает Орехов, Пологи, Токмак, Бердянск, Мариуполь и смело двигается к Таганрогу, где была расположена ставка Деникина.

Нужно было видеть, что творилось в эти «махновские дни» в тылу добровольческой армии. Военные и гражданские власти растерялись настолько, что никто и не думал о сопротивлении.

При одном известии о приближении Махно добровольческие власти бросали всё и в панике бежали в направлении Ростова и Харькова.

Это был небывалый, не имевший примера в истории разгром тыла, который по своим последствиям не может быть даже сравним с рейдом Мамонтова…

Не оценивая в должной мере махновского движения, генерал Деникин лишь кратко приказал генералу Слащёву: «Чтобы я больше не слышал имени Махно».

Против Махно был двинут корпус Слащёва, почти весь конный корпус Шкуро и все запасные части, которыми в то время располагало главнокомандование.

Одним словом, для «ликвидации» Махно были сняты с фронта быть может, лучшие части добровольцев, но ликвидировать Махно им так и не удалось, несмотря на то, что конница Шкуро в первые же 10 дней столкновения с Махно потеряла до 50 % лошадей».

Генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» более точно воссоздаёт «боевой путь» и успехи армии Нестора Ивановича:

«Теснимый с востока нашими частями, Махно продвигался в глубь Малороссии; в августе, задержавшись в районе Елисаветграда-Вознесенска, он был снова разбит правым крылом ген. Шиллинга и к началу сентября, продолжая уходить к западу, подошёл к Умани, где попал в полное окружение: с севера и запада — петлюровцы, с юга и востока — части ген. Слащёва…

Махно вступил в переговоры с петлюровским штабом, и обе стороны заключили соглашение: взаимный нейтралитет, передача раненых махновцев на попечение Петлюры и снабжение Махно боевыми припасами. Доверия к петлюровцам у Махно, однако, не было никакого, к тому же повстанцев тянуло неудержимо к родным местам… И Махно решился на смелый шаг: 13 сентября он неожиданно поднял банды и, разбив и отбросив два полка ген. Слащёва, двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение это совершалось на сменных подводах и лошадях с быстротой необыкновенной: 13-го Умань, 22-го — Днепр, где, сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешёл через Кичкасский мост и 24-го появился в Гуляй-Поле, пройдя в 11 дней около 600 вёрст.

В ближайшие две недели восстание распространилось на обширной территории между Нижним Днепром и Азовским морем. Сколько сил было в распоряжении Махно, не знал никто, даже он сам. Их определяли и в 10, и в 40 тыс. Отдельные банды создавались и распылялись, вступали в организационную связь со штабом Махно и действовали самостоятельно. Но в результате в начале октября в руках повстанцев оказались Мелитополь, Бердянск, где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь — в 100 верстах

от Ставки (Таганрога). Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе — нашей артиллерийской базе… Случайные части — местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной стражи, выставленные первоначально против Махно, — легко разбивались крупными его бандами.

Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьёзное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. В районе Волновахи сосредоточены были Терская и Чеченская дивизии и бригада Донцов. Общее командование над этими силами поручено было ген. Ревишину, который 13 октября перешёл в наступление на всём фронте. Наши войска в течение месяца наносили один удар за другим махновским бандам, которые несли огромные потери и вновь пополнялись, распылялись и воскресали, но всё же катились неизменно к Днепру. Здесь у Никопольской и Кичкасской переправ, куда стекались волны повстанцев в надежде прорваться на правый берег, они тысячами находили смерть…

К 10 ноября весь левый берег Нижнего Днепра был очищен от повстанцев.

Но в то же время, когда наши войска начинали ещё наступление, Махно с большой бандой, перейдя Днепр, бросился к Екатеринославу и взял его… С 14 по 25 октября злополучный город трижды переходил из рук в руки, оставшись в конце концов за Махно.

Между тем успех на фронте войск Новороссии дал мне возможность выделить из их состава корпус ген. Слащёва, который к 6 октября начал наступление против Екатеринослава с юга и запада от Знаменки и Николаева. Совместными действиями право- и левобережных войск Екатеринослав был взят 25 ноября, и контратаки Махно, врывавшегося ещё трижды в город, неизменно отбивались.

Переправы через Нижний Днепр были закрыты, и тыл центральной группы наших армий, таким образом, до известной степени обеспечен. Но затяжные бои с Махно в Екатеринославской губернии продолжались ещё до середины декабря, то есть до начала общего отступления нашего за Дон и в Крым.

Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее

трудное для него время».

Армия батьки Махно была действительно необычной. Например, Н.В. Герасименко в своей книге выделяет в ней основное боевое ядро, *«наиболее активное, служащее как бы за кадром, из которого потом развёртывались отряды, пополненные крестьянами»*, которое состояло из:

> «1) личного штаба и конвоя Махно, численностью до 300 человек. Во главе конвоя, в роли коменданта штаба, находился бывший слесарь Кийко, а начальником конвоя состоял матрос Лященко, щеголявший добытой в Екатеринославе ильковой шубой даже в летнюю жару;
>
> 2) кавалерия — 1000 всадников, как это определил сам Махно, под командой бывшего вахмистра Долженко;
>
> 3) пулемётных полков, т. е. ездящей пехоты — 800 тачанок с 1–2 пулемётами на каждой и по 3–4—5 человек на тачанке, считая и кучера, в общем до 3500 человек, под общей командой бывшего матроса Гуро;
>
> 4) артиллерия — шесть трёхдюймовых полевых орудий с полной запряжкой и зарядными ящиками, в общем, до 200 человек, под командой бывшего фейерверкера Зозуля;
>
> 5) комендантских команд и других вспомогательных частей, передвигающихся также исключительно на тачанках и иногда принимавших участие и в боях, в общем до 500 чел.
>
> Постоянных чисто-пехотных частей, санитарных учреждений и интендантских обозов в армии Махно не имелось.
>
> Таким образом, численность постоянных сил Махно, составленных преимущественно из бывших матросов военного флота, уголовного элемента, дезертиров из красной и Белой армии и лишь в небольшом количестве из крестьянской молодёжи, нужно определить в 5000 человек, не считая реввоенсовета армии.
>
> Кроме этих постоянных частей, имелись временные, в большинстве пехотные части, собираемые по мобилизации из крестьян. В зависимости от района, мобилизация давала в одну ночь 10–15 тысяч бойцов и больше, часто с артиллерией и кавалерией. Эти части состояли исключительно из крестьян и распределялись по полкам, носящим название сёл, давших контингент (Петровский, Новоспасский и т. д.). (…)
>
> Такая организация, доведённая до последней

степени гибкости и совершенства, определяла и характер тактических действий Махно. Имея основной кадр армии из людей, терять которым нечего, посаженных на лошадей (кавалерия) или тачанки, Махно совершал в одну ночь переходы в 50, 60 и более вёрст. На остановках он находил отдых, корм для людей и лошадей».

В том числе и поэтому с Махно воевать было весьма и весьма сложно. Не говоря уже про элементарные правила тактики, которых придерживались в Гражданской войне практически все противные стороны, кроме Нестора Ивановича. И тем не менее осенью 1919-го в районе Екатеринослава Нестор Иванович, что называется, лицом к лицу столкнулся с генералом Слащёвым. Завязалась достаточно продолжительная борьба. По мнению Герасименко, *«почти всю вторую половину октября Махно не сумел учесть сил, стойкости, а главное, уменья Слащёва вести борьбу с его партизанами. Не мог Махно предугадать и направление главного удара по своей армии, ожидая его со стороны Таганрога, а получив его со стороны Лозовой.*

Не придал Махно и должного внимания густой железнодорожной сети Донецкого бассейна, что, однако, не преминуло использовать добровольческое командование, втянув Махно в борьбу на рельсы, вернее, вдоль рельсового пути, пока не подошли части корпуса Шкуро, которые усилившись бывшей уже там конницей, перешли к стремительной атаке по всему фронту растерявшихся от неожиданного, энергичного нападения махновцев».

Погибали помощники Нестора Ивановича, была уничтожена большая часть кавалерии батьки, но самые значительные потери понесла пехота. Да и сам Махно только чудом избежал плена… И всё-таки Слащёв выдавил махновцев из Екатеринослава, но полностью разгромить их ему так и не удалось.

Герасименко, в частности, пишет:

> «Самоуверенный генерал сообщил об этом в ставку Деникина и торжественно прибыл в Екатеринослав со всем своим штабом. Но оказалось, что победить Махно было не так легко. В то время, когда по прямому проводу летела преждевременная весть о слащёвской победе, Махно возвратился назад и захватил станцию, на которой находился поезд Слащёва. Кругом поднялась обычная в таких случаях паника. Махновцы наседали со всех сторон, казалось, что вот-вот Слащёв со своим штабом попадёт в плен, и только личная храбрость

молодого генерала спасла положение: Слащёв со своим конвоем стремительно бросился в атаку, отбил нападение и возвратил город в своё распоряжение.

Однако железнодорожный мост через Днепр почти до момента прекращения борьбы с Махно из-за общего наступления остался как бы нейтральной зоной.

Эпизод с неожиданным занятием станции положил начало новой упорной войне Слащёва с Махно. В начале махновской кампании Слащёву пришлось иметь дело с большими массами крестьянских полков, которые ему и удавалось частью уничтожить, а частью заставить разбежаться по домам. Отсюда — та лёгкость победы, в которую поверил и генерал, и его штаб. После занятия добровольцами Екатеринослава Махно располагал исключительно войсками, составленными из основного элемента его армии, пополненного наиболее активными и стойкими крестьянами.

Конечно, для махновцев были не по плечу затяжные бои, да ещё чуть ли не позиционные, где прежде всего требуется устойчивость и дисциплина. Махно это учитывал и в борьбе стал применять старую тактику, давшую ему столько успехов в войне со всеми его противниками.

На слащёвские войска, которые привыкли к открытым столкновениям, со всех сторон посыпался целый ряд мелких, совершенно неожиданных нападений, которые беспокоили и нервировали добровольцев, не знавших, откуда ожидать удара. Махно появлялся то там, то здесь; сегодня его отряды были в одном месте, завтра они появлялись в другом. Ни днём, ни ночью не было покоя от назойливости махновцев, которые совершали свои налёты с необычайной смелостью, как бы щеголяя буйной удалью…

Всё это привело к тому, что добровольцы очутились словно в осаждённой крепости, причём обнаружить осаждавшую армию не было никакой возможности, хотя войска Слащёва только и делали, что беспрестанно маневрировали в разных направлениях в поисках исчезавших, как дым, махновцев.

Перед нападением на добровольцев Махно говорил своим:

— Братва! С завтрашнего дня надо получать жалованье.

И назавтра «братва» действительно получала

жалованье из карманов убиваемых ими офицеров…

Затяжной характер борьбы с Махно выводил из себя Слащёва, стремившегося как можно скорее «ликвидировать» Махно, дабы отправиться добывать славу в направлении Москвы. В то время белые генералы вели спор о том, кому первому войти в Москву. Однако борьба затягивалась, и, видя это, самолюбивый Слащёв решил нанести Махно «последний» удар. Для охвата махновского фронта, по его настоянию, были стянуты все добровольческие части Крыма и Одесского района, находившиеся в распоряжении генерала Шиллинга.

Само собой разумеется, что такая операция требовала предварительной подготовки, и штаб занялся детальным обсуждением плана Слащёва.

Но махновцы, конечно, не ждали: их нападения становились всё смелее и смелее. Слащёв сначала приходил в ярость, но вскоре стал восторгаться предприимчивостью и храбростью махновцев.

— Вот это я понимаю, — громко восклицал генерал, выслушивая донесения о нападении махновцев, — это противник, с которым не стыдно драться».

В итоге Якову Александровичу так и не довелось уничтожить армию батьки Махно, но для этого у него были вполне объективные причины. Ведь кроме «армии батьки» он воевал ещё и с петлюровцами (Галицийская армия и Армия Украинской Народной Республики) — силами значимыми. О том, в какой обстановке Якову Александровичу приходилось драться против нескольких противников сразу, сама за себя говорит его телеграмма, адресованная начальнику Штаба войск Новороссийской области генералу В.В. Чернавину:

Полковник Я.Л. Слащёв в 1916–1917 г.

Генерал-лейтенант Я.А. Слащёв

А.Г. Шкуро

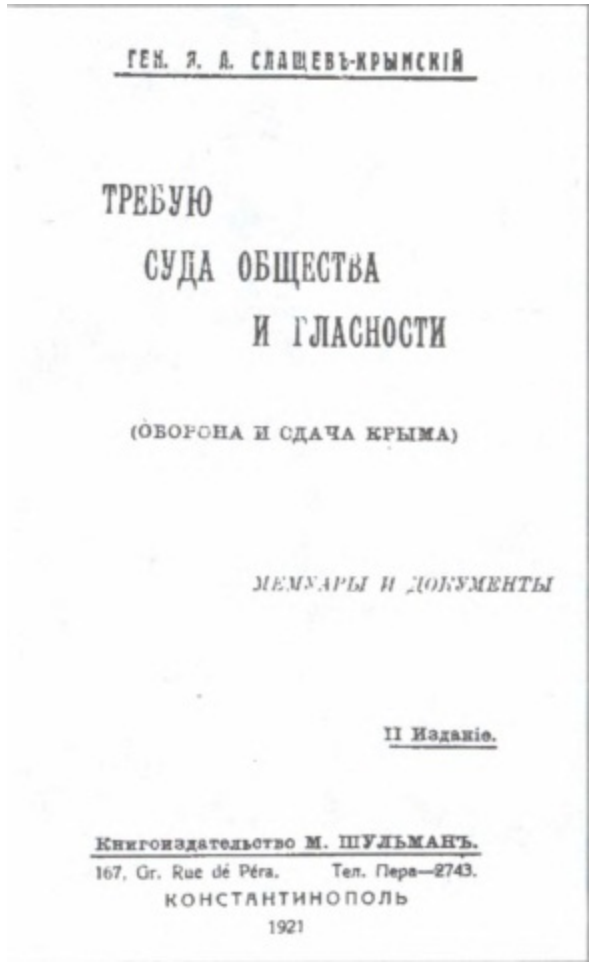
П.Н. Врангель у штабного поезда. 1919 г.

Захват врангелевских танков в Таврии. Художник Н.С. Самокиш

Переход Красной армии через Сиваш. Художник Н.С. Самокиш

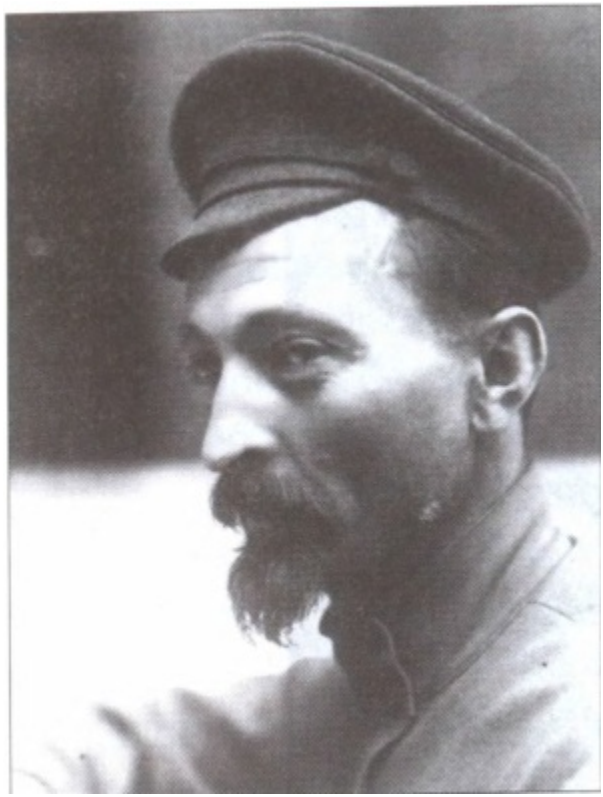
Я.А. Слащёв в Севастополе. 1920 г.

Я.А. Слащёв со своим штабом



Обложки книг Я.А. Слащёва

Л.П. Кутепов



Ф.Э. Дзержинский

М.В. Фрунзе

С.М. Будённый

М.А. Булгаков

Я.А. Слащёв среди преподавателей курсов «Выстрел»

«Дорогой Виктор Васильевич, горячо любя Николая Николаевича (Шиллинга) и тебя, не могу удовлетвориться номером 23281. Разбери его сам, и ты скажешь то же самое. Я вошёл в соприкосновение с Петлюрой на фронте Умань — Любашевка, он требует очищения территории вплоть до Ольвиополя — я разбил Махно и гоню его на северо-запад между известными тебе железными дорогами. Если я уйду за ним, я открою фронт Петлюре. Всё это я донёс в № 750, подробно разбери это с Командвойском и учти обстановку. Я сделаю всё, что в моих силах, и если удастся предлагаемая мною группировка (см. № 750), разнесу Петлюру вдребезги, но мне всё же нужна поддержка Штаба войск — ведь не могу же я идти против вашего приказа. Обстановка диктует: бросить Махно на пятую дивизию и раздавить Петлюру. Жду сегодня же ответа и не шифрованного, потому что шифры путают. Провожу в группировке войск идею, доложенную в № 750. Жду срочного ответа. 1 сентября. № 048. Слащов».

Как пишет А.С. Кручинин, *«После нанесения петлюровцами первых сильных ударов Яков Александрович незамедлительно приступил к подготовке окончательного разгрома Махно. Настояв перед командованием на сохранении единства управления войсками (…Вся операция должна быть объединена в одних руках, —*

подчинюсь кому угодно, лишь бы командовало бы лицо, знакомое с обстановкой и состоявшее здесь, иначе весь успех и красота пропадёт… Прошу меня понять и поверить, что я хлопочу не из-за личных целей, для чего прошу назначить для общего командования стороннее лицо, но для пользы дела настаиваю на общем командовании…»), он обрушил на противника новые мощные удары. 14 сентября, бросив на произвол судьбы своих раненых и тысячу штыков заслона, Махно с отборными частями, Штабом и Реввоенсоветом отчаянным усилием прорвался в восточном направлении и обратился в бегство.

До сих пор в исторической литературе бытует повторяемая вслед за анархистскими апологетами «батьки» легенда о «рейде, сокрушившем тылы Деникина. Однако тогда, в первую неделю после прорыва, речь шла не о каком-либо целенаправленном движении, а именно о бегстве, в ходе которого махновцы бросали не только орудия, повозки и походные кухни, но даже винтовки, и в своём паническом стремлении за Днепр неспособны были вступать в самые незначительные столкновения со слабыми белогвардейскими заслонами.

Увы, командование войск Новороссийской области не смогло использовать момента и добить раненого, но всё ещё опасного врага. В погоню направили сборный отряд незначительной численности, а роль заслона на Днепре была поручена только что сформированным ненадёжным частям. В результате, проявив незаурядную волю и тактическое чутьё, Махно сумел мобилизовать наиболее боеспособные элементы своей Армии и перешёл Днепр. Слащову же было приказано продолжать операции против Петлюры».

Всё тот же Герасименко в своей книге утверждает, будто бы Слащёв *«не раз, вспоминая Махно, говорил:*

— Моя мечта — стать вторым Махно…»

Было ли это так на самом деле, неизвестно. Но если и было, то Яков Александрович имел в виду совсем не то, о чём подумали другие. С его природными талантами, с его образованием, с его храбростью, ему, как военачальнику, чаще всего не хватало свободы действия… Над Махно же не было вышестоящих начальников, а его свобода не имела абсолютно никаких ограничений. И всё-таки, не стоит сомневаться в том, что Слащёв окончательно и бесповоротно разгромил бы Махно. Этому помешала общая стратегическая обстановка, когда ударная группировка Вооружённых Сил Юга России, потерпев поражение под Орлом, отступала по всему фронту. И генерал Слащёв получил новый приказ: переправляться за Днепр для прикрытия Северной Таврии.

Что же касается петлюровцев, то здесь события развивались несколько иначе:

> «Силы были не равны: украинские войска превосходили белых в 4–5 раз, несмотря даже на свирепствовавшую среди петлюровцев эпидемию тифа…
>
> Слащов планировал ударом в направлении города Гайсин прорвать петлюровский фронт на стыке Армии УНР и Галичан. Но не все планы легко реализуются, и «Гайсинская операция» началась встречным боем — одним из самых трудных видов военных действий, требующим от полководцев крепости нервов, хладнокровия, быстроты решения и железной воли при претворении его в жизнь. На левом фланге белых бригада генерала Ангуладзе, несмотря на отвагу и решимость её командира, была отброшена, и украинские войска угрожали выходом во фланг наступающей от Умани группировке. «Положение Уманской группы стало почти безнадёжным; только медленность действий петлюровцев, шедших неуверенно и с опаской, всё ещё не веря в свой успех, спасла её пока, — вынужден был признать впоследствии Слащов. — Об общем наступлении группы нечего было и думать, — выбрать обойдённые войска из боя, не потеряв большую их часть, было невозможно». А поскольку на «Уманской группе» держался весь фронт Новороссии, её неудача могла перерасти в общую катастрофу. Пожалуй, это был первый случай, когда от полководческого дарования и счастья генерала Слащова зависело так много…
>
> «Следовательно, — делает вывод генерал, — вся обстановка сложилась так, что надо было наступать в главном направлении и победить во что бы то ни стало». На первый взгляд такое решение отдаёт авантюрой, но оно оказалось полностью оправданным, поскольку против слащовских войск были к тому моменту сосредоточены едва ли не все боеспособные украинские дивизии. Таким образом, «наступать в главном направлении» означало — наносить удар по основному скоплению живой силы петлюровцев и в случае успеха практически уничтожить Армию УНР как войсковое соединение.
>
> Так и произошло. Прорыв и развитие успеха в одно мгновение коренным образом изменили обстановку: как будто был вынут стержень, скрепляющий войска

противника; «в тылу петлюровцев стояла полная паника; отдельные части сдавались разъездами, обозы рассыпались в разные стороны…» — рассказывал Слащов. Катастрофа подействовала и на командование Галичан: оно обратилось с просьбой о перемирии, и 24 октября было заключено предварительное соглашение о переходе Галицийской Армии на сторону Деникина. «Благодарю Вас, Генерала Слащова и всех Начальников, — телеграфировал Шиллингу Главнокомандующий 28 октября, — за блестяще проведённую операцию, отдавшую нам победу над превосходным в числе противником и приведшую к столь благоприятному разрешению вопроса борьбы с галичанами»» (А.С. Кручинин).

Глава шестая
Спаситель Крыма

1

О жизни Крыма задолго до настоящих событий, в «Очерках русской смуты», генерал А.И. Деникин поведал следующее:

> «Жизнь Крыма до конца 1917 г. текла довольно мирно. В крае уживались рядом власти — правительственные, земско-городские и революционные (совдепы) — почти однородные по своему составу (с.-р. и с.-д. меньш.), и все одинаково бессильные. После октябрьского переворота собрание уездных и волостных земств и городов Таврической губернии создало центральную власть в лице Крымского краевого правительства — также из умеренных социалистов, во главе с кадетом Богдановым. Но собранный 26 ноября национальный совет татарского населения Крыма избрал татарский парламент (Курултай) и татарское правительство, которое также «взяло на себя защиту и управление как татарами, так и другими народностями, населяющими Крым». Совместное существование двух «правительств», порождая трения в их взаимоотношениях, очень мало, однако, отражалось на жизни края, обособившейся резко в замкнутых рамках городов и сёл. Одинаково шаткою была опора обоих правительств: у первого — полу-большевицкие солдатские гарнизоны, у второго — немногочисленное «татарское национальное войско» — Крымский полк (конный) и пешие части, силою 2–3 тыс. чел. Оба правительства одинаково трепетали перед перспективой большевицкого нашествия и заключили соглашение о взаимной поддержке против большевиков.
>
> Гроза на этот раз шла не с севера, не изнутри, где настроение совдепов, профессиональных союзов, рабочей массы и даже солдатских гарнизонов было довольно умеренное… Судьба Крыма оказалась в руках Черноморского флота.
>
> Уже в ноябре, под влиянием агитаторов, присланных из центра, матросы Черноморского флота свергли умеренный совдеп в Севастополе, поставили новый большевицкий и организовали в городе советскую власть. Номинально она находилась в руках сложной комбинации из совдепа, комиссариата и революционного комитета, фактически — всецело в руках буйной

матросской черни. С начала декабря в Севастополе начались повальные грабежи и убийства. А в январе Черноморский флот приступил к захвату власти и на всём Крымском полуострове. Описание падения крымских городов носит характер совершенно однообразный: «К городу подходили военные суда… пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берег; в большинстве случаев легко преодолевали сопротивление небольших частей войск, ещё верных порядку и краевому правительству (правительствам?), а затем, пополнив свои кадры тёмными, преступными элементами из местных жителей, организовывали большевицкую власть».

Так пали Евпатория, Ялта, Феодосия, Керчь и др. А 13 января пала и резиденция правительства — Симферополь.

За спиною матросской черни стояли её вдохновители — элемент пришлый, часто уголовный и в огромном большинстве своём инородный. Состав агентов власти — говорит описание — «пестрит именами инородцев — латышей, эстонцев, евреев»… Большевицкая власть за четыре месяца своего существования не умела насадить советский строй. Она только упразднила буржуазные учреждения, «социализировала», преимущественно в свою пользу, буржуазное имущество и уничтожала буржуазию. Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови. (…)

«После краткого опроса в заседании комитета арестованных перевозили в трюм транспорта «Трувор». За три дня их было доставлено свыше 800 человек. Пищи арестованные не получали, издевательства словесные чередовались с оскорблением действием, которое переходило в жестокие, до потери жертвами сознания, побои. На смертную казнь ушло более 300 лиц, виновных лишь в том, что одни носили офицерские погоны, другие — не изорванное платье. Обречённых перевозили в трюм гидрокрейсера «Румыния».. Смертника вызывали к люку. Вызванный выходил наверх и должен был идти через всю палубу на лобное место мимо матросов, которые стаскивали с несчастного одежду, сопровождая раздевание остротами, ругательствами и побоями. На лобном месте матросы, подбодряемые Антониною

Немич, опрокидывали приведённого на пол, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрезали уши, нос, губы, половой орган, отрубали руки… И только тогда истекавшего кровью, испускавшего от нечеловеческих страданий далеко разносившиеся душу надрывающие крики — русского офицера отдавали красные палачи волнам Чёрного моря».

Властвовала только красная опричнина. Против них были и крестьянская, и рабочая среда, которая здесь, в Крыму, не переживала медового месяца большевицкой власти, как это было в центральной России. Крестьяне охотно восприняли практику социализации, но не могли примириться с захватом пришельцами добра своего и помещичьего, которое также считали своим. Рабочие, невзирая на ряд специальных мероприятий новой власти — сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д., были, за редким исключением, ярко враждебны ей. Они видели, что наплыв в среду их массы безработных, по преимуществу городской черни, дезорганизует предприятия, что не они стали хозяевами, а пришлая власть, захватывающая бессистемно и орудия производства, и материалы, и фабрикаты — для собственного прокормления. Рабочие организации, не сочувствовавшие большевизму, преследовались; практика реквизиций и изъятий не миновала и домов рабочих. В перспективе ясно рисовался развал промышленных предприятий, дезорганизация рабочего класса и голод.

Татарское население Крыма, совершенно не принявшее большевизма, подвергалось таким же расправам, как и буржуазия; беспощадные к татарам сами, большевики разжигали, кроме того, национальную ненависть к ним среди русского населения.

К весне 1918 г. царило уже всеобщее возбуждение против большевицкой власти, как везде пассивное или выражавшееся в местных волнениях и в подготовке, совершенно, впрочем, не серьёзной, активного выступления в среде заводских комитетов, профессиональных союзов, татарских и русских конспиративных кружков».

Вопрос разрешился приходом германцев. Если украинская политика немцев имела в своём основании создание длительной, на многие годы, политической и экономической зависимости Украины от Германии, то в

Крыму их интересы ограничивались временными военно-политическими и стратегическими условиями. По крайней мере, так смотрела на дело главная квартира. Людендорф уверяет, что он «считал фантастическими идеи создания колониального немецкого государства на берегах Чёрного моря»… Ещё менее германское правительство склонно было поощрять в этом отношении притязания Турции. Германской ставке необходимо было обеспечить себе безопасность сообщений в Чёрном море, которым угрожала Севастопольская крепость и непокорный центральной власти Черноморский флот. Крепость и порт были заняты поэтому германскими войсками 1 мая, а большая часть русских военных судов ушла в Новороссийск. Немцы предъявили советской власти требование выдать им весь Черноморский флот «для использования во время войны в мере, требуемой военной обстановке». Повеление Совета комиссаров последовало, но было исполнено только частично: матросы, не имея желания поступить в распоряжение немцев, и ещё менее драться, пустили ко дну часть судов.(…)

Иначе отнеслись немцы к государственному устройству Крыма.

Об отторжении его от Российского государства объявлено не было. Русский ген. Сулькевич, по происхождению литовский татарин, избранный немцами, вместо ханского титула принуждён был удовлетвориться званием премьер-министра Крымского краевого правительства. В декларации, одобренной немецким командованием, Сулькевич определял целью образованной им власти «сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановление законности и порядка».

По условию с советским правительством Германия обязалась очистить Черноморский район после ратификации договора между Россией и Украиной. Поэтому переговоры между Шелухиным и Раковским в Киеве умышленно затягивались немцами. Гетман предъявил требование о полном слиянии Крыма с Украиной, посягая на три северных хлебородных уезда Таврии и устанавливал экономическую блокаду полуострова. Сулькевич через одного из своих министров, командированного в Берлин гр. Татищева, добивался признания независимости Крыма и защиты

его от Украины. Сбитая с толку крымская общественность видела выход «в объединении Крыма с Украиной на условиях широкой автономии», полагая, что «путь объединения с Россией лежит только через Украину».

Германское правительство встретило холодно миссию Татищева и «в связи с настоящим международным положением» не сочло для себя возможным «объявить о признании государственной независимости Крыма», а в отношении столкновения с Украиной советовало уладить вопрос личными переговорами гр. Татищева с украинским премьером Лизогубом.

Политика крымского правительства была такого же правого направления, как и германская, встречая оппозицию в социалистических и либеральных кругах земских и городских собраний; весьма, впрочем, лояльную, благодаря наличию всесильных немецких штыков. Правительственная политика не носила официальных признаков национального шовинизма. За кулисами шла, однако, нелепая политическая игра объединённых в своих стремлениях Сулькевича, «Курултая» и татарской группы правительства.

Айвазов, уполномоченный представитель Сулькевича в Константинополе, вёл переговоры с Блестящей Портой об отторжении Крыма от России и присоединения его в той или другой форме к Турции… Д. Сейдамет, крымский министр иностранных дел, представлял германскому правительству в Берлине шовинистическое обращение «Курултая» от 21 июля. Это обращение, подписанное А. Хильми и Хасаном Сабри, заключало в себе следующие положения: «Крымско-татарский народ, который 135 лет тому назад попал под русское иго», надеялся на помощь Германии, «опираясь на сулящие мусульманским странам счастье исторические высокие цели Его Величества Великого Государя Вильгельма»»…

* * *

«Поддержка «Великого Государя» и «Высокочтимого халифа» оказалась непрочной. Осенью 1918 г. центральные державы пали, увлекая в своём

стремительном падении кесарей и троны, погребая под обломками много безумных надежд и фантастических планов.

Изменилась и судьба Крыма.

Немецкий ген. Кош письмом на имя Сулькевича от 3 ноября заявил, что он от дальнейшей поддержки его отказывается. И Сулькевич 4 ноября телеграфировал мне в Екатеринодар: «Развал среди германских войск идёт полным ходом… Ввиду отсутствия вооружённой силы, формировать которую немцы категорически запрещали в Крыму. Нет никакой опоры для борьбы… Возможны вспышки и повторение неистовств большевиков… Обстановка ясно говорит за необходимость быстрой помощи союзного флота и добровольцев… Ввиду борьбы и сильной агитации левых партий, кабинет мой слагает свои полномочия, уступая место коалиционному министерству из кадет, социалистов и татар…»

Генерал Сулькевич отбыл в Азербайджан, чтобы там продолжать в роли «военного министра» свою русофобскую работу, а новое правительство г. Соломона Крыма, вышедшее из недр Таврического губернского земского собрания, обязалось «всеми силами содействовать объединению расколовшейся России»».

2

Другой очевидец бурной жизни Крыма князь В.А. Оболенский свои воспоминания начинает уже после бегства «Крымского краевого правительства» во главе с М.А. Сулькевичем (существовавшего в период германской оккупации с 25 июня по 15 ноября 1918 г.), а также после бегства «Крымского краевого правительства» во главе с С.С. Крымом (существовавшего в период занятия Крыма войсками Антанты и Добровольческой армии с 15 ноября 1918 г. по апрель 1919 г.):

> «Я видел паническое отступление Добровольческой армии из Крыма, знал, что добровольцы отступают также на Дону и на Кубани, и был совершенно уверен, что пришёл конец борьбе на юге России. Поэтому я не присоединялся к двум потокам беженцам, хлынувшим из Крыма в Екатеринодар и за границу, и решил, вопреки советам друзей, отсидеть некоторое время на южном берегу Крыма, а затем, смотря по обстоятельствам, пробраться либо в Москву, либо к Колчаку, если борьба на Сибирском фронте будет ещё продолжаться.
>
> Опять, как и год тому назад, я выехал рано утром из Симферополя теми же обходными кривыми улицами татарской части города, чтобы миновать кордоны на этот раз не большевиков, а добровольцев, которые ловили извозчиков и, выбросив пассажиров, заставляли везти себя в направлении Керчи и Феодосии.
>
> Извозчик мой не менее меня был заинтересован в избежании встречи с добровольческими патрулями и, ловко маневрируя по улицам, вывез меня благополучно за пределы досягаемости.
>
> И вот я опять на южном берегу в той же обстановке, как и год тому назад, с той только разницей, что тогда для местных большевиков я был просто «буржуй», а теперь — один из видных «контрреволюционеров». Однако жил свободно в имении своего тестя, стараясь лишь не показываться в населённых местах. Я виделся со знакомыми татарами, но они ведь замечательные конспираторы и никогда лишнего не скажут. А большевики настолько были уверены, что я бежал из Крыма, что не разыскивали меня.
>
> И снова три месяца робинзоновского житья… Опять вместо газет — слухи из биюкламбатских кофеен,

наблюдения за движением судов в море и за гулом отдалённых пушечных выстрелов.

По слухам мы знали, что Добровольческая армия остановилась перед Керчью, на Ак-Манайском перешейке, то есть верстах в семидесяти от наших мест, но гул тяжёлых английских дредноутов был отчётливо слышен. Иногда вдруг на несколько дней замолкали пушки и тревожно становилось на душе: значит, конец… И с напряжением мы смотрели в море, ища в нём разрешения мучивших нас сомнений: неужели увидим отходящую эскадру?.. Нет, там в синей дали шныряют туда и сюда лишь вестовые миноносцы, расстилая по небу длинные нити чёрного дыма… Ещё держатся наши… (…)

На этот раз большевики пришли в Крым уже в значительной степени организованной силой. Если год тому назад жители Крыма страдали от кровавых подвигов севастопольских матросов и вообще от всех ужасов анархии, то теперь тяжесть большевистского правления заключалась скорее в обратном: в стремлении регламентировать жизнь в мельчайших её проявлениях. В городах все помещения были переписаны, квартиры и комнаты вымерены и перенумерованы, и жителей развёрстывали по этим нумерованным комнатам, как вещи по кладовым. На улицах устраивали облавы на прохожих, гнали случайно пойманных людей грузить поезда или возили на фронт копать окопы. Но убийств и расстрелов, из страха перед которыми столько народа бежало из Крыма, не было. За все три месяца пребывания большевиков в Крыму было расстреляно лишь несколько человек в Ялте, и то уже перед самым уходом большевиков, в суете и панике.

Эта относительная мягкость советского режима объяснялась отчасти тем, что между уходом добровольческих войск и вступлением большевистских прошло несколько дней, в течение которых во всех городах Крыма образовались комитеты из местных большевиков. А крымские большевики представляли собой их мягкую разновидность. Во главе Симферопольского ревкома оказалась убеждённая большевичка, но добрая и хорошая женщина, «товарищ Лаура» (настоящая её фамилия Багатурьянц), которая решительно восставала против пролития крови. Когда пришли войска с военкомом Дыбенко во главе,

гражданская власть в Крыму уже была организована и вступила в борьбу со штабом Дыбенко, настаивавшим на более решительных репрессивных мерах.

А затем, по распоряжению Москвы, Крым был объявлен автономной областью и Совету рабочих и крестьянских депутатов было предложено избрать свой Совнарком. (…)

Штаб Дыбенко, вступивший в борьбу с более гуманным местным ревкомом, продолжал вести её и против Совнаркома. В конце концов, он получил разрешение образовать свою независимою от Совнаркома военную чрезвычайку. Однако чрезвычайка эта не поспевала развернуть своей кровавой работы, когда большевикам снова пришлось бежать под натиском наступавших с Ак-Маная добровольцев».

Тогда, летом 1919-го, на советском полуострове крепко зацепился за маленький плацдарм под Керчью небольшой отряд Белой армии под водительством Слащёва. *«Красноармейцы пытались взять их позиции наскоком*, — пишет И. Софронов, — *но были отбиты и успокоились, думая, что враг в мышеловке и деться ему некогда. А тот неожиданно организовал десант под Коктебель, получил подкрепление, ударил на Феодосию и вышвырнул красных из Крыма».*

Князь В.А. Оболенский продолжает:

«Обо всём, что творилось в это время в Крыму, я узнавал случайно и многое узнал лишь впоследствии из рассказов знакомых.

Нас, как и в первый период большевизма, не трогали. Приезжали к нам какие-то комиссии опечатывать винный подвал и собирать статистические сведения — и только. Ни разу за три месяца мне не пришлось видеть ни одного представителя коммунистической власти. Жили мирно, обрабатывая своим трудом виноградники, и только раскаты пушечных выстрелов говорили нам о возможности перемены в нашей судьбе.

В середине июня начались всякие противоречивые слухи. То передавали о прорыве добровольцев и начавшемся бегстве большевиков, то обратно о блестящей победе Красной армии. Ещё за два дня до отступления большевиков из Крыма мы читали в газетах победные реляции.

Но татары, имевшие связи с Феодосией, уже за месяц

таинственно подмигивали и говорили, что скоро перемена будет.

Ещё со времени первых большевиков, так жестоко расправившихся с татарами, они питали к ним затаённую ненависть и хоть послушно исполняли их распоряжения, беспрекословно выбирали «революционные комитеты» и вообще внешне оказывали большевистской власти почёт и уважение, но в потайных пещерах на всякий случай прятали винтовки и патроны.

Большевики старались внести разложение в патриархальный строй татарской жизни, пытались проводить в ревкомы так называемую «бедноту», то есть по преимуществу наиболее развращённую часть татарской молодёжи, преступников и хулиганов, но это плохо им удавалось. Татарские «середняки» были чрезвычайно сплочены и выдвигали на ответственные посты своих лидеров, которые с присущим восточным людям дипломатическим талантом умели вкрадываться в доверие к подозрительному начальству.

Однажды, когда моя жена зашла по делу в биюк-ламбатский ревком, председатель ревкома отвёл её в сторону и шёпотом сообщил ей: «Ну, слава Богу, наши идут. Феодосию заняли, сегодня Судак возьмут, завтра тут будут. Слава Богу…»

На следующий день я был в Алуште и видел, как по пустым улицам неслись по направлению к Симферополю тачанки с красноармейцами, а ещё через день, на всякий случай сбрив себе бороду, и я отправился в Симферополь, рассчитывая быть на своём посту ещё до прибытия добровольцев.

Ещё вчера пустынное шоссе, по которому носились одни казённые автомобили, на моих глазах оживало: со всех просёлочных дорог к нему тянулись нагруженные продуктами мажары, на деревенских улицах, как праздник, толпился народ. Все были радостно возбуждены. После трёхмесячного умирания Крым снова почувствовал биение жизни».

3

Как известно, поход Деникина на Москву летом и осенью 1919 г. не увенчался успехом. Несмотря на то что корпус генерала Кутепова в сентябре взял Курск, в октябре — Орёл и начал наступление на Тулу, а генерал Шкуро в октябре захватил Воронеж, сил для развития дальнейшего успеха Добровольческой армии не было. Спасением новой власти стали оказавшиеся в её руках основные губернии и промышленные города центральной России. Это сказалось как на численном преимуществе Красной армии, так и на её вооружении. Кроме того, в самый разгар наступления белых на Москву Польша заключает временное перемирие с большевиками, что даёт им возможность перебросить свои дивизии в район Орла, значительно увеличив группировку войск. Третьей причиной провала наступления Деникина стало снятие с фронта значительных сил для ликвидации прорыва своего фронта в районе Умани бандами Махно. Отсюда началось то самое отступление Добровольческой армии, которое и привело её в Крым.

Декабрьское (1919 г.) отступление Белой армии и обстановку этого месяца сам Я.А. Слащёв охарактеризует следующим образом:

> «…отступали по всему фронту. На главном направлении красных (Орёл — Ростов) стояла Добровольческая армия Май-Маевского, правее — донцы и кубанцы, левее — Шиллинг и Драгомиров; у Екатеринослава действовал против Махно под моей командой 3-й армейский корпус, к которому были присоединены Донская (конная) бригада Морозова, Терская — Склярова, Чеченский сводный полк и 1-й стрелковый Кавказский и Славянский полки.
>
> В декабре же Май-Маевский был отрешён от должности и заменён Врангелем. Дело не улучшалось, и армия катилась на Кавказ. Врангель был тоже отрешён и заменён Кутеповым. Обстановка складывалась тревожная. У 3-го корпуса был полный успех против Махно, но всё же, учитывая обстановку, я 19 декабря объявил по городу Екатеринославу, что ввиду приближения красных за город не ручаюсь и предлагаю желающим выехать из города, для чего назначаются поезда ежедневно в 15 часов с 20 декабря. Между тем красные приближались.

26 декабря я получил приказ Деникина отправить в распоряжение Шиллинга бригаду Склярова, а с остальными частями отходить в Крым и принять на себя оборону Северной Таврии и Крыма.

Таким образом, армия Деникина отходила двумя крупными группами: 1) во главе со Ставкой, в составе Добровольческой армии, донцов, кубанцев и терцев — на Кавказ и 2) войска Шиллинга и Драгомирова — в Новороссию, прикрыв Николаев — Одессу и базируясь на последнюю.

В промежуток между ними 3-й армейский корпус под моей командой получил приказ отходить с задачей удерживать Крым. Командование, видимо, смотрело на Крым как на приговорённую к сдаче территорию, рассчитывая задерживать натиск красных на Дону или где-нибудь в его районе и около Буга с тем, чтобы оттуда вновь перейти в наступление, действуя по внешним операционным линиям и одним своим движением заставляя красных бросить осаду Крыма или очистить его, если они его займут.

Руководствуясь, очевидно, этим, Деникин и назначил на Крым столь ничтожные силы, потому что даже назначенный сперва туда же 2-й (армейский) корпус Промтова получил приказ отходить на Одессу. Между тем если бы отводить главные силы Новороссии не на Одессу, а на Крым, то, опираясь на него, эти более крупные силы могли бы действовать активно против красных, шедших на Кавказ.

Численность обеих армий (красных и белых) была почти равна — около 50.000 каждая».

Словом, задача защиты Северной Таврии и Крыма, которая была возложена на Слащёва, осложнялась проходом через «армию батьки Махно». Хотя сам генерал не считал это для своих частей каким-то особым затруднением. В его представлении *«затруднение заключалось в непролазной грязи и почти полной непроходимости просёлочных дорог для обозов»*.

Далее он пишет:

«Для выполнения задачи в моём распоряжении находились: 13-я пехотная дивизия — около 800 штыков, 34-я пехотная дивизия — около 1200 штыков, 1-й Кавказский стрелковый полк — около 100 штыков, Славянский полк — около 100 штыков, чеченцы — около 200 шашек, Донская конная бригада полковника

Морозова — около 1000 шашек и конвой Штакора — около 100 шашек. Артиллерия имела всего на одну дивизию 24 лёгких и 8 конных орудий; итого около 2200 штыков, 1200 шашек и 32 орудия. С первого же взгляда было ясно, что этих сил было совершенно недостаточно для обороны Северной Таврии от победоносного наступления красных».

Из «Большой советской энциклопедии»: *«Северная Таврия — южная часть Европейской территории СССР, ограниченная с запада низовьем р. Днепра и с запада условной линией Александровск (ныне Запорожье) — Бердянск, на юге отделённая от Крымского полуострова Перекопским перешейком»*.

Внимательно изучая карту, Яков Александрович отмечает: *«Фронт Северной Таврии тянулся полукругом около 400 вёрст, причём прорыв моего расположения в одном месте мог привести красных к перешейкам раньше остальных моих частей, которые, следовательно, вынуждены были бы в этом случае бежать назад наперегонки с красными и подвергнуться неминуемому поражению»*.

Исходя из этого Слащёв принимает решение *«Северной Таврии не оборонять и до Крыма в бой с красными не вступать, а немедленно отбросить Махно от Кичкасского моста и отправить пехоту в Крым, прикрывая её отход от красных конной завесой. Бригаду 34-й (пехотной) дивизии с обозами из Екатеринослава отправить по железной дороге на Николаев, где погрузить на суда и перевезти в Севастополь. Самому немедленно после переправы у Кичкасс ехать в Николаев — Севастополь и осмотреть оборонительное положение Крыма до подхода туда моих войск»*.

Дальше молодой генерал подчёркивает:

«План обороны Крыма в моей голове уже был намечен в общих чертах, так как Крым я знал по боям 1919 г., но окончательное решение я хотел принять на месте.

27 декабря Махно потерял Кичкасский мост и 5 орудий. Крымский корпус двинулся в Крым, а бригада 34-й дивизии с обозами по железной дороге на Николаев. Я выехал туда же. Екатеринослав был белыми очищен без боя».

А ведь ещё совсем недавно, в ноябре Слащёв с 70 казаками и гусарами своего конвоя (сотня Штакора) в течение нескольких часов сдерживал атаки ударной группировки Махно, а затем буквально выдавливал их к излучине Днепра.

И теперь у Слащёва всё шло гладко: *«Мне удалось сохранить*

свои части для главной операции. Однако Ставка настаивала на защите Северной Таврии. На телеграммы об этом я отвечал категорическим отказом, что с наличными силами никто Северной Таврии удержать не может; на оборону же Крыма я буду смотреть не только как на вопрос долга, но и чести. Наконец, Ставка согласилась.

5 января 1920 г. я был в Севастополе, мои части в это время были севернее Мелитополя. Соприкосновение с красными держала только конница, медленно отходившая назад почти без выстрела. Над Крымом нависла гроза в лице 13-й армии красных».

4

Военным людям, окончившим военные академии, хорошо известно, что решение стратегического руководства является, так скажем, главным началом, которое не обсуждается ни при каких обстоятельствах. Приказ — есть приказ! В данном случае Ставка Белой армии поставила цель и задачу корпусу генерала Слащёва на оборону. И теперь уже он, как опытный военачальник, самостоятельно выбирал пути, способы и средства к их достижению.

В таком случае командир корпуса прежде всего оценивал обстановку, то есть противника, свои войска, местность, время, погоду, а также другие данные, которыми ему предстояло оперировать. Помогал ему в этом штаб корпуса, который собирал и готовил всевозможные данные. После чего командир корпуса, глубоко вникая во все материалы, во все мелочи, на этой основе принимал решение.

К слову сказать, противник в нём занимает первостепенное значение, ибо военачальник должен достаточно чётко понимать его возможности и, что более важно, его замысел. Свои войска он оценивает не только по количеству, не только по вооружению, но и по моральным качествам. Для военачальника важно понять, какую задачу они могут выполнить, как использовать вверенные ему силы и средства. Он чётко должен определить свои сильные и слабые стороны, оценить способности подчинённых командиров, их личные качества. Кого поставить в первый, кого во второй эшелон, а кого в резерв.

Местность в решении имеет своё особенное значение, так как никогда не бывает одинаковой. Поэтому военачальнику необходимо точно определить все её положительные и отрицательные стороны. И главный вопрос, возникающий при её изучении, как использовать или преодолеть природные препятствия.

Судя по всему, всё это и многое другое было до мельчайших деталей рассмотрено и учтено выпускником Николаевской военной академии Яковом Александровичем Слащёвым. Будущая операция, по его мнению, «должна была сложиться манёвром флангов, хотя бы центр и погиб». При этом он считал, что центр должен удержаться.

Прибыв в Севастополь 5 января 1920 г., Слащёв первым делом собрал всех начальствующих лиц. Его интересовал план обороны Крыма и имеющихся фортификационных сооружений. Как он вспоминал позднее, *«план обороны был шаблонный. После*

отхода из Северной Таврии занять Перекопский вал и Сальковский перешеек, где поставлена проволока. Кроме того, было построено несколько окопов с проволокой — и это всё. На мой вопрос, где будут жить на перешейке войска (ведь время зимнее), получил ответ: «Придётся в окопах». «Ну, далеко вы на своих укреплениях уедете, — вероятно, дальше Чёрного моря», — осталось мне только сказать.

Я обратил внимание совета на то, что северный берег Таврии охватывает Сальковский и Перекопский перешейки, то же самое делает крымский берег, позволяя артиллерии стрелять продольным огнём; жить на Чонгаре и на Перекопе частям больше 300 человек негде; не лучше ли предоставить эту пустыню противнику. Пусть он помёрзнет, а мы посидим в тепле. Потом я совершенно не признаю сиденья в окопах — на это способны только очень хорошо выученные войска, мы не выучены, мы слабы и потому можем действовать наступлением, а для этого надо создать благоприятную обстановку. А она может быть создана отводом всех сил назад на территорию Крыма, в деревни.

Впереди, на Салькове и Перекопском валу, нужно оставить только ничтожное охранение, по бегству которого мы узнаем, что красные идут. Красным по перешейкам идти целый день, ночью ночевать негде, они перемёрзнут и будут дебушировать в Крым в скверном расположении духа — вот тут мы их атакуем».

Вице-адмирал Ненюков согласился с мнением Слащёва, а вот генерал Субботин категорически возражал:

— Поймите, около вала стоят 4 крепостных орудия — как быть с ними: для них нет лошадей..

— Думаю, что их надо безжалостно отдать противнику, — отвечал Яков Александрович, — так как при их наличии красные попадутся на удочку и заплатят за них своими новыми современными орудиями.

Затем он приказывает немедленно проложить железную дорогу от Джанкоя на Богемку — Воинку — Юшунь — Перекоп, которая была жизненно необходима для боевого и фуражного довольствия войск, сосредоточенных в районе Юшуня — Богемки. Генерал прекрасно знал, что подвод не хватало, а их сбор только озлоблял население. Кроме того, предстоящая распутица угрожала приостановить всякое снабжение войск Перекопской группы.

Сняв с должности начальника дорог инженера Соловьёва и заменив его инженером Измайловским, Слащёв пригрозил:

— Нужды фронта требуют немедленной постройки железной дороги, а тот, кто не понимает нужд фронта, возьмёт винтовку и пойдёт изучать их в окопах рядовым.

Всё это подействовало, и к февралю дорога уже работала до Богемки.

Следующим шагом Слащёва была оценка и подготовка, на всякий случай, запасного пути питания, для свободы манёвра Перекопской группы и резерва у Юшуня — Воинки:

> «При одной базе на Джанкой защитники Крыма могли быть поставлены в тяжёлое положение манёвром красных на этот Джанкой, следовательно, надо было устроить на этот случай вторую базу: Юшунь — Симферополь, т. е. подготовить там этапы и учёт возможных подвод. Таким образом, база получалась двойная: 1) Юшунь — Джанкой — Феодосия — Севастополь и 2) Юшунь — Сарабус — Севастополь; этим обеспечивалась свобода манёвра и неуязвимость флангов и тыла войск».

Ещё один вопрос, который остро стоял перед предстоящей операцией — это вопрос защиты Крымского фронта в тылу. И Яков Александрович, предупреждая двойную опасность, решает:

> «Обеспечить фронт с тыла во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем, т. е.: 1) расчистить тыл от банд и прежде всего от негодных начальников гарнизонов, в особенности от них, потому что «рыба с головы воняет»;
>
> 2) удовлетворить насущные нужды рабочих и крестьян;
>
> 3) раздавить в зародыше выступления против защиты Крыма. Средства для этого — удаление (от увольнения до смертной казни — полковник Протопопов) негодных начальников гарнизонов, наряд отрядов для ловли дезертиров, уменьшение, а то и уничтожение повинности, особенно подводной, и реквизиций у крестьян, паёк для рабочих и защита их интересов и непрерывная борьба с выступлением в тылу против защитников Крыма».

Результатом принятого генералом Слащёвым решением стал «План обороны Крыма»:

> «1) Войска расстроены и, сидя на месте, неспособны выдержать зрелища наступающего на них противника — следовательно, надо наступать.
>
> 2) Противник во много раз превосходит нас;

следовательно, надо атаковать его тогда, когда он не может развернуть все силы.

3) Всякая пассивная оборона измотает войска и рано или поздно приведёт к поражению — следовательно, требуется активность, т. е. атака.

4) Военная история показывает, что все защищающие Крым боролись за Чонгарский полуостров и за Перекоп и терпели неудачи, — следовательно, требуется манёвр, т. е. атака (резервы).

5) Местность показывает, что: а) Чонгарский полуостров охватывается Северной Таврией и Сальковская позиция подвержена перекрёстному огню; б) жить на Чонгарском полуострове негде (дело зимой); в) крымский берег охватывает Чонгар и тоже берёт его под перекрёстный обстрел и отделяется от него по бродам Сиваша и моря и берётся в перекрёстный обстрел с берегов Северной Таврии; г) втянувшись в Перекопский перешеек, противник не сможет развернуть своих превосходных сил против Юшуня; д) в районе Армянск-Юшунь наши суда могут (по глубине моря) обстреливать побережье; е) проход в обход Юшуня севернее Армянска между озёрами (трактир) (карта 10 вёрст — 1 дюйм) легко оборонять до самой Магозы;

ж) Сиваши зимой и весной непроходимы; з) укреплений и связи почти нет, т. е. надо задержать врага до его устройства.

6) В тылу полная дезорганизация, недоверие к командованию и угроза восстания в пользу большевиков.

7) Из всего сказанного видно, что обстановка требует:

а) задержать короткими ударами подход врага к Сивашам;

б) вести маневренную войну, имея крупный резерв, и обороняться только атаками; в) бросить Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек и заморозить врага в этих местностях (отсутствие жилищ), бить его по частям, когда он оттуда дебуширует; г) фланги охранять флотом; д) тыл усмирить.

8) Поэтому я решил: а) наносить короткие удары в Северной Таврии; б) Чонгарский полуостров и перешеек занимать только сторожевым охранением; в) главную позицию устроить по южному берегу Сиваша и строить групповые окопы, чтобы встретить врага контратакой, а севернее Юшуня ещё фланговую позицию фронтом на

запад (главный резерв — район Богемка — Воинка — Джанкой); г) иметь большую часть в резерве; д) никогда не позволять себя атаковать, а всегда атаковать разворачивающегося противника и по возможности во фланг; е) между Сивашами наблюдения; ж) построить жел. дорогу на Юшунь от Джанкоя и провеет телеграфную связь вдоль Сиваша; з) бороться с беспорядками в тылу самыми крутыми мерами, не останавливаться ни перед чем и успокоить население.

9) Для свободы манёвров устроить двойную базу на Джанкой и на Симферополь».

5

7 января 1920 года генерал Слащёв на поезде прибыл в Мелитополь, где ему доложили: 4 января красные без боя заняли Мариуполь и выступили на Бердянск. Исходя из этого тревожного сообщения Яков Александрович *«приказал в Мелитополе не останавливаться, а погрузиться в имевшиеся пустые составы, забрав все паровозы; пехоте ехать в Крым и выгрузиться в Таганше и Джанкое. Тут же мною был отдан приказ о расположении войск для обороны.*

Этим приказом Крымский фронт делился на три участка: 1) Арабатская стрелка — полковник Беглюк (потом его заменил полковник Гравицкий) — 1-й Кавказский стрелковый полк, 100 штыков; 2) Крым от Сиваша до Мурза-Кияш исключительно — генерал Андгуладзе — бригада 13-й дивизии; 3) Крым от хут. Мурза-Каящ включительно до Чёрного моря — генерал Васильченко — бригада 34-й дивизии (расположение д. Юшунь). Все остальные части, как имевшиеся, так и вновь сформированные, — в районе Джанкой — Богемка — Воинка. При нём же был выдан план обороны как основная идея кампании.

Было подтверждено и подчёркнуто, чтобы на Чонгарском полуострове и Перекопском перешейке войск не держать, а поставить там только охранение (на Чонгар около 50 человек, на Перекопе около 100 человек). Всё остальное держать в домах около своей позиции, на которой должны были быть только часовые и пулемёты; части же выводить для контратаки.

Такое расположение с охранением на 20 вёрст впереди было, конечно, несколько экстравагантно».

А тем временем красные заняли Ново-Алексеевку и прямиком двигались от Мелитополя к Перекопу… Их силы против Северной Таврии были внушительны: 3-я, 9-я, 46-я и Эстонская стрелковые дивизии, 8-я и 11-я кавалерийская дивизии и, предположительно 13-я кавалерийская. Более всего молодого генерала настораживала их численность: вместо 4-х — целых 9 полков в дивизии.

Первый ознакомительный бой Слащёв дал 13 января: *«Желая задержать их движение, я двинул отряд в составе только что прибывшего в Крым Пинско-Волынского батальона (120 штыков), Сводно-чеченского полка (200 шашек), конвоя штакора-3 (100 шашек), всех исправных танков (3 средних) и всех исправных бронепоездов 3 (один с морскими орудиями) под командой начальника конвоя капитана Мезерницкого и сам выехал туда же.*

Отряду было приказано от Салькова атаковать Ново-

Алексеевку. Движение началось около 9 часов утра и вызвало волнение у красных. К 12 часам станция Ново-Алексеевка была взята. Произведено было всё это очень шумно: наступали танки и бронепоезда, скакала лава. К 13 часам обозначилось наступление красных, занимавших фронт Геническ — селение Ново-Алексеевка — Левашоево. Со стороны Рожденственского и Ново-Михайловки тоже показались цепи. Всё шло, как требовала обстановка. Красные обеспокоились и подтягивали силы. От Перекопа полковнику Морозову было приказано выдвинуться навстречу красным в направлении Аскания-Нова и задержать их. Около 15 часов было получено донесение, что бригада 34-й дивизии подходит к Преображенке; от сердца отлегло.

Её форсированный марш удался, и она оказалась даже ближе, чем я предполагал.

Сальковскому отряду было приказано грузить танки и начать отход под прикрытием бронепоездов, что удалось без труда. Морозов прикрывал движение обозов и бригады до её прихода на Перекоп — Ющунь.

Красные двигались медленно, и только к 21 января закончилось обложение ими перешейков. Назревал первый бой, который должен был иметь колоссальное моральное значение для белых в случае их победы, и окончательное занятие Крыма в случае победы красных».

К слову сказать, Яков Александрович Слащёв к обороне Крыма приступил как вполне сложившийся военачальник, со всеми присущими ему качествами: ум, эрудиция, знание военного дела, воля, решительность и упорство в достижении поставленной цели. Более того, он имел редкую способность рисковать, у него было достаточно развито чувство предвидения и интуиция, что для военного человека, вставшего во главе войск, особенно ценно. Был у Слащёва и непререкаемый в военной среде авторитет. Ему верили и за ним шли…

В бою под Ново-Алексеевкой во всю ширь проявились прекрасные военные дарования Якова Александровича. Выдвинув против красных всего лишь 120 штыков и 300 шашек, он весьма умело использовал для манёвра этих сил всего только три танка и три бронепоезда. Организованное взаимодействие пехоты, кавалерии, танков и бронепоездов сыграло в этом бою свою решающую роль. Части 13-й армии красных были на время скованы, а их внимание было отвлечено от приближающейся со стороны Херсона бригады 34-й дивизии. А ведь всего-навсего 120 пехотинцев демонстрировали наступление, три танка под прикрытием огня трёх бронепоездов совершили несколько атак на Ново-Алексеевку, и в это же самое время на флангах успешно атаковала кавалерия.

Такой успех не на шутку встревожил красных, которые в срочном порядке перебросили подкрепления с Перекопского направления к Ново-Алексеевке.

Что же касается применения белыми танков, то об этом сохранилось свидетельство белого генерача Б. Штейфона:

> «Танки были приданы наиболее сильным частям и производили действительно должный эффект. Первые красные части, заметив какие-то двигающиеся машины, не уяснили, по-видимому, их роль, но когда, несмотря на огонь, свободно преодолевая местные препятствия, танки врезались в неприятельское расположение и стали в полном смысле уничтожать красные цепи, разразилась полная паника. Весть о появлении танков разнеслась среди большевистских войск и лишила их всякой сопротивляемости. Ещё издали, завидя танки, большевики немедленно очищали свои позиции и поспешно отходили».

Правда, впоследствии примитивность конструкции этих машин-монстров, а также слабая броня и вооружение не оправдали возложенных на них надежд. Атаки танков Белой армии, как правило, заканчивались большими потерями и не давали ожидаемого эффекта.

О том, что было дальше, Яков Александрович напишет так:

> «…красные медленно приближались к Крыму. Я ожидал их атаки с 18 января, но они медлили. Разведка всех видов дала сведения, что подошли только 46-я стрелковая и 8-я кавалерийские дивизии; стало легче, хотя и эти силы (около 8000) представляли серьёзную опасность, так как к этому времени против них можно было подтянуть только около 3200 штыков и сабель…
>
> Настроение войск сильно понизилось. Насколько я раньше мог ручаться за своих людей и всё время чувствовать биение пульса командуемых мною войск, настолько сейчас я этого сказать не мог. В настроении их произошла перемена. Не терпя ни одного поражения за время нашей совместной службы, эти войска раньше шли куда угодно, сейчас же под влиянием общего развала и беглецов соседней армии генерала Врангеля они усомнились в успехе и в возможности удержаться в Крыму…
>
> Правда, опубликованное в газете моё заявление о том, что лично я останусь в Крыму, дало немного опоры

падавшему настроению, но всё же я не чувствовал спайки со своими войсками, которые, по-видимому, боялись, что их бросят на милость победителя. Приказ, изданный тогда мною, между прочим, гласил: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

И я жаждал боя возможно скорее: его удачный исход мог спасти положение и дать мне возможность бороться как с разложенным тылом…

Поэтому бой должен был разыгран с полным напряжением, в особенности с моей стороны, — надо было эффектом победы произвести давление на общественную психологию всего военного и гражданского Крыма.

Я знал, что с лета 1919 г. Красная армия сделала большие успехи в смысле военной подготовки и организованности, но я знал также, что она в данное время победоносно шла вперёд, не встречая сопротивления со стороны белых. Такое положение всегда создаёт среди наступающей армии некоторую беспечность. Эту беспечность я и решил использовать».

Данные разведки говорили о том, что *«по направлению к Перекопу сосредоточились три полка пехоты красных и два полка конницы, которые вели разведку явно боевого характера, т. е. с явным намерением атаковать, а остальные бригады 46-й дивизии стали одна против Чонгара, а другая уступом за правым флангом в сторону Херсона»*.

Что делает Слащёв: он сосредотачивает *«к Юшуню 34-ю пехотную дивизию, к перешейку с трактиром — полк (самый крупный) 13-й дивизии в 250 штыков и (Донскую конную) бригаду Морозова в 1000 шашек»*.

На рассвете 23 января всё началось: *«Красные повели наступление на Перекоп. Стоявшие у вала 4 старых крепостных орудия стреляли, бывший в охранении Славянский полк (100 штыков) бежал. Всё происходило, как я ожидал… Уже к 12 часам снялись и артиллеристы, забрав замки от орудий. Красные заняли вал и втянулись в перешеек. Их попытка ворваться в перешеек с трактиром была отражена контратакой Виленского полка, который, опираясь на пулемёты, занимавшие групповые окопы с прерывчатой проволокой, свободно произвёл этот удар, но дальше не пошёл. Тогда красные, оставив против этого перешейка заслон,*

двинулись за Славянским полком на юг, заняли Армянск и направились к Юшуню. Это уже уверило меня в победе. В таком положении бой замер в темноте. Красным пришлось ночевать на морозе в 16 градусов в открытом поле.

Вечером я получил телеграмму от Деникина, который, сильно обеспокоенный, уже предъявлял мне вексель, выданный мною заявлением, что защиту Крыма ставлю вопросом чести. Телеграмма гласила: «По сведениям от англичан, Перекоп взят красными, что вы думаете делать дальше в связи с поставленной вам задачей». В мой план, очевидно, никто не верил.

На это я ответил: «Взят не только Перекоп, но и Армянск. Завтра противник будет наказан». В тылу была полная паника. Все складывали вещи, в портовых городах шла усиленная посадка. О занятии Перекопа и Армянска было сообщено в газеты, губернатор Татищев непрестанно телеграфировал в штаб, запрашивая о состоянии дел.

На рассвете 24 января красные стали выходить с Перекопского перешейка и попали под фланговый огонь с Юшуньской позиции. Начался бой. 34-я дивизия перешла в контратаку. В то же время на 15 вёрст севернее Виленский полк атаковал заслон красных против трактира и ввиду его малочисленности быстро отбросил его. Ночевавшая у Мурза-Каяша конница Морозова следовала за ним. 1000 шашек разлилось по перешейку, двигаясь к югу, в то время как Виленский полк образовал заслон к северу.

В 13 часов я уже продиктовал донесение Деникину, что наступление красных ликвидировано, отход противника превратился в беспорядочное бегство, захваченные орудия поступили на вооружение артиллерии корпуса.

Пространство от Чаплинки было свободно — конница красных и бригада резерва в бою участия не принимала. Охранение белых заняло прежнее положение: все части пошли по квартирам. Всякое наступление вперёд было запрещено Ставкой».

Уже поздним вечером, когда Яков Александрович диктовал приказ, вёл переговоры с Перекопом и ставил задачи авиации на завтрашний день, перед ним неожиданно вырос адъютант сотник Фрост, который тут же доложил:

— Ваше превосходительство, губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте.

— Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов! — резко ответил Слащёв.

Эти слова исполнительный, но мало думающий офицер передал в точности, а лента передачи досталась репортёрам. В результате Деникин объявил Слащёву выговор, а само выражение

стало гулять по Крыму.

> «В конце января и в начале февраля, — как вспоминал Яков Александрович, — наступили 20-градусные морозы, и Сиваш вопреки уверениям статистиков сделал то, чего ему, как крайне солёному озеру, по штату не полагалось, — он замёрз. Этот вопрос меня сильно беспокоил. Каждую ночь я приказывал провозить на лёд Сиваша две подводы, связанные общим весом в 45 пудов, и они стали проезжать по льду, как по сухому месту. Это моё действие было моими «друзьями» всех степеней освещено так: «После случайной победы Слащов допивается в своём штабе до того, что заставляет катать себя ночью по Сивашу в телегах, не давая спать солдатам». Когда это распространяли сторонники большевиков, я это понимал — они-то отлично знали, зачем я это делаю, — мы тогда были врагами. Но когда это говорили наши «беспросветные» (у генералов нет просвета на погонах), не понимая, что большая разница: вторгнутся ли красные в Крым через лёд сразу с артиллерией или без неё, — это уже было признаком либо слишком большой злобы, либо глупости.
>
> Но как бы то ни было, блажил ли пьяный Слащов, или просто был предусмотрителен командующий зашитой Крыма, но в феврале мне стало ясно, что лёд против Тюп-Джанкоя и западнее на две версты от железнодорожного моста способен пропустить артиллерию и на эти два пункта надо обратить внимание».

Ещё одним шагом молодого генерала в момент затишья на Крымском фронте стало решение вопроса о пополнении войск. Тогда ему удалось почти невозможное: довести численность фронта с 3500 человек до 5500. На пополнение пошли осевшие по хатам и домам дезертиры, а также пленные красные.

А тем временем тучи сгущались. Сам генерал напишет в своей книге об этом так:

> «К Крыму подвозилась Эстонская (стрелковая) дивизия, и товарищ Геккер (командарм-13) деятельно готовился к наступлению.
>
> Меня занимал вопрос — разгадало ли красное командование мой план обороны или нет и какие операционные линии оно изберёт при вторжении в Крым?

> Во главе Перекопской группы стоял товарищ Саблин, который, по моим сведениям, хворал, и его замещал товарищ Павлов, герой орловского прорыва, бывший офицер лейб-гвардии Волынского полка. О нём у меня были сведения от капитана Мезерницкого (начальника моего конвоя), младшего товарища по полку Павлова. Сведения говорили мало хорошего для меня. «Павлов талантлив, очень энергичен, умеет действовать на массы и лично храбр — всегда впереди». Если к этому прибавить прежние победы Павлова, то становилось ясно, что предстоит тяжёлая борьба».

Второе генеральное сражение за Крым началось 8 марта. Две стрелковых и одна кавалерийская дивизии наступали по всему фронту. Как уточнит сам Слащёв, *«наступление на Перкопе сопровождалось демонстрацией с Чонгарского полуострова и на броде против Мурза-Каяш»*. За весь день Якову Александровичу так и не удалось определить направления главного удара красных: *«Всюду шли только передовыми частями; для меня было неясно, где резервы. К вечеру 8 марта красные втянулись в перешеек. Грязь была страшная, лёд для провоза орудий стал непригоден.*

Утром 9 марта был опрокинут мой заслон на перешейке с трактиром, и крупная колонна красных втянулась в него; остальное двинулось по перешейку на юг. Таким образом, Ющуньская позиция с места была поставлена под угрозу обхода по Мурза-Каяшским перешейкам».

Только теперь Слащёв стал сосредотачивать свои резервы у Воинки, определив, что главный удар наносится через Перекоп, а на Чонгаре и озерном пространстве — демонстрация.

10 марта красные подошли к Ющуню и атаковали бригаду 34-й дивизии. Красными был занят Мурза-Каяш, а железнодорожный мост атакован с Чонгара.

Утром 11-го через Перекопский перешеек около 6000 красных от Ющуня двинулись на Симферополь. Около 2000 красных на Воинку-Джанкой. Три полка 46-й дивизии красных стояли на Чонгаре. Мурза-Каяш был занят отрядом красных в полтысячи красных кавалеристов.

Силы Слащёва располагались следующим образом:

> «На Арабатской стрелке — 1-й Кавказский стрелковый полк, около 100 штыков; от Тюп-Джанкоя до района Мурза-Каяш — 2 полка 13-й пехотной дивизии общей численностью около 400 штыков; на Симферопольском направлении — 5 казачьих разъездов

по 5–7 человек, южнее реки Чатарлы, против Мурза-Каяша — чеченцы, 150 шашек, и часть конвоя.

В Воинке: бригады 13-й и 34-й пехотных дивизий, батальон юнкеров, Пинско-Волынский батальон, батальон немцев-колонистов, отряд Орлова, Донская бригада полковника Морозова, сводный гвардейский отряд, сводный полк 9-й кав. дивизии, часть конвойного полка — итого около 5000 штыков и шашек, при них 6 танков.

Тыл был совершенно оголён от войск.

Утром 11-го Орлов со своим отрядом двинулся на Симферополь, выйдя из состава сосредоточенной группы.

Измена его не нарушила моего плана. У меня всё же оставался кулак почти в 4500 штыков и сабель, и я спокойно мог послать Выграну (начальнику этого резерва) приказ: «Юшунь взять и об исполнении донести»».

К 12 часам южная группа красных, атакованная с фланга и тыла, беспорядочно отступала. А ровно через час генерал Слащёв отдал очередной приказ:

«Разбитый у Юшуня противник отходит в беспорядке к перекопу. Орлов изменил и двинулся на Симферополь. Полковнику Морозову с Донской кав. бригадой, арт. дивизионом преследовать красных до района Чаплинки, полковнику Выграну со сводным полком 9-й кав. дивизии и 9-м арт. дивизионом преследовать Орлова на Симферополь. Капитану Мезерницкому с конвоем погрузиться в Богемке и следовать по железной дороге через Джанкой на Сарабуз с задачей перехватить отряд Орлова. Остальным частям расположиться по квартирам в районе Богемка — Воинка по указанию генерала Стокасимова. Я еду с конвоем».

А 12 марта полковник Морозов захватил Чаплинку…

Описывая события Юшуньского боя, Яков Александрович не забыл коснуться одного из главных вопросов для военачальника — управления. И вот как он об этом написал:

«Одного телеграфа было мало, надо было видеть бой и распоряжаться так, чтобы все чувствовали, что они на виду и не брошены. Джанкоя покинуть тоже было нельзя, потому что каждый вопрос с фронта, оставшийся без

ответа, мог возбудить слухи, что штаб уже снялся под влиянием неудачи на другом участке. Таким образом, сознавая необходимость личного примера, я за весь бой не покинул Джанкоя.

В помощь мне явились лётчики: у меня было 6 летательных аппаратов. Но вылететь на них, чтобы опуститься в Воинке, тоже было невозможно, потому что спуск на размягчённую почву должен был кончиться неудачей. Лётчики летали непрестанно, донося мне о положении своих и неприятельских войск; соответственно этому я отдавал распоряжения, которые с аэроплана сбрасывались боевым участкам.

У войск создалось впечатление, что я сам нахожусь на одном из аппаратов. Благодаря лётчикам картина боя и группировка красных стали мне ясны… Лётчики заменяли телеграф и телефон, всегда отставший от войск, и все войска обороны Крыма были использованы в бою, конечно, за исключением танков, которые могли кружиться только около своей базы — грязь мешала их движению…»

Рассказав о роли авиации в управлении войсками в Юшуньском бою, генерал Слащёв странным образом, по какой-то причине, совершенно забыл рассказать о её работе. А она, безусловно, была.

В Крыму Якову Александровичу подчинялся 5-й авиационный отряд, вооружённый «Хэвилендами» (DN.9). Аэродром отряда располагался в непосредственной близости от штаба. По данным С. Покровского, *«суровая зима 1920 г. (морозы доходили до 25 градусов на земле при сильном ветре) крайне затрудняла работу «Хэвилендов»: замерзали радиаторы, забивались маслопроводы, на подготовку машины к полёту требовалось несколько часов. Первый месяц вся тяжесть работы легла на старые школьные самолёты, изношенные вертушки которых не так боялись морозов, а молодые лётчики не считались ни с какими препятствиями»*. В это время работа белой авиации сводилась только к ближней разведке и исключительно одиночным бомбометаниям.

Что же касается Юшуньского боя, то всё тот же С. Покровский пишет:

«Юшунь является тактическим ключевым пунктом Крыма: дальнейших естественных рубежей, на которых мог бы задержаться обороняющийся, нет. Сбив противника с Юшуньской позиции, красные получили бы возможность двинуться непосредственно на

Симферополь по почтовой дороге, одновременно выходя к железной дороге и тем самым отрезая правую группу войск со штабом обороны от тыла. У генерала Слащёва не было резервов на атакуемом участке. Для парирования удара был оголён правый боевой участок и брошены все наличные части, вплоть до комендантской команды штаба. Однако надежды на своевременный подход их к полю боя не было. Задачу задержать наступление красных взяла на себя авиация. С рассвета 25 февраля (8 марта) в течение всего дня непрерывно наблюдавшие за полем боя, сменявшие друг друга самолёты забрасывали скопившиеся в Юшуни войска и обозы бомбами и обстреливали пулемётным огнём. Результатом этого был беспорядочный отход менее устойчивых частей и обозов на север, и более активные части, ведшие густыми цепями наступление на Юшунь, остались без поддержек. Фланговым ударом (с юга) подошедшей белой конницы они были отброшены и, преследуемые ею, вышли за пределы Перекопского перешейка. Густой низкий туман не позволил самолётам на следующий день принять участие в преследовании.

В Юшуньском бою впервые выявилась могучая роль авиации как подвижного резерва старшего начальника. Имея лишь слабую возможность уничтожения живой силы противника (потери красных от действий самолётов выражались всего в нескольких десятках человек), она настолько потрясает психику войск, что заставляет их отказаться от активных действий. Наиболее чувствительными к воздушной атаке оказываются резервы в сомкнутых порядках, конница и обозы.

Исход Юшуньского боя произвёл сильное впечатление как на белое командование, так и на лётный состав. С него началась энергичная тактическая и техническая подготовка боевой авиагруппы к групповым действиям по наземным целям. Результаты этой подготовки сказались в последующих операциях».

Глава седьмая
Портрет генерала «Яши»

1

Одним из первых, кто попытался рассказать о генерале Слащёве, стал белый генерал Пётр Иванович Аверьянов (1867–1929). В эмиграции он собрал и переработал воспоминания о Якове Александровиче его современников и сослуживцев, написав в 1929 г. в Югославии очерк, который стал приложением к его собственным мемуарам «Страницы прошлого». В основу очерка легли рассказы полковника В.Ф. Фролова — начальника штаба корпуса, которым командовал Я.А. Слащёв, и капитана А.А. фон Дрейтера, начальника команды связи.

В предисловии к очерку Пётр Иванович писал:

> «Я лично не знал генерала Слащова, даже никогда не видел его, но его сильная и яркая личность всегда интересовала и привлекала меня. Ещё в 1920–1921 гг., т. е. во время моего переезда из Константинополя в Югославию и в первое полугодие пребывания в этой стране, мне довелось много беседовать о Слащове с его бывшим начальником штаба, Генерального штаба полковником Владимиром Фёдоровичем Фроловым, ныне уже покойным. А в текущем 1929 г. о том же генерале Слащове мне рассказывал много капитан лейб-гвардии Литовского полка Александр Алексеевич фон-Дрейтер, с которым мне пришлось работать в одной комнате в тригонометрическом отделении Генеральной дирекции государственного кадастра Югославии, где он служил чертёжником, а я — вычислителем «координат точек триангуляционной сети». Боевой, сильно контуженный и семь раз раненный капитан фон-Дрейтер участвовал в обороне Крыма Слащовым и в качестве начальника команды связи часто находился в общении со Слащовым.
>
> Кроме того, я никогда не упускал случая побеседовать о генерале Слащове с теми из его бывших подчинённых, с которыми мне приходилось встречаться в Югославии. Результатом всех этих бесед, а главное — рассказов о Слащове полковника Фролова и капитана фон-Дрейтера — является предполагаемая вниманию читателей несколько систематизированная сводка накопившихся у меня сведений о личности генерала Слащова».

Кроме Аверьянова свои воспоминания о Якове Александровиче оставили и другие его современники и очевидцы.

2

Князь Владимир Андреевич Оболенский очень хорошо запомнил самую первую встречу с молодым генералом в Симферополе:

> «В условленный час появился Слащов, крайне поразивший меня свои внешним видом.
>
> Это был высокий молодой человек, с бритым болезненным лицом, редеющими белобрысыми волосами и нервной улыбкой, открывавшей ряд не совсем чистых зубов. Он всё время как-то странно дёргался, сидя, постоянно менял положения, а стоя, как-то развинченно вихлялся на поджарых ногах. Не знаю, было ли это последствием ранений или потреблением кокаина. Костюм у него был удивительный — военный, но как будто собственного изобретения: красные штаны, светло-голубая куртка гусарского покроя и белая бурка. Всё ярко и кричаще-безвкусно. В его жестикуляции и интонациях речи чувствовались деланность и позёрство».

В следующий раз Слащёв лично попросил князя Оболенского срочно прибыть к нему в поезд на станцию Симферополь:

> «Через пять минут я вошёл в салон-вагон поезда командующего военными силами Крыма.
>
> — Подождите минутку, я сейчас доложу командующему, — любезно щёлкнув шпорами, сказал мне молодой штабной офицер, пропуская меня в общее помещение салон-вагона. В нём я увидел сидевшую на диване перед столом, заставленными недопитыми стаканами и с залитою красным вином скатертью, довольно миловидную, скромно одетую женщину.(…)
>
> Я не успел с ней начать разговор, как меня уже попросили в купе к Слащову. В этом купе прежде всего бросалась в глаза большая клетка с попугаем. Попугай, тоже походный спутник Слащова, имел, по-видимому, огромный аппетит. По крайней мере, не только всё дно его клетки было покрыто большим слоем ореховой скорлупы, но скорлупа была рассыпана по полу и сиденью всего купе и хрустела под ногами. Про этого попугая я прежде уже слышал. Мне передавали недоумение английского генерала, посетившего Слащова

на фронте. Слащов всё время разговаривал с ним, обсуждая стратегические вопросы, с попугаем на плече…

По этому поводу генерал говорил своим русским знакомым: «Удивительные все русские люди. У нас в Англии каждый англичанин имеет свои причуды, но он отдаёт причудам часы отдыха, а у вас генерал, командующий фронтом, во время разработки плана военных действий играет с попугаем».

Слащов, весь какой-то помятый, грязный и немытый, привстал с дивана, поздоровался со мной и задвинул плотно дверь в коридор.

— Я прошу вас быть со мной совершенно откровенным, — начал он, когда мы расположились друг против друга на диванах. — Обещаю вам, что для вас ваша откровенность не будет иметь никаких плохих последствий и всё, сказанное вами, останется между нами.

Он говорил со мной тоном милостивого монарха, подбодряющего ошеломлённого его величием подданного.

Эта мысль, пришедшая мне тогда в голову, невольно заставила меня улыбнуться.

— Что вы, Бог с вами, генерал, — ответил я добродушно, — я привык всегда откровенно высказывать свои мысли и никакой тайны я из них делать не намерен.

Слащов, увидав перед собой вместо робкого подданного добродушного дядюшку, сразу перешёл на более простой разговорный тон и спросил:

— Скажите, пожалуйста, что это у вас за разговоры такие происходят в думе? В чём дело?

Я рассказал ему содержание моего доклада об автономии Крыма и стал объяснять, какие причины побудили меня выступить с соответствующим докладом.

Говорил я довольно долго.

Слащов, старавшийся вначале слушать меня внимательно, под конец заскучал и, видимо, был рад, когда я кончил свою лекцию.

— Значит, это у вас тут сепаратизм?

— Нет.

— Ну хорошо, я удовлетворён. А скажите, я слышал, что у вас решили какой-то совдеп устроить. Верно это?

Я рассказал о постановлении губернского избирательного съезда.

— Ну как же вы считаете, нужно мне узаконить

существование этого учреждения?

— Избави Бог.

— Так, значит, разогнать?

— И этого не нужно. Учреждение это мёртворождённое и умрёт собственной смертью. Если же вы будете его разгонять, то только заведёте смуту у себя в тылу, смуту ненужную и вредную.

— Ну хорошо. Будь по-вашему.

Слащов задумался и вдруг, весело подмигнув мне, спросил:

— А что бы сказали вы, если бы я приехал к вам на заседание этого совдепа?

— Что ж, отлично, приезжайте и вы убедитесь сами, что я вам дал хороший совет.

Затем мы условились, что я переговорю с членами комитета (кажется, это учреждение было названо каким-то комитетом), и если они выразят желание видеть Слащова на ближайшем заседании, то извещу его телеграммой. Прощались мы приятелями.

Провожая меня к выходу, он вдруг весело обратился ко мне:

— А знаете, я везу с собой шесть большевиков.

— Каких большевиков?

— А видите ли, в Севастополе сейчас неспокойно. Идёт сильнейшая большевистская пропаганда и подготавливается забастовка. Вы понимаете, что положение на фронте очень серьёзно и малейшие волнения в тылу могут погубить всё дело обороны Крыма. Вот я и решил арестовать главных севастопольских смутьянов, которых мне там указали. Теперь я их везу с собой на фронт.

— Зачем же вы их везёте?

Слащов засмеялся и, почуяв в моём вопросе некоторую тревогу, успокоительно ответил:

— Вы думаете, что я их расстреляю. Вот и ошиблись. Я их просто велю вывести за линию наших позиций и там отпущу на все четыре стороны. Если они находят, что большевики лучше нас, пусть себе у них и живут, а нас освободят от своего присутствия».

Третью встречу со Слащёвым Оболенский описывает не менее красочно:

«Заседание в помещении городской управы по категорическому требованию Слащова было закрытое.

Оно только что началось, когда в зал вошёл своей виляющей походкой генерал Слащов в сопровождении губернатора и полицмейстера.

Слащов был слегка выпивши, но обратился к собранию с довольно связной и неглупой речью, приблизительно следующего содержания: армия, которой он командует, не обычная дисциплинированная армия нормального времени, эта армия «революционная», легко возбудимая, способная при подъёме настроения на геройские поступки, но подверженная также унынию и панике. Для такой армии особенно важно спокойствие в тылу, ибо каждое волнение в тылу влияет на её настроение. К собранию он обратился с просьбой повлиять на спокойствие тыла и тем помочь армии исполнить свой долг.

Произнеся эту речь, Слащов расположился за столом и, развалившись в небрежной позе, почти лёжа на диване, стал попыхивать трубочкой, пуская из неё густые клубы дыма. Один из местных эсеров взял слово и в очень тягучей речи, подбирая осторожные и округлённые выражения, стал излагать Слащову целый ряд претензий на поведение войск, действия администрации и т. д. Слащов, лёжа на столе, прерывал оратора короткими и резкими замечаниями.

Диалог этот производил чрезвычайно комичное впечатление. Казалось, эсеровский оратор — не революционер, говорящий с генерал-губернатором, а лидер умеренной партии в парламенте, речь которого прерывается резкими выкриками революционера — Слащова.

— Не могу указать, — говорит оратор, — что воинские части не всегда ведут себя как следует…

— Грабят, — кричит с места Слащов, — это я знаю и принимаю меры, сколько могу.

— Власть, опирающаяся на доверие населения…

— Ну это пустяки, когда нужно бить большевиков…

— Раздаются жалобы на злоупотребления администрации…

— Назовите их, и я с ними живо расправлюсь.

И всё в таком же роде. Эсеровский оратор, очевидно, заранее подготовивший длинную парламентскую речь-запрос, совершенно был сбит этими короткими, развязными репликами Слащова. Поминутно прерываемый то сочувственными («верно», «правильно»)

или протестующими («вздор», «чепуха» и т. п.) замечаниями, он путался и мямлил.

Совершенно было неожиданно отношение Слащова к той части речи оратора, в которой он жаловался на безобразия, творившиеся карательным отрядом, в помощь полиции сформированным местными землевладельцами.

— Этому безобразию будет положен конец, — заявил Слащов, — я их пошлю на фронт.

— Но, ваше превосходительство, — скромно возразил губернатор, — отряд приносит огромную пользу и поддерживает порядок в тылу.

— Для этого у вас есть полиция, а отряд этот восстанавливает крестьян против помещиков. Это безобразие. На фронте он будет полезнее. А землевладельцы, которых мои войска защищают от большевиков, пусть его продолжают содержать… Ну-с, — и он снова стал слушать оратора…

Прощаясь со Слащовым, я у него спросил, признаёт ли он, что я был прав, когда советовал ему не разгонять этого совсем не страшного учреждения.

— Да, вы были правы. Если будет нужно, я всегда готов приехать на такое заседание.

Однако, насколько помню, это было первое и последнее заседание комитета. Как я и ожидал, он отцвёл, не успевши расцвесть.

Больше мне не приходилось встречаться со Слащовым…»

3

Митрополиту Вениамину (Федченкову) также доводилось встречаться со Слащёвым не однажды. Безусловно, его не мог не заинтересовать этот молодой генерал, имя которого было известно в Крыму едва ли не каждому…

Якова Александровича он называет «интересным человеком, полусказочного калибра»:

> «Я его видел сам, живя в том же Крыму. Высокого роста красивый блондин с соколиным, смелым взором. Он обладал удивительной способностью внушать доверие и преданную любовь войскам. Обращался он к ним не по-старому: «Здорово, молодцы», а «Здорово, братья». Это была новость, и очень отрадная и современная. В ней уже слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к «серому солдату». И я видел, как отвечали войска. Они готовы были тут же броситься по его слову в огонь и воду.
>
> Но когда требовалось принять строгие меры, например, против грабителей, спекулянтов, тот же Слащёв не останавливался и перед смертной казнью. Это тоже все знали. И его любили и боялись, но и надеялись: Слащёв не выдаст. И действительно, говорят, однажды большевики прорвались-таки в одном месте. Курьер донёс ему. «Как прорвались? Почему вы к ним не прорвались, мерзавцы? На коней!»
>
> И с маленьким штабным конвоем летит в опасное место, воодушевляет свои войска, гонит противников обратно за перевал. Дело ликвидировано… Вероятно, не так всё это было сказочно и просто, но такая легенда ходила между нами, и ей мы верили. Значит, верили в Слащёва.
>
> Однажды я посетил его в штабе около ст. Джанкой. Отдельный вагон. Встречает меня его часовой, изящный, красивый, в солдатской форме. Оказывается, это бывшая сестра милосердия, теперь охрана и жена генерала. Вошёл Слащёв: на плече у него чёрный ворон. Одна нога в сапоге, другая в валенке — ранен… Бодрящее и милое впечатление произвёл он на меня. Что-то лучистое изливалось от всей его фигуры и розового весёлого лица… «Часовой», конечно, не был при нас… Говорили про него, что он пьёт, и не вино лишь, а даже

возбуждающие наркотики… Возможно! (…)

Ходила про него легенда, что он совсем не Слащёв, а великий князь Михаил Александрович. Разумеется, это фантазия, но и она говорит о той легендарности, какой окружено было его имя».

Александр Николаевич Вертинский — эстрадный артист, киноактёр, композитор, поэт и певец, кумир эстрады в первой половине XX века, о своём общении с Яковом Александровичем вспоминал так:

«Однажды вечером, разгримировавшись после концерта, я лёг спать. Часа в три ночи меня разбудил стук. Я встал, зажёг свет и открыл дверь. На пороге стояли два затянутых элегантных адъютанта с аксельбантами через плечо. Они приложили руки к козырьку.

— Простите за беспокойство, его превосходительство генерал Слащов просит вас пожаловать к нему в вагон откушать бокал вина.

— Господа, — взмолился я, — три часа ночи! Я устал! Я хочу отдохнуть!

Возражения были напрасны. Адъютанты оказались любезны, но непреклонны.

— Его превосходительство изъявил желание видеть вас, — настойчиво повторяли они.

Сопротивление было бесполезно. Я встал, оделся и вышел. У ворот нас ждала штабная машина.

Через десять минут мы были на вокзале. В огромном пульмановском вагоне, ярко освещённом, за столом сидело десять — двенадцать человек. Грязные тарелки, бутылки и цветы… Всё уже было скомкано, смято, залито вином и разбросано по столу. Из-за стола быстро и шумно поднялась длинная, статная фигура Слащова. Огромная рука протянулась ко мне.

— Спасибо, что приехали. Я ваш большой поклонник. Вы поёте о многом таком, что мучает нас всех. Кокаину хотите?

— Нет, благодарю вас.

— Лида, налей Вертинскому! Ты же в него влюблена!

Справа от него встал молодой офицер в черкеске.

— Познакомьтесь, — хрипло бросил Слащов.

— Юнкер Нечволодов.

Это и была знаменитая Лида (Нина. — *Примеч. авт.*), его любовница, делившая с ним походную жизнь,

участница всех сражений, дважды спасшая ему жизнь. Худая, стройная, с серыми сумасшедшими глазами, коротко стриженная, нервно курившая папиросу за папиросой.

Я поздоровался. Только теперь, оглядевшись вокруг, я увидел, что посредине стола стояла большая круглая табакерка с кокаином и что в руках у сидящих были маленькие гусиные пёрышки-зубочистки. Время от времени гости набирали в них белый порошок и нюхали, загоняя его то в одну, то в другую ноздрю. Привёзшие меня адъютанты почтительно стояли в дверях.

Я внимательно взглянул на Слащова. Меня поразило его лицо. Длинная, белая, смертельно-белая маска с ярко-вишнёвым припухшим ртом, серо-зелёные мутные глаза, зеленовато-чёрные гнилые зубы. Он был напудрен. Пот стекал по его лбу мутными молочными струйками. Я выпил вина.

— Спойте мне, милый, эту… — Он задумался.

— О мальчиках… «Я не знаю зачем…»

Его лицо стало на миг живым и грустным.

— Вы угадали, Вертинский. Действительно, кому это было нужно? Правда, Лида?

На меня глянули серые глаза.

— Вы все помешаны на этой песне, — тихо сказала она.

Я попытался отговориться.

— У меня нет пианиста, — робко возражал я.

— Глупости. Николай, возьми гитару. Ты же знаешь наизусть его песни. И притуши свет.

Но сначала понюхаем.

Он взял большую щепотку кокаина. Я запел.

И никто не додумался
Просто стать на колени
И сказать этим малышкам.
Что в бездарной стране
Даже светлые подвиги —
Это только ступени
В бесконечные пропасти
К недоступной Весне!

Высокие свечи в бутылках озарили лицо Слащова — страшную гипсовую маску с мутными глазами. Он кусал губы и чуть-чуть раскачивался. Я кончил.

— Вам не страшно? — неожиданно спросил он.

— Чего?

— Да вот… что все эти молодые жизни… псу под хвост! Для какой-то сволочи, которая на чемоданах сидит!

Я молчал. Он устало повёл плечами, потом налил стакан коньяку.

— Выпьем милый Вертинский, за родину! Хотите? Спасибо за песню!

Я выпил. Он встал. Встали и гости.

— Господа! — сказал он, глядя куда-то в окно. — Мы все знаем и чувствуем это, только не умеем сказать. А вот он умеет! — Он положил руку на моё плечо. — А ведь с вашей песней, милый, мои мальчишки шли умирать! И ещё неизвестно, нужно ли это было… Он прав.

Гости молчали.

— Вы устали? — тихо спросил Слащов.

— Да… немного.

Он сделал знак адъютантам.

— Проводите Александра Николаевича!

Адъютанты подали мне пальто.

— Не сердитесь, — улыбаясь, сказал он. — У меня так редко бывают минуты отдыха… Вы отсюда куда едете?

— В Севастополь.

— Ну, увидимся. Прощайте. Слащов подал мне руку.

Я вышел».

4

А теперь стоит перейти непосредственно к очерку генерала Петра Ивановича Аверьянова, из мельчайших деталей которого складывается образ храброго русского офицера и талантливого (как минимум не обиженного Богом) военачальника.

> «По поводу награждения войск за боевые операции у Слащова с Врангелем произошло «несогласие во взглядах» вторично, когда Слащов ходатайствовал о наградах за удачно выполненный на побережье Азовского моря десант для овладения Мелитополем. Генерал Врангель отклонил это ходатайство опять-таки по той причине, что «при десанте войска не понесли никаких потерь, т. е. был не десант, а простая высадка с судов на берег», на что Слащов «почтительно» доложил Врангелю, что «отсутствие потерь свидетельствует только об искусстве руководившего войсками начальника». Действительно, отряд, командуемый Слащовым, при выполнении самой высадки на побережье имел ничтожные потери (1 солдата придавило пароходом к балиндеру, 1 офицер убит, несколько человек ранены или получили повреждения), но это отсутствие потерь было следствием прежде всего искусства самого Слащова и непоколебимой ничем веры в своего начальника и выдержки командуемых им войск.
>
> Сам Врангель провожал и напутствовал отправленный в Азовское море на судах десантный отряд Слащова, которому надлежало произвести высадку на обороняемое противником побережье Азовского моря и овладеть Мелитополем. С музыкой, игравшей на палубах, развевающимися флагами, с пением песен сидевшими на судах войсками, в стройных кильватерных колоннах, как на церемониальном марше, вошли в Азовское море суда и продолжали идти по этому морю на виду у наблюдавших с побережья красных. Наконец колонны судов стали на якорь, и на судах началось веселье и пляски под музыку и песни.
>
> Оборонявшие побережье красные были в полном недоумении, не зная, чем объяснить такое поведение белых, они были поражены, и их воображение рисовало им самые невероятные подвохи со стороны белых, а в результате они даже стреляли, а с наступлением

темноты стали и отступать от береговой линии. Между тем веселье продолжалось на судах Слащова до наступления темноты, а с темнотой, совершенно неожиданно для красных, началась высадка отряда Слащова на побережье. Она была произведена нижеследующим образом: войска разместились на балиндерах, эти балиндеры велись к берегу на буксире пароходами, которые, подходя к самому берегу, поворачивались кругом и «заносили» балиндеры почти к самому берегу, после чего отцеплялись от балиндеров и уходили в море, уничтожая таким образом всякий «путь отступления» находившимся на балиндерах войскам. Сам Слащов впереди всех на таком же балиндере, причём его балиндер зарылся в морское дно довольно далеко от берега, что не помешало ему соскочить в море и добраться до берега, идя по воде, достигавшей ему (человеку высокого роста) выше пояса. За ним по воде добрались и все люди с балиндера.

Надо заметить, что в это время Слащов уже страдал незаживающей фистулой на животе, образовавшейся после полученного им ранения тремя пулями; фистула эта приносила ему большие страдания, с целью смягчения которых Слащов и начал прибегать к кокаину.

А получил это ранение почти одновременно тремя пулями Слащов при таких обстоятельствах. Это было ещё в то время, когда Крым оборонял только один слащовский отряд. Часто очень тяжело приходилось этому малочисленному отряду под натиском превосходных по числу красных войск; ни на позиции, ни у самого Слащова в тылу никаких резервов не имелось. Однажды, когда фронт едва уже держался, на нашу позицию с большим шумом, на виду находящегося в 400–600 шагах противника, влетел автомобиль и остановился.

Слащов вышел из автомобиля, обошёл офицеров и солдат и сообщил им, что вслед за ним якобы идут сильные подкрепления в лице французских и греческих войск, на что на нашей позиции войска отвечали громким «ура». Само появление автомобиля на самой позиции, а потом эти «ура» произвели сильнейшее впечатление на красных: они на некоторое время прекратили даже огонь. Воодушевив войска, приостановив своим появлением на позиции даже натиск противника, Слащов вошёл в свой автомобиль, стоявший

уже задним ходом к противнику; на несколько мгновений Слащов, стоя в автомобиле во весь рост, очутился спиной к противнику, и в эти мгновения три пулемётные пули попали ему в спину и ранили его: две пули — в лёгкие, одна — в живот. Как подкошенный, сел Слащов на сиденье автомобиля, и в тот же момент шофёр пустил автомобиль быстрым ходом вперёд, вследствие чего никто на позиции, кроме бывших вблизи автомобиля немногих офицеров, не заметил, что их любимый начальник ранен. Никаких французских и греческих подкреплений за Слащовым не было, но одно его личное появление на позиции и умное и вовремя применение такого опасного средства, как обман своих войск, спасли положение на позиции, создали перелом в настроении оборонявших её войск, поселили недоумение в рядах красных, понизили их порыв и даже приостановили на время их натиск, чем наши войска воспользовались для методичного, неторопливого отступления на другие позиции».

Молодого белого генерала солдаты ласково между собой называли «Яшей». В этом заключалась и любовь к своему военачальнику, и уважение… Потому что, как подчёркивает генерал Аверьянов, *«держал себя Слащов с офицерами и солдатами очень просто, доступно, всякий мог смело обратиться к нему с правдивыми словами во всякое время и при всяких обстоятельствах. Жил тоже очень просто, в самой скромной обстановке, почти по-спартански, в обыкновенном вагоне. Вагон его начальника штаба был много роскошнее простого вагона начальника их отряда, а потом и командира корпуса Слащова. Никаких адъютантов, дежурных офицеров или иных «докладчиков» при Слащове в вагоне не имелось. Только «ординарец Никита» в том же вагоне, да ещё часовой у входа в средний вагон слащовского поезда, стоявшего в Джанкое. Маленький поезд из 3–4 вагонов и платформы с автомобилем Слащова. Кто имел надобность говорить со Слащовым, сам стучал в дверь его купе в любое время суток, не исключая ночи, и, получив в ответ на свой стук «входите», входил в купе и заставал Слащова почти всегда погруженным в рассматривание карты и планов.*

Приближался полковой праздник одного из расположенных на позиции полков. По старым традициям этого полка, его офицерство начало празднование этого праздника ещё за два дня до наступления самого праздника и в дружеской попойке израсходовало весь имевшийся в полку запас водки. И вот один из

офицеров, сильно охмелевший, предложил добыть водки у самого Слащова! Мигом на коня — и с позиции в ставку начальника отряда. Было уже далеко за полночь, когда этот офицер доскакал до слащовского поезда и вошёл в его вагон. Постучал в дверь и получил ответ «входите», но в этот момент весь хмель выскочил из головы офицера, как он потом рассказывал. Но делать нечего, нужно входить! И он решил поведать Слащову всю правду, ничего не утаивая, а потом извиниться перед ним. Он так и поступил. Слащов правильно понял всю обстановку, толкнувшую офицера на такой поступок, и сказал ему: «Хорошо, я дам Вам водки для офицеров, да и сам приеду к Вам на полковой праздник, моя будет водка, а Ваша закуска!» И действительно, Слащов исполнил своё обещание: приехал сам и привёз для праздника бочонок водки (кроме той, что выдал приехавшему к нему за ней офицеру). «Вот Вам обещанная водка, а Вы давайте закуску к ней», — обратился он к офицерам. Но этим не кончилось! Праздничная попойка шла вовсю, когда Слащов решил использовать удобный момент и созданное его приездом на полковой праздник «с бочонком водки» настроение полка, так и всего отряда, для выполнения тяжёлой боевой задачи. Он почувствовал, что в этот момент можно потребовать от полка выполнения самой невозможной при обычных условиях задачи. Впереди нашей позиции была занятая противником высота «71», откуда красные доминировали над всей местностью и наносили нам большие потери. Неоднократные попытки овладеть этой высотой кончались неудачей. И вот Слащов обратился к полку с такими речами: «Я исполнил своё обещание, приехал к Вам на праздник и привёз Вам водки. Теперь обещайте мне, что Вы исполните и моё желание!» Полк ответил клятвой исполнить всякое приказание Слащова. «Так разопьём же вот этот другой бочонок водки, но уже с моей закуской на высоте «71», возьмём сейчас эту высоту!» — сказал тогда Слащов, и полк ответил ему единодушным «ура».

Во главе со Слащовым, сопровождаемым «ординарцем Никитой», повёл наступление полка на высоту «71» и на этот раз без особенно больших потерь сбил с неё ошеломлённого и поражённого всем происходящим противника. Второй бочонок водки, под слащовскую закуску, был распит полком на высоте «71».

Не менее оригинально овладел Слащов и Чонгарским мостом через Сиваш.

Этот мост представлял собой открытое дефиле длиною до 2 вёрст. От середины это дефиле довольно круто понижалось в обе стороны — к нам и к противнику. Поэтому одна половина моста припадала, так сказать, нашему владычеству, а другая — противнику. На своей половине красные выставили для обороны

дефиле орудия и пулемёты. По обе стороны дефиле — Сиваш. Слащов назвал это дефиле «сквозняком» и считал необходимым для успешной обороны владеть обоими выходами из него, но атаки на него не удались.

И вот однажды Слащов собрал вокруг себя на позиции начальников отдельных частей и предложил каждому из них овладеть со своей частью этим дефиле. Все начальники частей поочерёдно доложили Слащову, что не считают для себя возможным повести вверенных людей на явную смерть, не обещавшую ни малейшего успеха по причине местных условий, благоприятствующих обороне дефиле. «Ну, в таком случае я сам атакую противника, обороняющего «сквозняки», и захвачу его!» — сказал Слащов и приказал «ординарцу Никите» передать начальнику Константиновского военного училища приказание «немедленно прибыть с училищем в полном составе и с музыкой на позицию». Это выведенное из Киева пехотное военное училище размещалось в районе расквартирования слащовского отряда, в меру возможности вело свои занятия (и в классах, и в строю, и в поле) и в тяжёлые минуты привлекалось и на позицию.

Воодушевив прибывшее училище несколькими словами, Слащов повёл его (до 250–300 юнкеров) на мост сам, под звуки музыки, в колонне, отбивая шаг, точно на церемониальном марше. Имея во главе Слащова с «ординарцем Никитой», юнкера прошли по мосту и бросились в атаку на противника, который оставил свои пулемёты на мосту, не пытаясь даже стрелять из них. До такой степени поразило воображение противника и убило его дух вышеописанное наступление Слащова с колонной юнкеров под звуки музыки!

Любимым способом ведения боя, которым Слащов достигал успеха при атаке противника, отчасти же и при обороне позиции, и которому он обучал вверенные ему войска в периоды затишья в операциях, был нижеследующий: на противника при атаке велось энергичное наступление и иногда кончалось успешной атакой, но если последняя не удавалась или оказывалась трудновыполнимой, то слащовский отряд медленно отступал, увлекая за собой переходящего в наступление противника, но отступал лишь до заранее намеченной линии или до рубежа, откуда внезапно для противника бросался на него в атаку и, преследуя его по пятам, захватывал и первоначальную позицию противника.

В весьма широких размерах Слащов применил этот способ ведения наступательного боя и в операции на Днепре у Каховки, за неуспех в каковой Врангель поспешил отрешить Слащова от командования корпусом и отослать его на покой для поправления здоровья. Но все участники этой операции, все начальники и офицеры слащовского корпуса, боготворившие (да и по сей день

боготворящие, за редким исключением) этого Богом одарённого, природного военного вождя, все они утверждают, что основанный на вышеописанном способе ведения боя план всей операции (одобренный и самим Врангелем), которому Слащов этот план доложил, развивался и выполнялся очень хорошо и успешно, обещая полнейший успех, и что в последнем уже не сомневались ни сам Слащов, ни его войска, когда вдруг настойчивое и несколько раз повторенное приказание из штаба Врангеля вырвало из рук Слащова в самый решающий момент операции уже пущенную в дело Слащовым конницу! Эту конницу, несмотря на протесты Слащова, штаб Врангеля выхватил из развивающейся операции и направил в глубокий тыл для переформирования! Так рассказывают и посейчас офицеры, служившие под начальством Слащова, и бывшие возле него во время этой операции. Они видели, как Слащов радовался, посылая эту конницу в тыл противника, видели, как настоял Слащов на том, чтобы начавшая уже отходить из боя (вследствие получения распоряжения штаба Врангеля) эта конница продолжала выполнение поставленной Слащовым задачи, и она вновь пошла по указанному ей направлению, видели эти офицеры, сотрудники Слащова, как рыдал Слащов, когда эта конница, получив повторное приказание из штаба Врангеля, наконец решительно отказалась повиноваться Слащову и ушла в тыл на «переформирование». Они же были свидетелями и того момента, когда Слащов потребовал от своих войск «напряжения всех сил», чтобы выполнить задачу и без конницы, бросившей поле сражения по приказанию врангелевского штаба, на каковое обращение к ним своего любимого вождя войска отвечали клятвой ценой своих жизней купить ему победу и не позволить никому осрамить его! И войска Слащова исполнили своё обещание, но есть предел всякому напряжению сил, и занять Каховку им не удалось, а вся суть операции и была в овладении и удержании за нами Каховки».

А вот как описывает свою встречу со Слащёвым командир 3-го отряда танков штабс-капитан А. Трембовельский:

> «Приблизительно в средних числах апреля 1920 г. (точных дат не помню) на ст. Джанкой прибыл ген. Слащёв с отрядом юнкеров Константиновского Военного Училища. Наш командир отряда в те дни был по делам службы в Севастополе, и исполняющим обязанности командира был оставлен пишущий эти строки. Узнав о прибытии ген. Слащёва, я выстроил отряд и явился к нему с рапортом.
>
> Сделав смотр отряду, генерал сказал, что он прибыл

с целью вытеснить красных с полуострова Таганаш, и просил по возможности, чтобы усилить его редкую цепь юнкеров, влить в неё добровольцев танкистов.

Железнодорожный мост, соединяющий Крым с полуостровом Таганаш, был разрушен и находился под артиллерийским и пулемётным огнём красных. Другой переправы не было, а разрушенный мост не давал возможности танкам принять участие в этой операции.

Несмотря на то что танкисты являются проверенными специалистами и особенно ценны для армии, я всё же дал разрешение танкистам принять участие в этом бою. Но так как добровольцами оказался весь отряд, то мне вновь пришлось построить отряд, и рассчитав отряд на первый и второй, вторым дать право влиться в цепь ген. Слащёва.

Лихим ударом во главе с ген. Слащёвым красные были далеко отброшены с полуострова, и наши части заняли оборонительный участок на подступах к ст. Садьково».

Если же говорить обо всём периоде защиты Крыма под руководством Слащёва, то, как вспоминал сам Яков Александрович, он был крайне неудачным с точки зрения службы:

«Никогда в жизни я не получал столько выговоров — тут мне выговор и за тыл (передача Фроста), и за горцев, и за частную жизнь (возил подводы по Сивашу), и, наконец, за вмешательство не в свои дела, сказавшееся в желании ревизовать и контролировать мне не подчинённую крымскую контрразведку, в которой творилось много странного, за постановку задач флоту (личное желание командующего флотом Ненюкова) и, наконец, за то, что я одел всех людей своего корпуса и присоединившихся к нему частей, естественно исчерпав для этого содержимое складов».

По рассказам подчинённых Слащёва, *«все военные операции и боевые планы Слащов разрабатывал единолично, совершенно не привлекая к этой работе ни начальника штаба отряда (потом — штаба корпуса), ни других штабных офицеров. Всё свободное от объездов войск и позиции время он проводил над картами и планами, изучая их, разбираясь в сведениях о противнике, составляя боевые приказы. Канцелярщины он не терпел и в своём штабе держал самое ограниченное число офицеров»*.

5

Одним из прозвищ белого генерала было не особенно лицеприятное: «Слащёв-вешатель». Дошла до наших времён и частушка, написанная неизвестным обывателем в Крыму: «От расстрелов идёт дым, то Слащёв спасает Крым». Так ли это было на самом деле? Попробуем разобраться.

Как пишет И. Софронов, *«от Слащёва, ставшего, по сути, военным диктатором Крыма, доставалось всем — и большевистскому подполью, и анархистам-налётчикам, и безыдейным бандитам, и шкурникам-спекулянтам, и распоясавшимся офицерам Белой армии. Причём приговор для всех был один — виселица. И с приведением его в исполнение Яков Александрович не затягивал»*.

По мнению Кима Каневского, «сведения Михаила Булгакова о висельных мешках Слащёва, так ярко введённые в «Бег», не есть штрих авторской гиперболизации образа. Военный интеллигент, Генерального штаба Слащёв-Крымский удерживал оборону Крыма не только недюжинным стратегическим и оперативно-тактическим мастерством. За Турецким валом царили железная дисциплина и стальные кары. Это касалось практически всех. Страшно покидали мир рядовые, унтера, офицеры, статские должностные лица, попавшие под колесо. Трибунал фронта, контрразведки соединений крутили эту мясорубку днём и ночью. Не говоря уже о расправе над подпольщиками и пресечении любого сопротивления в тылу. Вешали всюду — на фонарях, габаритах мостов, козловых кранах и опорах пакгаузов. Собственно, на виселицах тоже. Ну и на деревьях, конечно.

Зная, что впечатлительный генерал не выносит смертной мимики, вешали в мешках, при расстреле завязывали глаза. Остроумному перу генерал-лейтенанта Слащёва-Крымского принадлежит известный приказ о том, что поскольку виновные в забитии желдорпутей пассажирскими и товарными составами (что снижало маневровые возможности воинских эшелонов и бронепоезда «Офицер») являются лицами военными, заменить им обычное повешение торжественным расстрелом. «Мешки, мешки, мешки» — не булгаковская выдумка: полуостров был буквально завешан мешками. Ну и кровищи хватало, конечно.

> Как рассказывает генерал Аверьянов, «для тыла, тыловых офицеров, всякого рода шкурников и паникёров Слащов был грозой. Гроза эта обрушивалась одинаково и на генерала, и на офицера, и на солдата, и на рабочего, и

на крестьянина. Ничего не могло спасти от этой грозы действительно виноватого или преступника. И одинаково виновным преступникам полагалась от этой страшной грозы и одинаковая суровая кара. Поэтому перед поездом Слащова одинаково висели на столбах по нескольку дней и офицеры, и солдаты, и рабочие, и крестьяне. И над каждым из них чёрная доска с прописанными на ней подробно фамилией, положением и преступлением казнённого, а через всю доску шла подпись мелом самого Слащова с указанием — сколько дней надлежит трупу казнённого висеть на столбе (в зависимости от вины 1, 2 или 3 дня). И тем не менее, невзирая на эти казни, имя Слащова, «диктатора Крыма», пользовалось уважением и даже любовью среди всех классов населения Крыма, не исключая и рабочих. Причины того — справедливость Слащова, одинаковое отношение ко всем классам населения, доступность его для всех и во всякое время, прямота во всех своих поступках и принятие на себя одного всей ответственности и последствий своих поступков, абсолютное бескорыстие и честность в материальном отношении, наконец, — личное мужество, личная храбрость, полное презрение к смерти! Рабочие митингуют, угрожают, выносят резолюции с требованиями, а Слащов мчится к ним на автомобиле один (не считая шофёра), въезжает в гущу митинга, требует для беседы «делегатов», увозит их с собой на автомобиле, потом спокойно беседует с ними у себя в поезде… В большинстве случаев, когда требования рабочих были разумны или они действительно притеснялись работодателями, Слащов приказывал последним удовлетворить те или иные пожелания рабочих. Но иногда, хотя и очень редко, мирная беседа с «делегатами», когда они нахальничали и продолжали угрожать забастовками и бунтами, оканчивалась тем, что делегаты висели на столбах перед поездом Слащова.

В Симферополе в виде протеста против какого-то распоряжения Слащова местные купцы и торговцы закрыли магазины и лавки. Горожане сообщили Слащову. Последовала от Слащова телеграмма по адресу купцов: «Немедленно открыть лавки, иначе приеду. Слащов». В один миг все торговые учреждения были открыты. Где бы ни показывался Слащов в городах Крыма, большинство городского населения встречало и

провожало его овациями и восторженными криками. Такие же овации устроило Слащову и севастопольское население, когда, уже после назначения главнокомандующим Врангеля, Слащов показался на улицах Севастополя с Врангелем. Не Врангелю, мало кому известному в то время в Крыму, а своему любимому недавнему «диктатору» Слащову устроило население Севастополя овации… Естественно, что уже с этого момента зародилось у Врангеля чувство недоброжелательства в отношении Слащова.

Крестьянское население очень любило Слащова. Многие крестьяне почему-то были глубоко убеждены (и их невозможно было разубедить) в том, что Слащов в действительности брат государя, т. е. великий князь Михаил Александрович.

Что касается того чарующего обаяния, которое производил Слащов на офицеров и солдат той искренней любви, доходившей до обожания, которую испытывали в отношении Слащова вверенные ему войска, то эти обожание и любовь можно было наблюдать разве только ещё в отношениях между генералом Марковым и непосредственно Маркову подчинёнными войсками, как об этом свидетельствуют офицеры, которым посчастливилось служить и под начальством Маркова, и под начальством Слащова.

В отношении офицеров, совершивших преступление, Слащов был одинаково суров, как и в отношении «преступников» из других классов. Когда по прибытии в Крым разнузданных и развращённых остатков армии Деникина некоторые офицеры, особенно «цветных» полков, стали насильничать даже над городским населением, а два таких офицера среди белого дня, войдя в магазин ювелира в Симферополе, овладели перстнями с очень дорогими бриллиантами, после чего в том же Симферополе началась среди офицерства всех видов азартная игра, то Слащов прекратил этот ужас в один приём: собрав все потребные справки, он лично (и как всегда — один) на автомобиле прибыл неожиданно в игорный притон, арестовал офицеров-грабителей с перстнями (украденными) на пальцах, отвёз их на своём автомобиле в Джанкой и… приказал повесить их на столбах перед своим поездом. На чёрной доске над головами этих двух офицеров-грабителей была указана их вина — ограбление ювелира; трупы их висели 3 дня».

Однажды он приказал казнить солдата за украденного у крестьянина гуся. Повесил за трусость полковника — любимца самого барона Врангеля, приговаривая при этом: «Погоны позорить нельзя».

Был ли чрезмерно жесток Яков Александрович в таких карательных делах? Не думаю, потому что в годы Гражданской войны сама по себе жестокость была нормой. Просто в одних случаях она была справедлива, если хотите, как возмездие в условиях той войны, а в других несправедлива как инструмент, например, тотального террора. Чтобы хоть как-то понять суть неоправданной жестокости тех лет, стоит остановиться на смерти генерала Корнилова. Он погиб от разрыва гранаты, которая пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел. Эта граната оказалась единственной, попавшей в тот дом. Единственной она оказалась и в той комнате, где находился генерал. И убила она только его. Злой рок, не более… Случилось это 31 марта 1918 г. по старому стилю. Захоронили генерала тайно. Могилу сровняли с землёй. Сняли план места погребения в трёх экземплярах. Рядом с Корниловым был похоронен, убитый ранее, любимец генерала подполковник Неженцев. О том, что было дальше, написал в своих «Очерках» А.И. Деникин:

> «В тот же день (2 апреля), — говорится в описании Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, — Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшествии разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать оставшаяся в Гначбау по нездоровью сестра милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нём генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар».
>
> «В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари

советской власти Сорокин, Золотарёв, Чистов, Чуприн. Двор был переполнен красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдельные увещевания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевицкой толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти Золотарёв появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привёз тело Корнилова; но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарёва честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезён не отрядом Золотарёва, а Темрюкцами. Появились фотографы; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но верёвка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа всё прибывала, волновалась и шумела».

«После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевицкой власти, прибывших на это зрелище на автомобилях».

«В один день не удалось докончить этой работы: на следующий день продолжили жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опять жгли».

«Через несколько дней после расправы с трупом по городу двигалась какая-то шутовская ряженая процессия; её сопровождала толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег на помин души Корнилова»».

Всё это бесспорно можно назвать кощунством, но кощунством жестоким. И могло оно вызвать только одно: месть и ещё раз месть. Что, собственно говоря, и было в те самые годы Гражданской войны, когда генерал Слащёв отдавал приказы на

расстрел или повешение. Но в тех самых случаях Яков Александрович руководствовался всё же иными мотивами, чем те, кто измывался над трупом генерала Корнилова.

6

«В период «диктатуры» над всем Крымом генерала Слащова офицерам трудно было укрыться или засидеться долгое время где-то в тыловых учреждениях, — пишет генерал Аверьянов. — Налетая неожиданно в своём автомобиле в города, например, в Севастополь или Симферополь, Слащов проезжал по улицам города, останавливал их и очень мило и дружески с ними беседовал, расспрашивал об их семейном и материальном положении, о прежней службе и о состоянии здоровья, после чего… или дружески прощался с офицерами (когда убеждался, что он не шкурник), или же приглашал к себе в автомобиль «прокатиться и побеседовать» (когда убеждался в шкурничестве офицера) и, набрав таким путём в свой автомобиль 4–5 здоровых офицеров, мчался в Джанкой и затем на позиции, всё время поддерживая дружеский разговор с захваченными офицерами. Прибыв на позицию, Слащов вызывал кого-либо из командиров отдельных частей и передавал ему привезённых офицеров, а вместо последних отвозил с позиции в тыл такое же число боевых офицеров, нуждавшихся в отдыхе или лечении.

В слащовском отряде не допускалось им то печальное и безобразное явление, столь обычное в Добрармии Деникина, когда безусый 20-летний поручик командовал офицерской ротой, в которой рядовыми состояли седые штаб-офицеры с георгиевским оружием, а то и с офицерским Георгиевским крестом! Храбрый, но совершенно невежественный в военном деле юнец, совершивший «ледяной поход» и награждённый за него «терновым венцом с мечом», считался в армии Деникина более достойным для командования ротой, нежели прослуживший в царской армии четверть века офицер, даже в штаб-офицерском чине и с Георгиевским крестом, и всё только потому, что ему не довелось служить в Добрармии с её основания, не довелось участвовать в «ледяном походе» и т. п.

У Слащова не было «офицерских рот», все командные должности в строю замещались строго по чинам, в ротах и батальонах во время боя было лишь положенное по штатам число офицеров, а остальные

офицеры здесь же в тылу, но в районе позиции, занимались воспитанием и обучением солдат в запасных батальонах, но по мере потребности эти оставшиеся временно в тылу офицеры шли в боевые линии для замены выбывших из строя офицеров. В критические минуты иногда приходилось и офицерам сражаться в роли рядовых бойцов, но в общем Слащов избегал расходовать в неподходящих ролях трудно создаваемый офицерский состав. Не было в слащовском отряде и двух крайностей в отношении военнопленных красноармейцев, имевших место в Добрармии Деникина: ни массового расстрела захваченных в плен (что было в первый период существования Добрармии), ни немедленного, после захвата в плен, вливания в добровольческие части красных военнопленных (что нередко бывало в позднейший период существования Добрармии). В слащовском же отряде из захваченных в плен красных немедленно расстреливали только явных комиссаров и коммунистов, а остальных распределяли по ротам запасных батальонов, где они воспитывались и обучались. С ними в запасных ротах обращались хорошо, но они составляли отдельную команду в роте, не надевали полковой формы, а оставались в своей одежде без погон, которые они ещё должны были «заслужить», равно как должны были они заслужить и звание «солдата», а до того времени их называли «красноармейцы». С ними офицеры здоровались: «здорово, красноармейцы!», а с остальными солдатами: «здорово, братцы!» или «здорово, волынцы!», «здорово, литовцы!» и т. д. по полкам.

Погоны давались красноармейцам не всем одновременно, а постепенно, по выбору и списку командира запасной роты, когда последний находил, что известное число красноармейцев достаточно обучено и воспитано в духе прежнего русского солдата. Раздача погон (а с погонами красноармейцы получали почётное звание «солдата») происходила в торжественной обстановке. По рассказам офицеров, особенно служивших в гвардейских частях слащовского отряда, красноармейцы из кожи лезли, чтобы скорее заслужить погоны.

Достигнув высокого положения крымского диктатора ещё в цвете сил и в среднем возрасте… и вполне сочувствуя продвижению вперёд молодых

талантливых сил, скромный по натуре Слащов не переносил «вундеркиндов», жадных к славе, почестям, чинам, орденам и материальным благам (в том числе и к иностранной валюте), которых в большом числе выдвинула в нашей армии сперва революция, а потом — Гражданская война. Когда известный на юге России, особенно же в Крыму, артист Владимир Ленский (гвардии штаб-ротмистр князь Владимир Иосифович Дадиани, получивший много ранений ещё в японскую войну и потому с того ещё времени находившийся в отставке), остроумный и талантливый конферансье созданного им в Севастополе театра-варьете «Весёлый беби», устроил на пожертвования посетителей этого театра и на свои личные средства (он был очень богатый человек и обладатель огромной коллекции превосходных бриллиантов) «поезд-чайную» имени генерала Слащова для обслуживания чаем и горячей пищей оборонявших Перекопский перешеек солдат, то Слащов, передавая Ленскому свою искреннюю благодарность за заботы о солдате, решительно настаивал на уничтожении в названии поезда слов «имени генерала Слащова», но Ленский ему ответил, что такова была воля жертвователей.

Своего отрицательного отношения к «вундеркиндам» и другим деятелям деникинского и врангелевского окружения, равно как и ко многим другим тёмным явлениям и сторонам деятельности этих двух правителей, Слащов не скрывал, а открыто его высказывал, причём не особенно стесняясь в выражениях, о чём, конечно, быстро становилось известным как самим правителям, так и приближённым к особам правителей «вундеркиндам». Нередко Слащов позволял себе и дерзкие выходки в своих приказах. Например, сообщая в приказе по вверенным ему войскам о прибытии в Феодосию (после новороссийской катастрофы) главнокомандующего Деникина, а в Севастополь — южнорусского правительства, он о последнем написал в приказе так: «такого-то числа в Севастополь прибыло никому не нужное Южное правительство». А сообщая в приказе о прибытии в Крым Добровольческого корпуса Кутепова, Слащов, после перечисления войск, написал ещё: «Теперь прощай порядок в Крыму!» И он был прав: хулиганствующее «офицерьё» цветных полков в своих безобразиях перешло

все пределы, и Кутепову пришлось обращать его в «офицерство» слащовскими приёмами.

Личный друг Слащова и его начальник штаба полковник Генерального штаба Владимир Фёдорович Фролов, сохранивший до самой своей смерти (он недавно умер в Югославии) братскую любовь к своему другу и глубокую веру в своего начальника, рассказывал мне, что самой сильной, может быть, стороной натуры генерала Слащова было то, что при нём было совершенно немыслимо какое-либо «окружение», влияющее на ход дела, немыслимы были при Слащове ни деникинский генерал Романовский, ни тем более врангелевский Павлуша Шатилов; не потерпел бы Слащов и той паутины генеральских интриг, заговоров и распрей, которую терпеливо и долгое время выносил Деникин».

Очень мало строк в своём очерке генерал Аверьянов посвятил второй, и последней жене Слащёва, однако из рассказанного им вполне достаточно, чтобы понять, какая это была женщина:

«Не любил Слащов оставаться сколько-нибудь продолжительное время в тылу даже раненым. Так и теперь тяжело раненный тремя пулями, он прибыл лечиться на фронт, почти на самые позиции. Как и всегда, прибыл на фронт никого не оповещая, и расположился в избе ближайшего селения. Никто, кроме доктора и сестры милосердия, даже точно не знали, какую избу занимает раненый Слащов. Между тем пришлось отступать с позиции, и селение, в котором расположился Слащов, оказалось в районе расположения красных. Спасла Слащова молоденькая сестра милосердия, бывшая при гвардейском отряде, т. к. была сестрой служившего в этом отряде гвардейского офицера. Она верхом отправилась в селение, в котором лежал Слащов, метавшийся в то время в жару и беспамятстве, взвалила при помощи крестьян раненого на лошадь и на той же лошади прискакала с раненым к гвардейскому отряду. Эта сестра милосердия неотлучно оставалась при боровшемся со смертью Слащове и выходила его. Вскоре после выздоровления Слащов женился на спасшей ему жизнь сестре милосердия. Его первый брак не был счастлив. Эта же вторая его жена вполне подходила к нему: под видом ординарца (из вольноопределяющихся) Никиты она безотлучно

находилась при Слащове и сопровождала его и в бою и под огнём».

О Нине Николаевне Нечволодовой действительно известно очень мало. Родилась она в 1899 году. Добровольцем ушла на фронт Первой мировой войны. Унтер-офицером с двумя георгиевскими крестами участвовала в Брусиловском прорыве. В 1918-м она вступает в казачий отряд Шкуро, где начальником штаба был Яков Александрович Слащёв. Родной брат Нины, белый офицер, до конца 1919 года находился на нелегальном положении в Тверской области. В Грозном ему удалось сорвать мятеж красных под началом Н.Ф. Гикало.

Юнкер Константиновского училища И. Сагацкий в апреле 1920 г. запишет в свою тетрадь: *«… Около вагона Слащёва стояла большая группа и Ниночка-ординарец. Это была миловидная и стройная девица в белой рубахе с погонами унтер-офицера и одним или двумя Георгиевскими крестиками, в кавалерийских синих бриджах и сапогах со шпорами. Мне успели шепнуть, что Ниночка — из хорошей семьи, ведёт себя безупречно и вполне заслуживает свои Георгиевские крестики…»* Именно «ординарец Никита» передала приказ Слащёва начальнику Константиновского военного училища «немедленно прибыть с училищем и музыкой на позицию», а потом преданно (будучи раненой) шла рядом со своим будущим мужем (едва оправившимся от ран) впереди юнкеров по мосту навстречу смерти…

Сам генерал Слащёв в своей книге об обороне Крыма напишет:

> «Приказав бронепоездам сосредоточить огонь по цепи красных, я послал адъютанта, штаб-ротмистра Шебеко и ординарца Нечволодова (свою жену) к цепям передать приказ двинуться на гать. Не прошло и десяти минут, как пришло донесение, что штабс-ротмистр убит, а ординарец Нечволодов ранен, а цепи 13-й дивизии под сосредоточенным огнём красных подаются назад… Надо было прибегнуть к последнему средству, всегда выручавшему до сих пор, это средство — личный пример начальника. Поэтому я отдал приказ юнкерам построиться в колонне по отделениям и двинул её на гать мостом…
>
> Батальон втянулся на гать. Я невольно подумал, что достаточно было одного пулемёта и одного орудия красных, но не в дрожащих руках, чтобы смести всё это, но такова сила нервного шока. Ошеломить можно кого угодно».

Как подчёркивает Сергей Бобров, «завязка сюжета Булгаковского «Бега» выстроена на почти фарсовой ситуации: химик Махров оказывается архиепископом Африканом, мадам Барабанчикова на сносях и «рожающая» под аккомпанемент суматохи оборачивается генералом Чарнотой. И среди этого маскарада — походная жена генерала, Люська, повторяющая слова генерала Врангеля, сказанные при вступлении в должность Главнокомандующего Русской Армии 22 марта 1920 г.: «Нам ещё предстоит испить горькую чашу до дна!..»

Автор статьи очень точно подмечает: «кавалерист-девица Люська Корсакова — вовсе не плод воображения Булгакова!» И это действительно так…

Глава восьмая
Генеральский треугольник (Деникин — Врангель — Слащёв)

1

Антон Иванович Деникин родился в декабре 1872 года в Влоцлавеке в семье отставного майора пограничной стражи. Уже в четыре года одарённый мальчик научился бегло читать, а с детства свободно говорил на русском и польском языках. При этом маленький Антон воспитывался исключительно «в русскости и православии».

С детства мечтая о военной службе, в 1890 году, после реального училища, Антон Иванович был зачислен вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк и был принят в Киевское юнкерское училище с военно-училищным курсом. В 1892 г. подпоручика Деникина назначили во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду, расквартированную в уездном городе Бела Седлецкой губернии. Своё новое место службы спустя годы будущий генерал назовёт не иначе, как типичную стоянку для большинства войсковых частей, заброшенных в захолустья Варшавского, Виленского, отчасти Киевского военных округов.

Летом 1895 года Деникин поступает в Академию Генерального штаба, в Санкт-Петербурге. Однако уже в конце первого года учёбы его отчисляют из самого престижного учебного заведения России за несдачу экзамена по истории военного искусства. Но буквально через три месяца Антон Иванович снова выдерживает экзамен и его снова зачисляют на первый курс Академии.

Весной 1899 года по завершении курса Деникина производят в чин капитана, но случается то, о чём ему трудно было представить себе даже в самых худших снах. Накануне выпуска новый начальник Академии Генштаба генерал Сухотин произвольно изменил списки выпускников, причисленных к Генеральному штабу, в результате чего Антон Иванович не попал в это число. Справедливо посчитав, что его права нарушены, капитан Деникин подаёт жалобу на военного министра А.Н. Куропаткина, утверждавшего этот список. Товарищам по несчастью он предложил сделать то же самое, но те не решились. Прямым начальником военного министра был сам император, соответственно и жалоба подавалась на его Высочайшее имя. И это был не просто поступок, это был единственный в истории Русской армии случай, когда никому не известный капитан выступил против существующих порядков. Примечательно, что конференция академии признала требования Деникина справедливыми, и военный министр согласился удовлетворить прошение «непричисленного», однако Антон Иванович подавать

такое ходатайство наотрез отказался. «Я в милости не нуждаюсь и требую законного», — сказал он в ответ.

Тогда по его делу назначили следствие, которое пришло к выводу о правомерности жалобы. Но Куропаткин не сдавался, написав следующую резолюцию: *«Согласен с заключением Главного судного управления, но одобрить действия капитана Деникина не могу, ибо жалоба была неосновательная, а для лица, добивающегося службы в Генеральном штабе, неосновательность — недостаток существенный»*. Оставалось ждать решения государя. Но тот удовлетворился пояснением министра: *«Этот офицер, Ваше Императорское Величество, не причислен к Генеральному штабу за характер»*…

Антон Иванович вернулся в свою бригаду, но через два года упрямо напишет частное письмо Куропаткину. Когда последний его прочтёт, то не без гнева начертает: *«Ввиду ходатайства Варшавского начальства и чистосердечного раскаяния, признаю возможным ходатайствовать перед государем о причислении Деникина к Генеральному штабу с назначением в войска Варшавского военного округа. Нежелательно, чтобы обращение за защитою к государю, хотя бы и вполне неосновательное, наказывалось без милости к раскаявшемуся. 30 октября 1901 г.»*. Таким образом, настойчивость Деникина в борьбе за свои права определила всю его дальнейшую жизнь!

В Русско-японской войне Антон Иванович будет участвовать как начальник штаба сначала Забайкальской казачьей дивизии, затем Уральско-Забайкальской дивизии генерала Мищенко. В Цинхеченском сражении одна из сопок вошла в военную историю под названием «Деникинской». «Деникинская сопка» была названа в честь схватки, в которой Антон Иванович штыками отбил наступление неприятеля. Вот что по этому поводу пишет биограф Деникина Дмитрий Лехович:

> «Например, в ноябре 1904 года во время Цинхеченского боя генерал Ренненкампф, по просьбе Деникина, послал его в авангард заменить командира одного из казачьих полков. Деникин блестяще выполнил свою миссию и штыками отбил японские атаки.
>
> За отличие в боях Деникина быстро произвели в подполковники, затем в полковники. В те времена производство в полковники на тринадцатом году службы свидетельствовало об успешной карьере.
>
> Сочетание боевых качеств Мищенко и Деникина принесло известность отряду. В мае 1905 года, совершив конный набег в тыл противника, отряд истребил

японские склады и транспорты, испортил подвозной путь и телеграфное сообщение, захватил пленных. Но главное следствие этого рейда — моральный подъём в армии, не слишком избалованной успехами. Деникин уважал и ценил генерала Мищенко. О совместной работе с ним Деникин запомнил, между прочим, следующее:

«Когда бой становился жарким, генерал Мищенко со своим штабом неизменно шёл впереди с солдатами в стрелковой цепи. «Я своих казаков знаю, — говаривал он, — им, знаете ли, легче, когда они видят, что и начальству плохо приходится»».

До июня 1910 года Антон Иванович проходил службу на штабных должностях, после чего был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка, которым командовал до марта 1914-го. В июне этого года, на должности генерала для поручений при Командующем войсками Киевского военного округа Деникин был произведён в чин «генерал-майора».

Встретив Первую мировую войну генерал-квартирмейстером 8-й армии, уже в сентябре Антон Иванович по собственному желанию был переведён на строевую должность — командира 4-й стрелковой бригады, впоследствии развёрнутой в дивизию и получившей название «Железной». Сам командир в эмиграции напишет:

«За доблесть Железной бригады в этих тяжёлых боях я был награждён Георгиевским оружием, причём в Высочайшей грамоте было сказано: «За то, что вы в боях с 8 по 12 сентября 1914 года у Гродека с выдающимся искусством и мужеством отбивали отчаянные атаки превосходного в силах противника, особенно настойчивые 11 сентября, при стремлении австрийцев прорвать центр корпуса; а утром 12 сентября сами перешли с бригадой в решительное наступление»».

Его Железная бригада, а потом и дивизия не просто воевала, но умудрялась сохранить свой воинский дух. Так, Д. Лехович в своей книге подчёркивает:

«Несмотря на огромные потери офицеров и солдат, деникинская бригада (в апреле 1915 года переформированная в дивизию) приобрела большую известность. В тяжёлый момент на фронте Железная дивизия всегда выручала. Заслужив почётное звание «пожарной команды» 8-й армии, она всё время

перебрасывалась с одного участка на другой, туда, где трудно, где прорыв, где угроза окружения. Когда задание было выполнено, дивизию отзывали в резерв командующего армией, а через день или два снова бросали её, как говорил Деникин, «на чью-либо выручку в самое пекло боя»».

Много сохранилось свидетельств этих эпизодов. Все они говорят о высоких боевых заслугах и чрезвычайной выносливости как начальника, так его офицеров и солдат. Деникин с честью выполнял директивы штаба генерала Брусилова. Но какой ценой!

«Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти, — писал он, — великая трагедия русской армии — отступление от Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжёлые переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная, то робкие надежды, то беспросветная жуть.

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии… одиннадцать дней страшного гула немецкой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, истощённые до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы… два полка почти уничтожены одним огнём… Когда после трёхдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли 50 снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам; и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением…»

Даже при отступлении и при отсутствии снарядов дивизия Деникина умудрялась наносить неприятелю весьма болезненные удары».

За успешные операции и личную храбрость Антон Иванович был награждён орденом Святого Георгия 3-й (3 ноября 1915 г.) и 4-й (24 апреля 1915 г.) степеней, а в 1916-м его произвели в чин «генерал-лейтенанта» и назначили командовать 8-м корпусом на Румынском фронте. В апреле — мае 1917 года Деникин был начальником штаба Верховного Главнокомандующего, затем — командующим Западным и Юго-Западным фронтами.

В августе 1917 года генерал Деникин был арестован за резкую телеграмму Временному правительству, в которой была

выражена солидарность с генералом Корниловым. Вместе с Корниловым и другими генералами и офицерами Антон Иванович содержался в Быховской тюрьме по обвинению в мятеже. Неволя длилась почти месяц. Каждый прожитый в ней день грозил им самосудом и расправой. Наконец, узнав о приближении эшелонов с революционными матросами, Деникин и другие арестованные генералы бежали.

С удостоверением на имя «помощника начальника перевязочного отряда Александра Домбровского» Деникин благополучно добрался до Новочеркасска, где принял участие в создании Добровольческой армии, возглавив 1-ю дивизию во время кубанского похода, а после гибели Корнилова, в апреле 1918-го, всю армию.

В январе 1918 г. Добровольческая армия вошла в состав Вооружённых сил Юга России, а генерал Деникин возглавил их, официально признав власть адмирала Колчака как «Верховного Правителя Русского государства и Верховного Главнокомандующего Русских армий» (12 июня 1919 г.).

Подавив сопротивление большевиков на Северном Кавказе, подчинив себе казачьи войска Дона и Кубани и получив от союзников России по Антанте большое количество оружия, боеприпасов и снаряжения, генерал Деникин в июле 1919-го начал широкомасштабный поход на Москву. К октябрю его войска заняли Донбасс и обширную часть от Царицына до Киева и Одессы. В октябре — Воронеж и Орёл. Наконец подошли к Туле. В этот момент новая власть молодой советской республики висела на волоске и была в одном шаге от катастрофы. Но именно в середине октября 1919-го положение армии Деникина вдруг ухудшилось: тылы были разрушены махновским рейдом по Украине. Против махновцев пришлось снимать войска с фронта. Ленин заключил перемирие с поляками и с петлюровцами, таким образом, высвободив необходимые силы для борьбы с Деникиным.

После создания необходимого количественного, почти трёхкратного, и качественного превосходства над противником Красная армия перешла в контрнаступление. Уже зимой 1919–1920 гг. войска Деникина оставили Харьков, Киев, Донбасс, Ростов-на-Дону. В феврале — марте последовало их поражение в битве за Кубань. Фронт белых армий развалился и отступил в Новороссийск, а уже оттуда в конце марта отошёл морем в Крым.

После расстрела адмирала Колчака Антон Иванович официально отказался возложить на себя всероссийскую власть. Более того, столкнувшись после поражения своих войск с активизацией оппозиционных настроений в среде Белого

движения, он оставил пост Главнокомандующего, передав его генералу Врангелю. 22 марта 1920 года Антон Иванович отдал свой последний приказ:

> «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооружёнными силами Юга России.
>
> Всем шедшим честно со мною в тяжёлой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спасти Россию».

На следующий день к пристани Константинополя подошедший катер доставил на берег с британского миноносца генерала Деникина и его начальника штаба генерала Романовского. Антону Ивановичу было предложено поехать прямо на английский корабль, но около двух недель в здании русского посольства его ждала жена, которую он очень хотел увидеть. И после любезного согласия генерала В.П. Агапеева, военного представителя при британском и французском командовании в Константинополе, Деникин и Романовский отправились в посольство на ожидавшем их автомобиле. Но то, что произошло после свидания с семьёй, стало для Антона Ивановича поистине страшным потрясением. Рассказывает Д. Лехович:

> «Две комнаты жены с девятью жильцами не могли вместить двух приехавших генералов, и Антон Иванович обратился к пришедшему дипломатическому поверенному в делах с просьбой отвести ему вместе с Романовским лишнюю комнату. Он получил сухой и уклончивый ответ. Для бывшего главнокомандующего не оказалось в русском посольстве комнаты… На помощь подоспел Агапеев, предложивший остановиться во флигеле военного агента.
>
> По роковой случайности, адъютанты Деникина и Романовского выехали из Феодосии на другом корабле и прибыли в Константинополь часом позже своих генералов. А поэтому Иван Павлович Романовский взял на себя их обязанности и всякие мелкие хлопоты.
>
> В то время когда генерал Деникин разговаривал с Агапеевым, Романовского в комнате уже не было. Вдруг раздалось два выстрела.
>
> — Однако у вас пальба, — заметил Деникин Агапееву, а вслед за тем в комнату вбежал бледный полковник Б.А. Энгельгард:

— Ваше превосходительство, генерал Романовский убит!

«Деникин сидел на стуле за столом, — вспоминал эту минуту полковник В.С. Хитрово, вбежавший в комнату вслед за Энгельгардом. — Ничего не отвечая, он схватился двумя руками за голову и молчал». «Этот удар доконал меня, — писал Деникин. — Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни…»»

Убийство начальника штаба генерала Романовского стало глубокой личной драмой Антона Ивановича и, как точно подмечает Д. Лехович, *«жестоким эпилогом всего его бескорыстного служения родине. Со смертью неразлучного друга Ивана Павловича обрывалась одна из последних нитей, связывающих Деникина с эпохой больших надежд, душевных потрясений, радости и безысходного горя»*.

Так генерал Деникин вступил на чужую землю, чтобы уже до конца доживать свой век в эмиграции.

2

Своё отношение к Слащёву генерал Деникин выразил в своих знаменитых «Очерках» следующим образом:

> «К концу декабря корпус генерала Слащёва отошёл за перешейки, где в течение ближайших месяцев с большим успехом отражал наступление большевиков, охраняя Крым — последнее убежище белых армий Юга.
>
> Приняв участие в нашей борьбе ещё со времён Второго Кубанского похода, генерал Слащёв выдвинулся впервые в качестве начальника дивизии, пройдя с удачными боями от Акманайской позиции (Крым) до Нижнего Днепра и от Днепра до Вапнярки. Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали безвременье, успех и грубая лесть крымских животолюбцев. Это был ещё совсем молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налётом авантюризма. Но вместе с тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо.
>
> В крымских перешейках было очень мало жилья, мороз стоял жестокий (до 22 гр.), наши части, так же как и советские, были малоспособны к позиционной войне. Поэтому Слащёв отвёл свой корпус за перешейки, занимая их только сторожевым охранением, и, сосредоточив крупные резервы, оборонял Крым, атакуя промёрзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебуширующего из перешейков противника. В целом ряде боёв, разбивая советские части и преследуя их, Слащёв трижды захватывал Перекоп и Чонгар, неизменно возвращаясь в исходное положение. Начавшиеся в феврале военные действия между большевиками и махновцами, вклинившимися в 14-ю советскую армию, ещё более укрепили положение Крымского фронта.
>
> В результате все усилия советских войск проникнуть в Крым успеха не имели.
>
> Эта тактика, соответствовавшая духу и психологии армий гражданской войны, вызывала возмущение и большие опасения правоверных военных и даже в политических кругах Крыма и Новороссийска. Чувства

эти нашли отражение и в беседе со мной делегации бывшего Особого Совещания… Вместе с тем генерал Лукомский, опасаясь за Перекоп, неоднократно телеграфировал мне о необходимости замены Слащёва «лицом, которое могло бы пользоваться доверием как войск, так и населения».

Цену Слащёву я знал. Но он твёрдо отстаивал перешейки, увольнение его могло вызвать осложнения в его корпусе и было слишком опасным. Такого же мнения придерживался, очевидно, и барон Врангель после вступления своего на пост главнокомандующего. По крайней мере, в первый же день он телеграфировал Слащёву: «…Для выполнения возложенной на меня задачи мне необходимо, чтобы фронт был непоколебим. Он — в Ваших руках, и я спокоен»».

3

Барон Пётр Николаевич Врангель родился в августе 1878 года в Новоалександровске в семье учёного-искусствоведа, писателя и собирателя антиквариата. Известно, что старинный дворянский род Врангелей ведёт свою родословную с начала XIII века. Имя одного из предков барона Врангеля значилось на пятнадцатой стене храма Христа Спасителя в Москве, как раненного во время Отечественной войны 1812 года. Другой предок Петра Николаевича — барон А.Е. Врангель пленил самого Шамиля. Ещё один был известным русским мореплавателем и полярным исследователем (адмирал барон Ф.П. Врангель), имя которого носит остров Врангеля в Северном Ледовитом океане. Сам Пётр Николаевич офицером быть не мечтал и по желанию своего отца готовился к сугубо гражданской карьере. В 1896 г. он окончил Ростовское реальное училище. В 1901 г. — Горный институт в Санкт-Петербурге (с золотой медалью), получив образование инженера. В этом же году, для обязательного по закону прохождения действительной военной службы, в сентябре 1901 г. он поступил вольноопределяющимся 1-го разряда в лейб-гвардии Конный полк, где служили многие из рода баронов Врангелей. Осенью следующего года Пётр Николаевич выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду. Его произвели в чин корнета гвардии и зачислили в запас гвардейской кавалерии. После этого события молодой барон срочно покинул столицу, отправившись в Иркутск чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. После начала Русско-японской войны в 1904 году Врангель в срочном порядке поступает на военную службу во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска в чине хорунжего. Так начинается его служба в Русской армии, которой он посвятит всю оставшуюся жизнь.

За отличия в боях против японцев на груди Петра Николаевича появятся первые ордена: Святой Анны 4-й степени с надписью на холодном оружии «За храбрость» и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В 1906 году штабс-ротмистр Врангель получает назначение в 55-й драгунский Финляндский полк, а в 1907-м его переводят в лейб-гвардии Конный полк в чине поручика.

1907 год стал для барона Врангеля годом важных свершений: во-первых, в августе он женился на фрейлине, дочери камергера Высочайшего Двора, Ольге Михайловне Иваненко, впоследствии родившей ему четверых детей, а во-вторых, в октябре его

зачислили в Николаевскую императорскую академию Генерального штаба.

Например, важность такого события, как поступление в академию, подчёркивает следующий факт: *«Из 300 человек, экзаменовавшихся в Петербурге, было допущено 150, то есть 50 % желающих поступить в академию»*. Далее: *«из 150 офицеров, приехавших держать экзамен в академию, было принято 124 человека, то есть 82,6 %»*.

Об этом писал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, который учился в этом престижнейшем учебном заведении России вместе с бароном Врангелем. Что же касается женитьбы барона, то нетрудно догадаться: фрейлина и дочь камергера для гвардейского офицера — это не только удачный союз, но и успешная карьера.

О том, как учился барон Врангель в академии, спустя годы напишет всё тот же Борис Михайлович Шапошников, в честности которого сомневаться не приходится:

> «Со мной на курсе учился поручик лейб-гвардии конного полка барон Врангель, впоследствии один из руководителей русской контрреволюции на юге России в период гражданской войны 1918–1920 годов, так называемый «чёрный барон». Окончив Горный институт, Врангель пошёл служить в архиаристократический конный полк, участвовал в Русско-японской войне. Вернувшись в Петербург уже в чине поручика гвардии, он поступил в Академию Генерального штаба. Известный кавалергард Игнатьев в своих воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» говорит о том, что офицеры 1-й гвардейской кавалерийской дивизии избегали знакомства с офицерами 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Вот так же и Врангель в академии вёл знакомство только с гвардейцами и кое с кем из армейцев. Я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем. Высокого роста, худой, чёрный, он производил отталкивающее впечатление. С ним-то и произошёл неприятный случай на экзамене по геодезии. Врангель вышел к столу, взял билет, на доске написал: «Барон Врангель, № 8», обозначив номер билета, который он вытащил. Вслед за ним вышел сотник казачьего Донского полка Герасимов, очень умный, скромный и тактичный офицер. Вынул билет, не помню сейчас, какой номер, ну, положим, № 12, и написал: «Герасимов, № 12». Оба стали

готовиться к ответу. Герасимов вытащил очень лёгкий билет — описание мензулы, а у Врангеля был трудный, с какими-то математическими вычислениями. Смотрим, Врангель всё время заглядывает в программу, затем берёт губку, стирает свой № 8 и пишет № 12. Таким образом, у двух слушателей оказался один и тот же билет. Ждём, что же будет дальше. Подходит очередь отвечать Врангелю. Шарнгорст посмотрел в свои записи, потом на доски с номерами билетов и спрашивает Герасимова: «Как это у вас оказался тоже билет № 12?» Тот отвечает, что он взял его и этот номер должен быть записан у Шарнгорста. Врангель молчит. И вот, к нашему удивлению, строгий, неподкупный старик генерал Шарнгорст говорит: «Вы, барон Врангель, отвечаете номер 12, а вы, сотник Герасимов, номер 8». Герасимов и за № 8 получил 12 баллов. Конечно, 12 баллов получил и Врангель, но престиж Шарнгорста и академии упал.

Когда закончился экзамен, в кулуарах собрался весь курс и началось обсуждение поступка Врангеля. К сожалению, суда общества офицеров у нас в академии не было. По адресу гвардейцев было высказано много нелестного. Идти к начальству с жалобой не позволяла офицерская этика, да и что начальство, когда сам Шарнгорст покрыл жульничество Врангеля. Поругались-поругались — и разошлись. Но число бойкотирующих Врангеля, то есть не здоровающихся с ним, увеличилось».

После академии барон Врангель окончил полный курс Офицерской кавалерийской школы (1911). В 1912 году он вернулся в свой Конный полк на должность командира эскадрона, где был произведён в чин ротмистра.

В своей книге «Упущенный шанс Врангеля» А.Б. Широкорад приводит весьма любопытное воспоминание С.В. Карпенко о молодом бароне:

> «Среди однополчан он выделялся крайним честолюбием, решительностью, находчивостью и вспыльчивостью, обладая при этом обычной для конногвардейцев неумеренной склонностью к кутежам. За пристрастие к шампанскому «Piper-Heidsieck» он получил среди товарищей прозвище «Пайпер»».

Графиня Л.Н. Воронцова-Дашкова рассказывала писателю Роману Гулю историю, связанную с упоминанием имени барона

Врангеля:

> «В кругу близких Михаил Александрович часто любил пошутить…
>
> Помню, как подшутил он ещё над приближённым к нему офицером бароном Врангелем. За столом великого князя подавалось вино и водка, но сам он ничего не пил. И как-то шутя предложил со всех пьющих брать штраф в пользу раненых и завёл для этого кружку.
>
> Барон Врангель любил выпить, но был скуп и, дабы не платить штрафа, под разными предлогами стал во время обеда выходить из-за стола в свою комнату и, там выпив изрядно, возвращался к столу. Однажды Михаил Александрович застал Врангеля на «месте преступления», и… барон должен был опустить в кружку великого князя целых 50 рублей!»

Даже по этим мелким деталям из жизни будущего «чёрного барона» можно сделать не самый положительный вывод о чести и характере этого офицера гвардии. Но так скажем, все эти мелочи, как обычно это бывает, остались за кадром официальной биографии барона Врангеля.

Как отмечает Владимир Черкасов-Георгиевский («Главнокомандующий», «Последний рыцарь империи»), «Завсегдатай Офицерского собрания, остряк и прекрасный рассказчик, Врангель, как потом писали свидетели, «обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения, «метко» характеризовал окружающих, из-за чего «уже тогда имел недоброжелателей».

Своим врагам блестящий барон-конногвардеец виделся «крайне честолюбивым, решительным, находчивым и вспыльчивым, обладая при этом обычной для конногвардейцев неумеренной склонностью к кутежам»».

Первую мировую войну барон встретил всё в том же чине и в той же должности. Однако возможность отличиться ему представилась практически сразу.

> «Утром 6 августа 1914 года, спустя несколько дней после начала Первой мировой войны, части лейб-гвардии Его императорского Величества Конного полка, вместе с кавалергардами стремительно наступавшие от восточнопрусской границы, взяли деревню Краупишкен, — пишет В. Черкасов-Георгиевский. — Противник закрепился дальше — в деревне Каушен. Оттуда немецкая пехота и артиллерия обрушили на

русских конногвардейцев бешеный огонь. Был отдан приказ спешиться. И кирасирская гвардия, устилая поле своими телами, пошла на германские батареи в полный рост. В сумасшедшей грохочущей круговерти казалось: столь успешное поначалу русское наступление вот-вот захлебнётся. Вдвойне горько, что в пешем строю гибла кавалерийская элита.

Цел пока оставался лишь единственный эскадрон Конного полка — 3-й шефский Его Величества под командой ротмистра барона Петра Врангеля. По традиции он охранял полковое знамя. Но в критический момент командир дивизии генерал Казнаков был вынужден бросить в бой и его.

Именно благодаря действиям этого эскадрона Каушенский бой позднее войдёт в анналы.

Из служебной характеристики: «Ротмистр барон Врангель — отличный эскадронный командир. Блестяще военно подготовлен. Энергичный. Лихой. Требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона. Хороший товарищ. Хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает очень хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова выдающийся эскадронный командир».

Получив приказ атаковать в конном строю Каушен, Врангель прекрасно знал академические утверждения, что в конной атаке победа над прицельно палящими чуть не в упор пехотинцами и артиллеристами… невозможна…

И конники эскадрона Петра Врангеля ринулись в дымы и разрывы Каушена.

Доскакать можно было, только примеряясь к местности. Врангель превосходно использовал её: перелесок, пригорки, — чтобы под их прикрытием сблизиться с палаческой батареей, наглухо прикрытой мельницей. Эскадрон вылетел против неё на ста тридцати шагах и молниеносно развернулся. Изумлённые внезапностью немцы ударили наудачу…

Но эскадрон уже нёсся в лоб, не сворачивая. И редел — в грохоте пушек, визге пуль, предсмертных криках, лошадином ржанье, свисте осколков… Все его офицеры, кроме командира, и два десятка солдат нашли свою смерть в этом последнем броске.

Конь Врангеля, обливаясь кровью от девяти

картечных ран, рухнул под ротмистром уже около вражеских укреплений. Вскочив на ноги, барон кинулся с шашкой к батарее. Остатки врангелевского эскадрона отчаянно дрались врукопашную на немецких позициях…

Так был взят Каушен.

Командир Конного полка полковник Б.Г. Гартман, раненный в сражении при Каушене, потом писал, что блестящие конные атаки белых — целой дивизией и даже корпусом — во время Гражданской войны явились следствием той веры, которую утвердил во Врангеле Каушенский бой. Ещё бы, в первом же бою той войны он атаковал боеспособную пехоту, поддержанную артиллерией, и имел над ними полный успех. Атака под Каушеном была для Врангеля тем же, чем Тулон — для Наполеона.

Так ротмистр барон П.Н. Врангель стал первым среди офицеров георгиевским кавалером Первой мировой войны, о чём гласит запись в дневнике Государя Императора Николая II (от 1914 года):

«10-го октября. Пятница.

…После доклада Барка принял Костю, вернувшегося из Осташева, и ротм. Л.-Гв. Конного полка бар. Врангеля, первого георгиевского кавалера в эту кампанию…»» Послужной список барона Врангеля весьма наглядно показывает служебный рост Петра Николаевича в период Первой мировой войны.

Уже в сентябре 1914-го его назначают начальником штаба Сводно-кавалерийской дивизии. Затем помощником командира Конного полка по строевой части. В декабре 1914-го Петра Николаевича производят в чин полковника. С октября 1915 г. Врангель командует 1-м Нерчинским казачьим полком Уссурийской дивизии. В конце 1916-го — он командир 2-й бригады Уссурийской конной дивизии. В январе 1917-го произведён в чин генерал-майора и назначен командующим 1-й бригадой Уссурийской конной дивизии. С января 1917-го Врангель временно командовал Уссурийской конной дивизией. В июле 1917-го он допущен к командованию 7-й кавалерийской дивизией, а потом и к командованию Сводным конным корпусом. В сентябре 1917 г. Врангеля назначают командиром 3-го конного корпуса, однако из-за произошедшей революции большевиков от этого назначения барон отказался.

Любопытно, что одной из самых характерных черт Врангеля было его отношение к начальникам в зависимости от их

поведения в боевой обстановке. *«Поэтому он был большим поклонником генерала Ренненкампфа,* — утверждает Черкасов-Георгиевский. — *И уже тогда сказывалось врангелевское стремление к оценке людей с преувеличением их положительных и отрицательных качеств. Для Врангеля они делились на или «потрясающих» или «ни к чёртовой матери» — середины не существовало. По баронской снисходительности, «потрясающий» балл выставлялся много чаще. Однако он неминуемо летел к низшей отметке, если случалось менять впечатление о человеке»*.

В конце 1917 года Врангель поселился в Крыму, на даче в Ялте. Именно там с ним обсуждался вопрос о его поступлении на службу «Курултаю», конечной целью которого было создание независимого татарского государства. Барону предложили должность командующего войсками. Побывав в Симферополе, пообщавшись с действующими лицами, Пётр Николаевич от предложения отказался и вернулся домой. А вскоре его арестовали большевики и после непродолжительного заключения отпустили. Теперь он на всякий случай скрывается вплоть до вступления в Крым германской армии.

Следующим шагом Врангеля, в попытке хоть куда-то пристроить свои воинские таланты, следует поездка в Киев. Там он встречается с гетманом Скоропадским. Однако договориться двум генералам так и не удалось. Правда, во второй раз на завтраке у Скоропадского Пётр Николаевич случайно узнаёт, что проживающий в Киеве генерал А.М. Драгомиров собирается ехать на Дон и Кавказ. Разговор с Драгомировым решает участь барона:

> «Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексеева. Генерал Алексеев получил предложение объединить русские противобольшевистские силы на сибирском фронте, ему обещана широкая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.
>
> Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вместе с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов».

Там Врангель вступает во временное командование 1-й конной дивизией. Всего несколько месяцев спустя его назначают командиром 1-го конного корпуса и за боевые отличия производят в чин «генерал-лейтенанта».

Как уточняет «Википедия», «Пётр Николаевич был противником ведения конными частями боёв по всему фронту. Генерал Врангель стремился собирать конницу в кулак и бросать её в прорыв. Именно блистательные атаки врангелевской конницы определили окончательный результат боёв на Кубани и Северном Кавказе.

В январе 1919 года некоторое время командовал Добровольческой армией, с января 1919-го Кавказской Добровольческой армией. Находился в натянутых отношениях с главнокомандующим ВСЮР генералом А.И. Деникиным, так как требовал скорейшего наступления в царицынском направлении для соединения с армией адмирала А.В. Колчака (Деникин настаивал на скорейшем наступлении на Москву). Крупной военной победой барона стало взятие Царицына 30 июня 1919 года, до этого трижды безуспешно штурмовавшегося войсками атамана П.Н. Краснова в течение 1918 года. Именно в Царицыне прибывший туда вскоре Деникин подписал свою знаменитую «Московскую директиву», которая, по мнению Врангеля, «являлась смертным приговором войскам Юга России». В ноябре 1919 года был назначен командующим Добровольческой армией, действовавшей на московском направлении. 20 декабря 1919 года из-за разногласий и конфликта с главнокомандующим ВСЮР был отстранён от командования войсками, а 8 февраля 1920 года уволен в отставку и отбыл в Константинополь».

4

Оглядываясь назад, генерал Слащёв коснётся и взаимоотношений Деникина с Врангелем. Он напишет об этом не только потому, что это сильно навредило Белому делу, но ещё и по той простой причине, что сам Яков Александрович оказался в эпицентре этого раздора, виновником и зачинщиком которого был, бесспорно, прежде всего барон.

> «Врангель интриговал против Деникина ещё тогда, когда Добровольческая армия была в хорошем состоянии. Уже под Царицыном он доказывал, что Деникин никуда не годится, и тогда ещё нанятые им люди и газеты рекламировали его на всех перекрёстках, выдумывая несуществующие доблести и заставляя толпу невольно этому верить…
>
> Деникин терпел долго, но после поражений в Донецком бассейне Врангель был устранён от должности. Врангель остался не у дел и ведал подготовкой новороссийской эвакуации, добиваясь назначения командиром кубанской, но эту должность у него перебил Шкура.
>
> Врангель обиделся, сел на пароход «Александр Михайлович» и уехал в Крым».

Гораздо подробнее, а самое главное, более объективнее, о конфликте Врангеля с Деникиным написал Димитрий Лехович:

> «К середине ноября 1919 года расхождения между Деникиным и Врангелем поставили последнего в самый центр той политической оппозиции, которая в скрытом виде ещё с конца прошлого года существовала к Деникину в правых кругах и которая нашла наконец в генерале Врангеле открытого выразителя своего недовольства.
>
> В то время, как взаимодействие командующих Добровольческой и Донской армиями со Ставкой Главнокомандующего имели, по выражению Антона Ивановича, «характер обмена оперативными взглядами и не выходили из пределов дисциплины и подчинённости», иначе обстояло дело с командующим Кавказской армией генералом Врангелем.
>
> «Не проходило дня, — писал Деникин, — чтобы от

генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций… Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество… Эти взаимоотношения между начальником и подчинённым, невозможные, конечно, в армиях нормального происхождения и состава, находили благодарную почву вследствие утери преемственности верховной власти и военной традиции».

К этому времени Врангель приобрёл широкую известность как талантливый кавалерист и полководец. У него появилось много восторженных поклонников не только среди офицеров, но и той части гражданского населения, которая видела в нём человека более гибкого и менее ригористического, чем Деникин, в лозунгах борьбы, во взаимоотношениях с вновь образовавшимися государствами на окраинах России и в подходах к целому ряду других принципиальных вопросов. Врангель импонировал наружностью, гигантским ростом, властной манерой в обращении с окружающими. Его решительность, неприятие беспорядков в армии, умение подчинить себе строптивых начальников, честолюбие и несомненная жажда власти — всё это в глазах его сторонников гарантировало перемены в верхах белого движения.

Трудно было представить себе более двух разных людей, нежели Врангель и Деникин.

Врангель обладал красивой наружностью и светским блеском офицера одного из лучших кавалерийских полков старой императорской гвардии. Был порывист, нервен, нетерпелив, властен, резок и вместе с тем имел свойства реалиста-практика, чрезвычайно эластичного в вопросах политики. Деникин же, человек негибкий, никогда не искавший власти, к тому времени разочарованный в своих помощниках, сдержанный, скупой на слова, сохранил в себе, несмотря на все превратности судьбы, некоторые черты идеалиста-романтика, сосредоточенного на внутреннем мире своих принципов и взглядов на жизнь, увы, так резко расходившихся с действительностью. Врангель по натуре

своей был врождённым вождём и диктатором; Деникин видел в диктатуре лишь переходную фазу, неизбежную в условиях гражданской смуты. И неудивительно, что при таком взгляде на свои функции так называемая «диктатура» его имела весьма призрачный характер. В подборе подчинённых генерал Врангель, не считаясь со старшинством и с прошлой службой офицеров, отметал в сторону тех, кто ему подходил.

Иное отношение к этому вопросу было у генерала Деникина. Он связывал себе руки лояльностью к прошлым заслугам своих соратников…

В середине июня 1919 года письма и рапорты генерала Врангеля к Главнокомандующему приняли характер памфлетов, предназначенных для постороннего читателя. С их содержанием Врангель знакомил своих помощников и некоторых общественных деятелей, а через них они становились достоянием офицерской массы и обывателей. Письма и рапорты, составленные в резкой форме требований и критики того, что делалось Ставкой, попадая в руки постороннего читателя, подрывали в его глазах авторитет Главнокомандующего. (…)

Последняя встреча двух генералов состоялась 27 декабря 1919 года. «За время общего разговора, — писал Врангель, — генерал Деникин не сказал мне ни слова».

Больше они никогда не встречались, но окончательный разрыв произошёл только в феврале 1920 года.

Молча и тяжело переживал Деникин «борьбу за власть» человека, которого он когда-то ценил и всячески выдвигал по службе. В неопубликованных заметках Антона Ивановича имеется следующая запись: «Мне вообще тяжело было писать о нашей распре, тем более что в намерение моё не входило дискредитирование моего заместителя на потеху большевикам… История нас рассудит…»(…)

Давно назревавший кризис близился к развязке. Совместная работа была уже немыслима. На сжатом пространстве Крыма Деникину и Врангелю было слишком тесно, и через британского военного представителя генерала Хольмана генералу Врангелю от имени Главнокомандующего предложено было покинуть пределы Вооружённых сил Юга России.

Перед своим отъездом в Константинополь генерал

Врангель в порыве раздражения отправил Главнокомандующему «обличительное» письмо.

Несколько лет спустя, когда барон Врангель готовил к печати свои воспоминания, он не процитировал полностью текст этого письма. Он признал, что, «написанное под влиянием гнева», оно «грешило резкостью, содержало местами личные выпады».

«Боевое счастье улыбалось вам, росла слава и с ней вместе стали расти в сердце вашем честолюбивые мечты… Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, «отдавая свою жизнь служению горячо любимой родине» и «ставя превыше всего её счастье»… Не жизнь приносите вы в жертву родине, а только власть, и неужели подчинение другому лицу для блага родины есть жертва для честного сына её… эту жертву не в силах был уже принести возвестивший её, упоённый новыми успехами честолюбец… Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты…

Цепляясь за ускользавшую из ваших рук власть, вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и, уступая самостийникам, решили непреклонно бороться с вашими ближайшими помощниками, затеявшими, как вам казалось, государственный переворот».

В этом письме Деникин выставлялся человеком «отравленным ядом честолюбия, вкусившим власти, окружённым бесчестными льстецами», думающими уже «не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти». (…)

Ответ Деникина Врангелю был направлен в «собственные руки». В печати он появился лишь много лет спустя:

«Милостивый государь Пётр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены…

Если у меня и было маленькое сомнение в вашей роли в борьбе за власть, то письмо ваше рассеяло его окончательно. В нём нет ни слова правды. Вы это знаете. В нём приведены чудовищные обвинения, в которые сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала вы делаете всё, что

можете.

Когда-то, во время тяжкой болезни, постигшей вас, вы говорили Юзефовичу, что Бог карает вас за непомерное честолюбие…

Пусть Он и теперь простит вас за сделанное вами русскому делу зло»».

Здесь следует особо подчеркнуть, что, кроме всего прочего, генерал Врангель за спиной генерала Деникина вёл переговоры с некоторыми из старших начальников об удалении Антона Ивановича с поста Главнокомандующего. Но тогда у него это не получилось. Но, как говорится, было бы счастье, да несчастье помогло… Вот только Врангелю…

В марте 1920-го, когда генерал Кутепов не смог выполнить приказ Деникина оборонять Таманский полуостров, из-за чего не особенно сложная операция по переброске артиллерии и конницы в Крым вдруг провалилась, управление армией было потеряно. Началась паника, перешедшая в её более страшную форму — катастрофу. Тяжело переживая случившееся, генерал Деникин принимает решение уйти.

Вот как об этом пишет Д. Лехович:

«Поздно ночью, 19 марта, Деникин вызвал своего нового начальника штаба генерала Махрова.

«Вид (у Деникина) был измученный, усталый, — рассказывал Махров. — Он вручил мне для рассылки приказ о выборе нового Главнокомандующего и нашу короткую беседу закончил словами: «Моё решение бесповоротно. Я всё взвесил и обдумал. Я болен физически и разбит морально; армия потеряла веру в вождя, я — в армию».

Приказ, о котором говорил генерал Махров, был разослан всем начальникам, включая, конечно, командиров Добровольческого и Крымского корпусов, а также начальникам дивизий и бригадным командирам, старшим офицерам флота, Ставки, других штабов с предложением собраться 21 марта в Севастополе на Военный совет под председательством генерала А.М. Драгомирова «для избрания преемника Главнокомандующему Вооружёнными Силами Юга России».

«В число участников, — писал генерал Деникин, — я включил и находившихся не у дел известных мне претендентов на власть, и наиболее активных представителей оппозиции». Особой телеграммой из

Константинополя был вызван на Военный совет генерал Врангель».

Решения Военного совета Деникин ждал два дня в Феодосии.

«Генерал Врангель прибыл в Севастополь 22 марта утром, — пишет Николай Росс. — Председатель военного совещания генерал Драгомиров сообщил ему, что на первом заседании не смогли договориться, так как значительное число членов совещания считало неуместной саму процедуру выбора главнокомандующего. Запрошенный по телефону в Феодосии генерал Деникин продолжал отказываться от назначения себе заместителя. Пока генералы Врангель и Драгомиров обсуждали положение, в соседнем зале севастопольского «Большого дворца» собиралось на заседание многолюдное и шумное военное совещание… генерал Драгомиров исключил из списка участников совещания всех лиц должностью ниже командира корпуса «или равных им по власти». Осталось, включая самого Врангеля, 20 человек. Когда они все собрались, генерал Врангель сделал сообщение о решении англичан прекратить Деникину всякую помощь, если тот не откажется от продолжения вооружённой борьбы против большевиков, — что Врангель узнал от адмирала де Робека. Затем, когда была принята предложенная Драгомировым новая процедура назначения преемника генерала Деникина — довести до сведения генерала Деникина имя выбранного старшими начальниками кандидата и снова предложить ему назначить себе преемника, — генерал Врангель снова попросил слова и заявил, что новый главнокомандующий, кем бы он ни был, не сможет при нынешних обстоятельствах обещать победы и что «самое большее, что можно от него требовать — это сохранить честь вверенного армии русского знамени»».

Значительно дополняют эту картину факты, приведённые в книге Д. Леховича:

«Добровольцы твёрдо и единодушно настаивали на том, чтобы просить генерала Деникина остаться у власти, так как, по словам одного из участников, «мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Начальник Дроздовской дивизии генерал Витковский

заявил, что «чины его дивизии находят невозможным для себя принять участие в выборах и категорически от этого отказываются». К его заявлению сразу же присоединились начальники Корниловской, Марковской и Алексеевской дивизий, других частей добровольческого корпуса. Все собравшиеся добровольцы внимательно следили за поведением генерала Кутепова. Они не могли понять, почему он не поддержал их единогласного призыва к генералу Деникину не покидать их.

А Кутепов, знавший о непреклонном решении Главнокомандующего, подавленный всем происшедшим, писал потом:

«Я отлично сознавал, что генерала Деникина заменить никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно».

Генерал Сидорин от имени донцов отказался «давать какие-либо указания о преемнике, считая своё представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу». Отказался голосовать за свой корпус и генерал Слащёв. Он мотивировал отказ тем, что только три представителя его от корпуса смогли приехать на заседание. Единственным исключением оказались моряки. Они выставили кандидатуру генерала Врангеля».

Как утверждает Лехович, *«всем участникам заседания было ясно, что приезд Врангеля в Крым означал его принципиальное согласие принять Верховное командование. Убедившись, наконец, что Деникин не изменит своего решения, Военный совет остановился на кандидатуре Врангеля. Драгомиров тут же известил об этом Деникина. Он просил Главнокомандующего прислать приказ о назначении Врангеля «без ссылки на избрание Военного совета»»*.

В ответ Антон Иванович отдал свой последний приказ, в котором первым пунктом и состоялось назначение генерала Врангеля Главнокомандующим.

5

> «5 апреля 1920 г. Врангель вступил в командование Вооружёнными силами Юга России, — отметит в своей книге Я.А. Слащёв. — Деникина я так и не видел, и это, пожалуй, к лучшему: я его помню заблуждающимся, но честным человеком».

Князь Оболенский, например, знал о Врангеле, *«как о выдающемся молодом генерале, победителе при Царицыне, известном своей решительностью и безусловной честностью»*.

Но минус нового вождя князь видел прежде всего в том, что *«овладеть Врангелем собираются в сущности те же силы, которые… погубили Деникина»*.

Более того, Оболенского *«возмущало, что Врангель распространял в это время в Крыму своё письмо к Деникину, полное личных выпадов против этого неудачного диктатора, но благородного человека и патриота»*.

Любопытно сравнение князем Деникина и Врангеля:

> «Деникин очаровывал своим милым добродушным лицом, простотой обращения и ласковой, слегка лукавой улыбкой. Чувствовалось, что с ним можно было говорить откровенно, о чём угодно и совершенно запросто. Однако, когда я бывал у него, всегда выходило так, что он куда-то торопился, смотрел на часы, и я видел, что разговор со мной его мало интересует. Инициатива разговора принадлежала мне, он же давал реплики, иногда возражал, но почти ничего не спрашивал. Этот несомненно умный и одарённый человек был чрезвычайно прямолинеен в своих чувствах, взглядах и суждениях. Раз усвоив их, он оставался им верен до конца, хотя бы жизнь на каждом шагу давала ему разочарования».

Врангель: *«…и его высокая, стройная и гибкая фигура «джигита» в чёрной черкеске, его странное, удлинённое лицо с живыми, несколько волчьими глазами произвели на меня большое впечатление. Во всём — в манере говорить, в нервных, повелительных жестах, во взгляде, в голосе — чувствовался сильный и волевой, решительный человек, созданный быть вождём. Неприятно поражала несуразно длинная шея, без всякого утолщения переходящая в затылок и как будто кончающаяся*

только на макушке. Эта шея с плоским затылком совершенно не гармонировала с умными, проницательными глазами, придавая его облику какой-то отпечаток легкомыслия».

По мнению генерала Шатилова, Врангель слыл светским человеком, любившим общество. Прекрасно танцевал и дирижировал на балах. Непременно участвовал во всех офицерских товарищеских собраниях. Николай Росс добавляет к этому свидетельства очевидцев:

> «Физический облик генерала Врангеля выделял его из его окружения: он был очень высокого роста, с длинной шеей, длинным лицом и большими глазами, несколько навыкате. Даже обсуждая серьёзные вопросы, он не всегда смог сдержать тонкой иронической улыбки. Он любил одеваться в светло-серую или тёмную черкеску и носил папаху кубанку. Голосом своим он владел в совершенстве, придавая ему громовые раскаты, когда выступал перед войсками, или спокойную убедительность в разговоре с частным посетителем. Здоровье у него было хорошее, хотя при сильном волнении, вследствие полученной в бою контузии, появлялись очень болезненные сердечные спазмы.
>
> Нередко знакомившихся с генералом Врангелем людей поражала его «чисто юношеская импульсивность». Долго проживший с ним в одном поезде А.А. Валентинов описывает, как «после обеда главком, увлечённый спором во время прогулки по платформе, вытащил кинжал, присел на корточки и принялся чертить на асфальте какую-то схему»…
>
> У генерала Врангеля было большое чувство юмора и вообще склонность к ироническому восприятию людей и ситуаций. Войдя в тон самого главнокомандующего, его окружение про него говорило, что земельный закон он учредил лишь потому, что у его тёщи в Северной Таврии было огромное имение… А на жалобу о том, что земельный закон слишком тяжёл для помещиков, Врангель отвечал с улыбкой, что он сам помещик и что у него первого придётся делить землю».

Отношение Врангеля к генералу Слащёву также не было лишено чувства юмора. Но если быть более точным, то скорее сарказма. В своих мемуарах он просто высмеивает бывшего своего подчинённого:

> «Я видел его последний раз под Ставрополем, он

поразил меня тогда своей молодостью и свежестью. Теперь его трудно было узнать. Бледно-землистый, с беззубым ртом и облезлыми волосами, громким ненормальным смехом и беспорядочными порывистыми движениями, он производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека.

Одет он был в какой-то фантастический костюм — чёрные, с серебряными лампасами брюки, обшитый куньим мехом ментик, низкую папаху-«кубанку» и белую бурку.

Перескакивая с одного предмета на другой и неожиданно прерывая рассказ громким смехом, он говорил о тех тяжёлых боях, которые довелось ему вести при отходе на Крым, о тех трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы собрать и сколотить сбившиеся в Крыму отдельные воинские команды и запасные части разных полков, о том, как крутыми, беспощадными мерами удалось ему пресечь в самом корне подготовлявшееся севастопольскими рабочими восстание».

«Наконец день нашего отъезда был окончательно установлен. За несколько дней до него я получил письмо генерала Слащёва. Письмо это было совершенно сумбурное. Слащёв убеждал меня не уезжать из Константинополя и ожидать какой-то телеграммы от него и Сената (Сенат из Ростова был эвакуирован в Ялту, где продолжало оставаться большинство сенаторов).

Он просил меня верить в бескорыстность руководивших им чувств, «но, — писал он, — учитывая в армии популярность Вашего и моего имени, необходимо их связать, назначив меня Вашим начальником штаба». Письмо было для меня загадкой. Через несколько дней она разъяснилась».

«Фронт удерживался частями генерала Слащёва, сведёнными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую ещё в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек. Общая же численность противника на фронте генерала Слащёва — 13-й советской армии — была до 6000 штыков и 3000 шашек. При этих условиях сил у генерала Слащёва для обороны перешейков было достаточно,

однако сборный состав его частей, их слабая подготовка и отмеченное нашей разведкой постоянное усиление противника заставляли считать наше положение далеко не устойчивым».

«Я собирался ехать на крейсер «Генерал Корнилов», когда мне передали принятую по аппарату телеграмму генералу Слащёва; последний телеграфировал, что считает моё положение в Севастополе опасным и просит разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для моей охраны. Я приказал ответить, что в охране не нуждаюсь, прибытие бронепоезда и войск считаю излишним, лично же генерала Слащёва всегда рад буду видеть».

«Генерал Слащёв, бывший полновластный властитель Крыма, с переходом ставки в Феодосию оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащёв, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей среди общего развала он отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц».

«Прибыл генерал Слащёв. После нашего последнего свидания он ещё более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я ознакомил его с последними

решениями военного совета. Генерал Слащёв ответил, что с решением совета он полностью согласен, и просил верить, что его части выполнят свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма. Затем генерал Слащёв затронул вопросы общего характера. Он считал необходимым в ближайшие дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределённая в последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп, окончательно сбила с толку всех. Необходимо было ясно и определённо дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать их из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащёв стал жаловаться на «левизну» начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые якобы «совсем ненадёжны», что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса «подготавливают переворот», чем и вызвана была его телеграмма накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащёву съехать со мной на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника генерала Слащёва в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба в генерал-майоры. Генерал Слащёв отбыл на фронт, я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов», где принял депутацию духовенства и общественных деятелей».

«В Севастополе я пробыл всего день и проехал в Симферополь, где смотрел части 1-го корпуса, несущие в городе гарнизонную службу, присутствовал на

молебствии в соборе, принимал ряд должностных лиц и осмотрел несколько лечебных заведений. По приезде на вокзал я был встречен почётным караулом от Добровольческого корпуса и был очень поражён увидеть выстроенный у моего вагона караул юнкеров Константиновского училища, входившего в состав частей, подчинённых генералу Слащёву. На правом фланге стоял сам генерал Слащёв; последний доложил мне, что, узнав о предстоящем прибытии моём в Симферополь и «не доверяя добровольцам», прибыл с юнкерами для моей охраны. Я весьма сухо заметил ему, что одинаково доверяю всем частям и ни в какой особой охране не нуждаюсь, и, поздоровавшись с юнкерами, прекратил дальнейшие разговоры и прошёл к почётному караулу 1-го корпуса, а затем на площадь, где были выстроены войска. Генерал Слащёв был, видимо, весьма смущён».

«Одним решительным ударом был положен предел оппозиционной работе донского командования. Происками и интригами недовольных генералов наступил конец. Одновременно с генералами Сидориным и Келчевским выехали за границу генералы Покровский, Боровский, Постовский. Интриги прекратились.

Один лишь генерал Слащёв не мог успокоиться. Убедившись, что я в разговорах с ним тщательно избегаю касаться всего того, что не имеет отношения к вопросам, связанным с его командованием, он стал засыпать меня своими сумбурными рапортами. Рапорты эти столь характерны, что я не могу не привести одного из них.

5 апреля 1920 года

СЕКРЕТНО В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ

Главнокомандующему Вооружёнными Силами на Юге России

№ 021

РАПОРТ

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего Главнокомандующего и командвойска не вполне уясняют себе ложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть, и худо, но не способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Всё это сказалось:

1. Печать, идущая на помощь фронту, остаётся без бумаги либо болтается из стороны в сторону.

2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому — нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идёт с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица «Керенского» направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на военном совете (уход генерала Деникина) заявили во всеуслышание, в присутствии командиров полков, что если генерал Деникин уйдёт, то они служить не смогут, и провозгласили ему «ура». Это заявление и «ура» на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: «Чему мы служим — Родине или лицам?» Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулемётов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят всё дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности «лиц», подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой — на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых — отметил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правителем) без флёра, а ясно для всех (для народа).

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим — хлеб за труд.

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева, хотя бы на должности, где их интриги будут бессильны.

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

VI. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово своё сдержал.

Честь свою я сохранил и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжёлый момент не могу, назначьте меня туда, куца найдёте нужным, хотя бы рядовым — я сделаю всё, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдёте нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащёв».

«4 августа я получил рапорт генерала Слащёва:

Срочно. Вне очереди. Главкому.

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая

обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжёлые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы согласно директиве и обстановке. Всё это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже своё дело сделал, а теперь являюсь лишним.

№ 519, х. Александровский, 23 часа 2 августа 1920 года. Слащёв.

Рапорт этот являлся ответом на телеграмму мою, в коей я выражал генералу Слащёву неудовольствие по поводу его последней операции. Я решил удовлетворить его ходатайство и освободить от должности. Ценя его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время всё более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным.

Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащёв окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада главного военного прокурора об аресте, по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа, начальника контрразведки генерала Слащёва военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащёв всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие между прочим обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащёвым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника Протопопова как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причём вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащёва была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответственен за свои поступки.

Немедленно по получении рапорта генерала Слащёва я телеграфировал ему:

Генералу Слащёву

Я с глубокой скорбью вынужден удовлетворить возбуждённое Вами ходатайство об отчислении Вас от

должности командира 2-го корпуса. Родина оценит всё сделанное Вами. Я же прошу принять от меня глубокую благодарность. Назначенный командиром 2-го корпуса генерал Витковский завтра выезжает в село Чаплинку. Впредь до его прибытия в командование корпусом укажите вступить старшему. Вас прошу прибыть в Севастополь.

4(17) августа, № 009379. Врангель.

Назначенный командиром 2-го корпуса, начальник Дроздовской дивизии генерал Витковский был генерал большой личной храбрости, прекрасно разбиравшийся в обстановке, исключительно хороший организатор. Последнее было особенно важно для 2-го корпуса, сильно расстроенного управлением последнего командира. (…)

5 августа генерал Слащёв прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слёзы беспрерывно текли по его щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнений, что передо мной психически больной человек. Он упоминал о том, что «вследствие действий генерала Коновалова явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к лево-социал-революционному знаменателю», упрекал меня в том, что «чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода генерала Деникина, что если уйдёт Деникин — уйдёт и Витковский со своей Дроздовской дивизией». Рапорт заканчивался следующими словами: «Как подчинённый ходатайствую, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба Главнокомандующего, начальником штаба 2-ш корпуса и надо мной…»

С трудом удалось мне его успокоить. Возможно задушевнее я постарался его убедить в необходимости лечиться, высказывая уверенность, что отдохнувши и поправившись, он вновь получит возможность служить нашему общему делу. Я обещал сделать всё от меня зависящее, чтобы уход его не был истолкован как отрешение. В изъятие из общих правил, я наметил зачислить генерала Слащёва в своё распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность

спокойно заняться лечением. В заключение нашего разговора я передал генералу Слащёву приказ, в коем в воздаяние его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование «Крымский»; я знал, что это была его давнишняя мечта (приказ № 3505, 6(19) августа 1920 г.).

Слащёв растрогался совершенно; захлёбывающимся, прерываемым слезами голосом он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть.

В тот же день генерал Слащёв с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащёв жил в своём вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащёв в фантастическом белом ментике, расшитом жёлтыми шнурами и отороченным мехом, окружённый всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу, по дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащёв дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьёзного лечения. По словам врачей, последнее возможно было лишь в санатории, и рекомендовали генералу Слащёву отправиться для лечения за границу, однако все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, он решил поселиться в Ялте…»

Всё это, написанное бароном уже на чужбине, вполне можно было бы принять за горькую правду, если бы не одно но… В своей книге митрополит Вениамин, уже упоминаемый нами, чёрным по белому написал:

«В другой раз генерал Врангель поехал на Джанкойский фронт, ближе к Азовскому морю. Красные наступали тремя цепями. С левого боку от них и значительно впереди шёл бронепоезд. Всё это было видно нам. Наши наступали тремя цепями, и тоже с бронепоездом, шедшим впереди.

Друг друга угощали гранатами. Генерал Врангель и мне предложил прогуляться. Сказали мы краткие речи и пошли. Прошли третью цепь, потом вторую. То слева, то справа рвались гранаты. Ещё издалека слышался

визжащий лёт: «Гу-у!» И не знаешь, куда она угодит. Вдруг справа «Ба-ах!» между рядами. Идём дальше, ещё: «Гу-у-у, ба-а-ах!» Я никак не могу удержаться, от страха непроизвольно вскрикиваю и непременно пригибаюсь к земле. «Ну как вам, владыка, не стыдно кланяться всякой гранате?» — шутит Врангель, быстро шагая на своих длинных ногах, так что мы едва успеваем скоренько следовать за ним.

Сам он шёл совершенно спокойно. Так же спокойно, по видимости, вели себя офицеры и ряды солдат. Привыкли, что ли, они? Или скрывали чувство страха? Вероятнее, привыкли. Прошли мы и первую цепь. Впереди, довольно далеко, был наш бронепоезд, а навстречу ему двигался красный. Точно два быка впереди своих стад, сходились они в бой. Генерал Врангель хотел пройти и туда. Но генерал Слащёв очень ласково, но твёрдо отрапортовал, что Врангель у нас один главнокомандующий и рисковать собою не имеет права. Врангель послушался. Вот в этот раз я и видел Слащёва в валенке на одной ноге и в сапоге на другой. Но всё же он был красив и привлекателен!»

6

> «Проблемы у боевого генерала начались, когда на пост командующего вооружёнными силами юга России перешёл от А.И. Деникина к П.Н. Врангелю, — рассказывает С. Ченнык. — К тому времени ситуация была достаточно стабилизирована, в тылу все успокоились, и на Слащёва набросились недоброжелатели, которых за время защиты Крыма у него появилось великое множество. Он был немедленно обвинён во всех грехах, с которыми сам же боролся. Пресса слепила образ психически неуравновешенного социально опасного человека, «предавшегося болезненной страсти к возлияниям и наркотикам», потерявшего контроль над собой «в общей атмосфере распущенности». Врангель, чувствуя в нём не просто яркую личность, но и подозревая возможную политическую конкуренцию, не только не возражает против таких дискредитирующих командира корпуса нападок, но и подогревает их. В итоге он отстраняет Слащёва от должности. Слащёв сам написал рапорт новому главнокомандующему, требуя суда над собой. Почти шесть лет непрерывной войны не могли не сказаться на психике. Нервная система генерала была истощена. Когда он был нужен, на его проделки смотрели сквозь пальцы. Как-то Врангелю сообщили о чудачествах Слащёва, он ответил: «Какое вам дело? Если он даже воткнёт павлинье перо себе себе в з…цу, но будет продолжать так же хорошо драться, это безразлично»». Но теперь Врангель поступает иначе…

В очерке генерала Аверьянова о Слащёве есть очень интересный эпизод, который раскрывает Якова Александровича ещё с одной стороны:

> «Производство в чины и награждение орденами за Гражданскую войну Слащов считал лишними, ненужными, даже вредными, создающими «вундеркиндов», развращающими Добрармию и понижающими значение и чина, и награды. Но установление знака в память того или иного периода борьбы, ознаменованной самопожертвованием и георгиевскими подвигами и трудами войск, знака,

выдаваемого при этом всем действительным участникам борьбы в этот период, Слащов признавал очень полезным для воспитания войск, поддержания в них духа и создания традиций.

Так, когда кончился период самостоятельной обороны Крыма войсками одного лишь слащовского отряда, Слащов просил генерала Врангеля установить знак в виде небольшого восьмиконечного православного креста на ленточке русских национальных цветов (для ношения на груди, как носились медали), и наградить этим знаком всех чинов (офицеров и солдат) слащовского отряда, не допустившего превосходным силам большевиков овладеть Крымом. Генерал Врангель отнёсся к этому ходатайству очень недоброжелательно, не постеснявшись высказать Слащову, что, по его, Врангеля, мнению, нет оснований для такой награды, так как «отряд боёв почти не вёл, потери нёс незначительные, он больше сидит на позиции». Конечно, такое мнение генерала Врангеля было явно пристрастным и совершенно не соответствовавшим действительности: будущий военный историк легко и с большой точностью установит, что в эпоху обороны Крыма Слащовым соотношение сил обеих сторон было в значительно большей степени не в пользу белых, нежели в эпоху обороны Крыма генералом Врангелем. Наконец, и самый «критериум» для оценки степени боевого успеха, выдвинутый Врангелем, а именно: «количество потерь», совершенно неверен, не говоря уже о том, что и самые потери не были такими ничтожными, т. к. бывали дни, когда из строя выбывало по 20 и более офицеров. Вскоре, однако, Врангель переменил своё первое решение по ходатайству Слащёва и наградил его отряд жестяными знаками на головной убор с надписью «За защиту Крыма», каковыми знаками с надписью «За отличие» или «За отличие в таком-то деле» и т. п. награждались части императорской армии, но только царские знаки были изготовлены более или менее изящно, а врангелевские, по описанию очевидцев, были, по-видимому, вырезаны тупыми ножницами крайне небрежно из ржавой жести, причём надпись на этих значках была выцарапана гвоздём.

В такой награде Слащов не без оснований усмотрел намерение со стороны Врангеля унизить и оскорбить его, Слащова, а также и «только сидевшие на позиции»

войска слащовского отряда. Поэтому в своём приказе по отряду Слащов не приказал носить на головных уборах эти знаки, а лишь «разрешил желающим носить эти знаки на головном уборе», но никто в отряде этим разрешением не воспользовался».

Сам же Слащов в своих воспоминаниях по этому поводу, как всегда, краток и точен: «…Ничего исполнено не было, а дана была бляха на шапку (вроде как у городовых в старое время)».

«Необходимо отметить, — подчёркивает С. Ченнык, — *что к этому времени взаимоотношения между Слащёвым и Врангелем стали совершенно негативными. Корпусной командир откровенно критиковал своего начальника за бездарное руководство войсками, отсутствие тактического мышления и, как следствие, невероятно большие потери.*

В свою очередь, в апреле 1920 г. П.Н. Врангель переименовал 3-й армейский корпус во 2-й и его наименование «Крымский» незаметно, но постепенно, стёрлось из употребления». И тем не менее сам Врангель прекрасно понимал влияние генерала Слащёва в армии и только поэтому не стал обострять свои отношения с ним. Исходя из этих соображений, и появился «Приказ Главнокомандующего Русской Армией»:

«г. Севастополь
6/19 августа 1920 г.

В настоящей братоубийственной войне среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь за здоровье и счастье Родины.

Среди таких имён займёт почётное место в истории освобождения России от красного ига — имя генерала Слащова.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли — Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины.

России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой. Я верю, что, оправившись, генерал Слащов вновь поведёт войска к победе; дабы связать навеки имя генерала Слащова со славной страницей настоящей великой борьбы, — дорогому сердцу русских воинов генералу Слащову именоваться впредь — Слащов-Крымский.

Главнокомандующий генерал Врангель».

«Генерал Я.А. Слащов, — констатирует С. Ченнык, — стал вторым после генерал-аншефа, князя Василия Михайловича Долгорукова обладателем подобного титула.

(Долгорукий получил его в 1772 г.) Спустя буквально несколько дней постановлением Ялтинской городской думы от 10 сентября 1920 г. генералу Слащёву было преподнесено звание «Почётного гражданина города Ялты» с размещением в городском управлении его портрета».

* * *

Завершая эту главу, было бы не совсем правильно, с исторической точки зрения, пропустить так называемую «Орловщину».

Участник Белого движения В. Дружинин в Софии в 1928 году запишет:

«…Через два дня мы прибыли в Симферополь и расположились в Крымских казармах, где стоял конвой генерала Слащова. Начали знакомиться с городом. Вскоре нас удивило то, что у всех жителей на устах было два имени: Слащов и Орлов.

В это время генерал Слащов был героем Крыма. Его все боялись и уважали. Только благодаря его самообладанию Крым был спасён от красных и принял тысячи добровольцев и беженцев из Новороссийска, Туапсе и Грузии. Слащов отдавал свои знаменитые, пародии на суворовские, приказы, и все им восхищались. Так, например, по случаю сдачи Перекопа в начале марта 1920 года он написал приказ:

«Кто отдавал приказание сдать Перекоп? Перекоп завтра взять!

Слащов».

Его приказы были злобой дня. Даже барышни и те цитировали его приказы. Генерал Слащов был грозой тыла и любимцем фронта. Где появлялся он, там был обеспечен успех. Многие утверждали, что он ненормальный и только кокаин даёт ему энергию. Появлялся он в роскошной казачьей форме.

Его противником был капитан Орлов, который

восстал против произвола генералов. С этим Орловым быстро покончил Слащов.

«Орловцы» — их было около 2000 человек — большей частью принесли повинную Слащову, а остальные разбежались по Крымским горам и превратились в «зелёных»».

Капитан Николай Иванович Орлов родился в Симферополе, в 1912 г. окончил гимназию, участвовал в Первой мировой войне. В рядах 60-го пехотного Замосцкого полка и был произведён в офицерский чин. В 1917-м он штабс-капитан. С ноября следующего года Орлов сформировал 1-й Симферопольский офицерский батальон, во главе которого в январе 1919-го подавил большевистское восстание в каменоломнях в районе Евпатории. В дальнейшем командовал 1-м батальоном Симферопольского офицерского полка, входившего в состав 4-й пехотной дивизии. С декабря 1919-го формировал в Симферополе «Особый отряд обороны Крыма», развёрнутый затем в 1-й Симферопольский добровольческий офицерский полк. После двух попыток вооружённого мятежа бежал в горы, где скрывался до занятия Крыма Красной армией.

Князь В.А. Оболенский характеризовал Орлова как георгиевского кавалера, известного своей невероятной физической силой, храбростью и полной порядочностью. Однако, по его же мнению, Орлов производил впечатление *«человека, искренне угнетённого всем происходящим, но несколько легкомысленного и ограниченного — качества, особенно подчёркивавшиеся большой самоуверенностью и резкостью его суждений»*.

Примерно такого же мнения об Орлове был и Слащёв: *«И вот капитан Орлов в Крыму возглавил группу, провозглашавшую борьбу с высшим комсоставом.*

Капитан Орлов — кадровый офицер, неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением. В тылу Добровольческой армии развилась мания формирования частей. Старый крымчанин Орлов взялся за это. В момент моего прибытия в Крым он уже имел «мандат» на формирование части».

В своей книге Яков Александрович называет «Орловщину» не иначе, как «движение партии «И.И.» («Испуганный интеллигент»)». В частности, он пишет:

«Орловщина зародилась не в Крыму — там она, благодаря Орлову, получила только своё название. Орловщина была результатом поведения старшего

командного состава белых и появилась в Крыму после бегства от Орла и с предыдущими эвакуациями весною 1919 г. из Одессы и из Севастополя; она питалась ожиданием таковых в будущем при поражении…»

Надо сказать, что Орлов своими восстаниями и протестами доставил немало хлопот Белой армии. О нём злобно писали генералы Деникин и Врангель. Но нельзя забывать о том, что поставить на место этого наглого штабс-капитана мог только Яков Александрович Слащёв.

Например, в январе 1920 года, когда Орлов получил приказ Слащёва о выдвижении на фронт, штабс-капитан в день атаки красных на Тюп-Джанкой (совместно с князем Романовским и герцогом Лейхтенбергским) захватывает Симферополь. Он арестовывает коменданта, губернатора, а также начальника штаба войск Новороссии и начальника гражданской части.

Этот назревающий бунт подавляется Слащёвым достаточно просто. Он отправляет Орлову телеграмму следующего содержания: «Если не освободите арестованных, то взыщу я». Следом отправляет вторую: «Бывшему отряду Орлова построиться на площади у вокзала для моего осмотра». В результате мятежный офицер уходит из Симферополя. С ним остаются около 150 человек. Остальные 400 из его отряда, построившись у симферопольского вокзала, ожидают прибытия Слащёва.

Во второй раз Орлов вместо необходимого участия в боях, когда на фронте сложилось весьма критическое положение, покинул своё расположение и направился в Симферополь.

Вот как об этом пишет сам Яков Александрович:

«Орлов, узнав о собранных для неизвестной цели в Симферополе припасах, получил мой приказ сдать отряд, двинулся на Симферополь.

Прямо объявить о своих намерениях он не решился. Людям своим он заявил, что генерал Слащёв приказал двигаться на Симферополь, где начались беспорядки. Он был настолько военно безграмотен, что такой же приказ дал стоявшим около него танкам, но там сейчас же усомнились в том, чтобы я мог дать приказ танкам идти походным порядком на Симферополь, и донесли мне.

За Орловым была организована погоня сводным полком 9-й кавалерийской дивизии (400 шашек) с 8 конными орудиями и 100 шашками конвоя, с моим поездом и 2 бронепоездами, взятыми из Таганаша. Лётчики следили за движением Орлова. На фронте была уже победа».

Вспоминая подавление второго и последнего бунта Орлова, Слащёв напишет:

> «Орловщина была уничтожена, но расцветала врангелевщина».

Глава девятая
Последние бои. Эвакуация. Чужбина

1

В первых числах сентября на военном транспорте «Буг» генерал Слащёв прибыл в Ялту. Горожане встретили его шумными овациями, а представители городского самоуправления выразили своё уважение, единогласно избрав Якова Александровича почётным гражданином города Ялты. Также защитнику белого Крыма было отведено специальное помещение в Ливадии в Министерской даче, в которой ранее проживал министр императорского двора граф Фредерикс.

Место прекраснейшее, место курортное, место для настоящего отдыха — Ливадия — ещё не так давно была южной резиденцией российских императоров (с 1861 г.) и располагалась на берегу Чёрного моря всего в трёх километрах от Ялты. Дворец, в котором поселился Слащёв, представлял собой трёхэтажный особняк в стиле модерн, построенный в период между 1902–1916 гг. Здесь молодой генерал прожил всего около трёх недель, где начал свою работу над собранием материалов для истории защиты Крыма. В Ливадии Яков Александрович впервые начинает ворошить в памяти пока ещё самые свежие воспоминания, которые обязательно пригодятся. Очень скоро…

> «Сдав должность Командира Второго Корпуса, я 5-го августа прибыл в Севастополь к Главному генералу Врангелю и подал ему рапорт:
>
> 4 августа 1920 г. Главкому
>
> РАПОРТ
>
> Считаю своим долгом более подробно донести Вам причины, вызвавшие мой рапорт об отставке. Они следующие:
>
> 1) Вы заняты общегосударственными вопросами и не в состоянии были уследить за всеми нитритами, создававшимися кругом Вас.
>
> 2) Вокруг Вас составилась компания, проводящая свои личные интересы и имеющая во главе генерала Коновалова.
>
> 3) Ваш Начальник Штаба генерал Шатилов, будучи человеком честным, но видимо, слабовольным, во всём подчинился злому гению Юга России — генералу Коновалову, который уже довёл генерала Боровского до Ак-Маная, а генерала Шиллинга до Одессы.
>
> 4) Участвовать в сознательной работе на погибель России не могу.

Вследствие действий генерала Коновалова, явилась последовательная работа по уничтожению Второго Корпуса и приведения его к лево-революционному знаменателю, точно так же, как и систематическое восстановление Вас против меня (факты: десантная операция не дала Вашей благодарности солдатам, а Первый Корпус их получил; производство начальника штаба Второго Корпуса в генерал-майоры отклонено за молодостью его выпуска из Академии, а годом моложе Коновалов и Егоров произведены; пополнение Корпуса задерживалось и мобилизационный район давался чуть ли не в полосе противника; награды частям были отклонены, а Первый Корпус их получил; мои ходатайства видеть Вас для личного доклада и для поднесения от Второго Корпуса плана обороны Крыма трижды отклонены).

Не есть ли это удар по самолюбию всего Корпуса?

Ещё хуже оказалось влияние Коновалова на ведение операций.

В то время как Вы лично обещали мне мой бронеавтомобильный отряд, 6 броневиков и колонну грузоавтомобилей (ввиду отсутствия железных дорог) 24 грузовика, я получил один лёгкий броневик с одним пулемётом и 6 грузовых машин; остальное всё было передано в другие корпуса, между тем как ещё до десантной операции от меня были взяты все транспорты.

Аэропланы на 200-вёрстный участок были даны в количестве одного исправного и одного неисправного.

Благодаря этому, погибли сотни лишних жизней. Участвовать в уничтожении моих людей не могу.

Коновалов по злому умыслу или по небрежности не прочитывал и не докладывал Вам моих донесений о группировке, чем ввёл в заблуждение о месте главного удара.

Чтобы окончательно подорвать дух Второго корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода Деникина, что если уйдёт Деникин — уйдёт и Витковский со всей Дроздовской дивизией.

Вы знаете, что я все силы принёс в жертву Родине; Вы знаете, что в момент ухода Деникина я первый поддержал Вас и сообщил Вам в Константинополь; Вы знаете, что говорилось у Вас в каюте и у меня в вагоне в 3 часа ночи, и поэтому гнусные интриги друг против

друга должны были отпасть.

И вот, на основании всего вышеизложенного, я как подчинённый ходатайствую, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского — требую назначения следствия над Штаглавом, Штакором 2 и надо мной по поводу Каховской операции 25 июля и 3 августа сего года.

Знаю, что Вы, как честный русский офицер, мне не откажете.

Слащёв.

Генерал Врангель на этот мой рапорт ответил, что я утрирую обстановку и что всякий суд надо мной и отставка моя вредна для дела».

Это было написано Яковом Александровичем в книге «Оборона и сдача Крыма». В другой книге «Крым, 1920» он лишь дополнит:

«С места мне было заявлено, что о моей отставке речи быть не может. Моя резкость в телеграммах ему и некоторая «странность» во взглядах на отношение союзников официально объяснялись только моим переутомлением и расстроенными нервами; я должен лечиться и потом опять приняться за дело. Все мои уверения, что я нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти, не приводили ни к чему. Мне даже было предложено ехать за границу лечиться, но я на это ответил, что «правительство при постоянно падающем рубле платить за меня не сможет, и я считаю это для себя неприемлемым, а у меня самого средств на такое лечение нет». Мы расстались враждебно, но с любезной улыбкой со стороны Врангеля.

Я знакомился с тылом, и во мне укрепилось кошмарное состояние внутреннего раздвоения и противоречий, продолжавшееся до самого падения Крыма, способное свести человека с ума. Действительно, если всякие «организации» давили на Врангеля, то они же давили на меня, доказывая неуместность вызванных мною трений, могущих повлечь за собой развал армии, торжество большевиков, падение Крыма и т. п. Одним словом, я находился в состоянии внутреннего разделения, переходя от отчаяния к надежде. Правда, налицо были французы, наличие которых противоречило идее «отечества», которой я руководствовался. Но всё-таки колебания то в ту, то в другую сторону были, и

выхода никакого я не видел.

Опасность, и жестокая опасность со стороны красных была несомненная.

Врангель между тем мило мне улыбаясь и оказывая высшие знаки внимания публично, деятельно занялся вопросом дискредитирования меня в глазах всех как с точки зрения чести, так и с точки зрения военной.

Чтобы дискредитировать меня с точки зрения чести, было выдвинуто дело Шарова, который… жил в тюрьме очень хорошо и занимался писанием своих «исповедей», в которых искренно во всём сознавался, до убийства и ограбления казнённых включительно, но заявлял, что это делал он не только с моего ведома, но и по моему приказанию. Дело приняло настолько серьёзный оборот, что я получил записку от следователя по особо важным делам Гиршица о том, что я привлекаюсь в качестве обвиняемого по делу о злоупотреблениях чинов 2-го (бывший Крымского) армейского корпуса. Официальным поводом к привлечению меня к следствию послужило дело Протопопова, председателем суда над которым был обер-офицер, а должен был быть штаб-офицер, и потому Протопопов считался казнённым без суда, но и это не противоречило дисциплинарному уставу, так как открытая измена Протопопова была доказана. Конечно, мне казалось, что раньше, чем привлечь к ответственности, надо было бы хотя бы допросить, но дело генерала Сидорина минувшей весной показало, что от врангелевских судов можно было ожидать чего угодно. (…)

Дело становилось ясным: обвинить меня в грабежах с корыстной целью было слишком трудно, так как жил я крайне скромно и никогда не имел денег, хотя раньше обладал средствами, и не в пример прочим белым «знаменитостям» в заграничных банках на моё имя вкладов не было. Следовательно, сознательный грабёж с моей стороны был слишком неправдоподобен, но оставалась надежда забросать меня грязью, как пьяницу и окончательно ненормального человека, а моя ненормальность была Врангелю нужна для объяснения моих «странных взглядов»».

Всё это «расследование» заставило Слащёва заявить: *«Тем не менее я предупреждаю, что если в этом деле не будут действовать честно и открыто, то я пойду на какой угодно скандал. Моё*

условие — гласность». А вскоре произошло следующее:

> «…я получил записку от Гиршица, что моё дело выделено из дела Шарова. Через день Гиршиц заходит ко мне и очень скромно говорит, что я обвиняюсь не в превышении, а в бездействии власти, так как я не проверял деятельности Шарова; об основном деле надо мною — незаконном составе суда над Протопоповым — не было ни слова. Я тогда обратил внимание следователя на мои телеграммы о разрешении мне ревизовать Шарова и подчинить его мне и на отказ Ставки, если кто бездействовал, так это главное командование. После этого разговора я Гиршица не видел и о деле не слышал».

Таким образом, одно дело было отложено в сторону. Зато дела военные продолжали давать о себе знать.

* * *

В своём труде «Как сражалась революция» военный специалист Н.Е. Какурин, кампании 1920 года на Крымском фронте посвящает целую главу. Там он достаточно кратко, но ёмко отвечает на многие вопросы, раскрывающие историю поражения белых в Крыму. А начиналось всё с реорганизации Добровольческой армии: *«Она была сведена им в три корпуса. Эта работа проходила в течение всего апреля и мая. Обстановка позволяла Врангелю затратить столь большой срок на подготовку к операциям. Советское командование в это время занято было уже в полной мере развернувшейся кампанией против поляков на Западном и Юго-Западном фронтах. Нараставшая в течение ранней весны 1920 г. активность белополяков на белорусском и украинском театрах помешала красному главному командованию привести в исполнение его первоначальное намерение — покончить сперва с Крымским фронтом, а затём всё внимание перенести на Польский фронт»*.

Примечательно, что продолжительное сидение в Крыму для белых являлось, по мнению Какурина, неудобным по экономическим условиям: *«Огромная масса беженцев и войск, скопившихся в Крыму, начинала уничтожать все его продовольственные запасы. Поэтому, открывая кампанию 1920 г. на Таврическом театре, генерал Врангель руководствовался не столько политическими и стратегическими, сколько продовольственными соображениями.*

Предполагалось, выйдя за Перекопский перешеек, захватить всё, что возможно, и, если окажется необходимым, скрыться опять в Крым, имея уже необходимые продовольственные запасы. Поэтому Врангель не предполагал развивать операций дальше линии Александровск — Мариуполь. В дальнейшем мыслилось связаться с украинскими повстанцами, поднять восстание на Дону и таким образом обеспечить свои фланги…

Согласно замыслу операции, для облегчения армии Врангеля выхода с перешейков на континент в Феодосии был посажен на суда корпус Слащёва, который, высадившись в районе восточнее Геническа (с. Кирилловка), 6 июня начал быстро распространяться в западном и северном направлениях. 7 июня в наступление перешли прочие корпуса Врангеля с перекопского и чонгарского направлений. 10 июня корпус Слащёва занял г. Мелитополь; в то же время добровольческий корпус Кутепова, распространяясь от перекопского перешейка к линии р. Днепр, утвердился на его левом берегу, а сводный казачий Абрамова, выйдя через Чонгарский перешеек, распространился на северо-восток по направлению к Донской области. К 12 июня противник очистил от советских войск Северную Таврию».

Первая попытка отбросить армию Врангеля за перешейки была предпринята красными в конце июня 1920 года соединениями 13-й армии Юго-Западного фронта. Она оказалась неудачной. Была почти полностью ликвидирована конная группа Жлобы. Тогда красные предприняли вторую попытку путём образования на южном Днепре ударной группы из состава частей 13-й армии и двух вновь подтянутых стрелковых дивизий. Началась она с переправы через Днепр у Каховки, Корсуньского монастыря и Алёшек, а также с атаки корпуса Слащёва.

Сам Яков Александрович, правильно оценив обстановку, местность, свои силы и силы противника, составляет план защиты днепровского района, который представляет Врангелю 21 июля — 3 августа 1920 г., № 737 с.

> «1) Противник превосходит в 6–7 раз своей пехотой, вдвое лёгкой артиллерией, имеет тяжёлую и автомашины и равен коннице.
>
> 2) Берег противника выше нашего, и мы стоим на низкой открытой равнине, так что условия местности на его стороне и в смысле расположения, и в смысле наблюдательных пунктов. Места, удобные для переправ: Каховка, Корсуньский Монастырь, Казачьи Лагери, Алёшки. От первых двух пунктов грунт благоприятствует движению к Сивашам, от двух последних песок и болото

делают его длительным. Группировка противника должна проверяться лётчиками.

3) Защита нами переправ не сулит никаких успехов, но зато огромные потери, артиллерия наша будет забита и вряд ли даже сможет сняться с позиций. Бороться с артиллерией противника благодаря высоте его берега и отсутствию тяжёлой артиллерии у нас мы не можем.

4) Перетаскивание тарт и всех технических средств на наш берег для противника затруднительно: отойдя на 10–15 вёрст от берега к нам, он хотя по местности окажется в равных с нами условиях, но питание его затруднится.

5) Стоять против переправ у нас не хватает сил — мы всюду будем слабы, следовательно, главным силам надо отойти.

6) Одними силами корпуса справиться почти невозможно, и поэтому я прошу Вашего высокопревосходительства подчинения мне корпуса генерала Барбовича. На случай вашего согласия я решил:

а) Держать на фронте даже не охранение, а отдельные посты наблюдения, посылая всё время лётчиков для определения сосредоточения сил противника и части удальцов отрядами около 100 штыков под командой лично мне известных офицеров для поимки контрольных пленных.

б) Главные силы под напором противника отводятся на Чаплинку через Чёрную Долину и Большие Маячки, всё время демонстрируя упорное сопротивление, но ближе 1000 шагов не сцепляясь. За всеми остальными направлениями только наблюдать и задерживать там противника мелкими частями.

в) Если противник пойдёт в направлении на Сальково, его атакует Барбович от Серогоз, а я от Чаплинки, даже если он поставит заслон (лётчики мне донесут о его движении). Если он пойдёт на Перекоп, что я считаю менее вероятным, так как думаю, что он погонится за живой силой нашей армии, а Перекоп он всегда успеет занять от Алёшек, то его атакует в тыл Барбович от Серогоз, а я с фронта от Чаплинки. На первый случай на Перекопе надо держать находящиеся там части и подвести по желдороге с тылу.

г) Для свободы моего манёвра прошу о немедленном возврате мне моей автогрузовой колонны в 24 машины для установления запасной линии питания: Сальково —

Громовка — Аскания-Нова — Чёрная Долина.
Прошу срочного ответа…»

Как напишет в своей книге генерал Слащёв, *«для передачи этого плана был снаряжён личный адъютант сотник Карнаков на штабном автомобиле, назначенном в моё личное распоряжение, чтобы не дожидаться поезда в Юшуне.*

Он прибыл в Севастополь ночью, пакет «Секретно». В собственные руки главкому» через Генштаба полковника Шкеленко был передан Врангелю. На рассвете 4 августа я получил телеграмму за подписью Шкеленко: «№ 732/с — главком утвердил». Прошло 4-е число, и утром 5-го я получил телеграмму за подписью Карнакова (моего адъютанта): «Автомобиль задержан в Севастополе штабом главкома за непроизводительную трату бензина по переезду из Чаплинки в Севастополь». Я немедленно вызвал к аппарату Шатилова, его не было, подошёл Коновалов. Я ему передал телеграмму о задержке автомобиля. Он мне ответил, что это сделано по его распоряжению, потому что тратить бензин, столь дорогой, по таким пустякам не стоит, так как, по его мнению, красные вовсе не собираются наступать на Днепре. Что мне оставалось делать? Я передал следующую телеграмму в собственные руки главкома: «Главкому: автомобиль, отвозивший вам № 732 с, задержан в тылу вашим генквартом. Если я что-нибудь делаю неправильно, то прошу взыскать с меня, а не лишать личными распоряжениями вашего штаба чинов моего корпуса необходимейшего средства связи. Слащов»».

Кроме всех этих передряг, в войсках Слащёва появилась дизентерия. Яков Александрович также заболел ею. Но, несмотря на эту болезнь, он ещё пытается что-то сделать:

> «Вопреки мнению Ставки, в ночь с 6 на 7 августа красные одновременно начали переправу у Каховки, Корсунского Монастыря и Алёшек. Задача красными частями была формулирована приказом по 13-й Красной армии (узнал уже позже) следующим образом: «Форсирование Днепра, разгром живой силы противника, оказание поддержки левобережной группе, закрытие проходов противнику обратно в Крым».
>
> Воздушной разведкой выяснилось наутро, что наибольшее скопление красных и сосредоточение плавучих средств — у Корсунского Монастыря (15-я стрелковая дивизия). Около 14 часов закончилось исправление моста у Каховки, к 17 часам переправилось до 2000 человек красной пехоты с артиллерией и броневиками и началось наступление на фронте

Любимовка — Терны, к 18 часам Терны уже были заняты красными.

Настроение белых было неважно, я сам к этому времени ещё хворал.

Красные двигались крайне осторожно, видимо, опасаясь западни, подобно бывшим раньше в Крыму, и дали моему корпусу сконцентрироваться в районе Чаплинки, несмотря на то что части и их начальники нервничали и управление несколько раз вырывалось у меня из рук. К 11 августа план наступления красных выяснился во всех подробностях и конница Барбовича должна была произвести свой манёвр.

Момент не был полностью использован: благодаря крайней неосмотрительности белых конница Барбовича выступила днём и заблаговременно была обнаружена красными аэропланами. Колонны красных спешно хлынули назад к переправам, а конница Барбовича с разрешения Врангеля ещё оставалась на отдыхе 12 часов. Конница Барбовича Врангелем мне подчинена не была, несмотря на утверждение моего плана, и только после её первых неудачных действий к моменту её подхода к чаплинской дороге он подчинил мне её на два дня. Благодаря всему этому ближайшая к коннице Барбовича Каховская группа красных (52-я и Латышская дивизии), кроме одной 1-й Латышской бригады, форсированным маршем успела уйти из-под удара в Каховку, и весь удар белых обрушился на 1-ю Латышскую бригаду и на 15-ю стрелковую дивизию, в особенности на последнюю. Наступательный порыв красных был окончательно сломлен и не воскресал до октября месяца.

За 11–12 августа красные чистили, частью после боя, а частью и без него, всю занятую площадь на левом берегу Днепра, кроме Каховского плацдарма. Попытки 2-го корпуса овладеть этими укреплениями кончились неудачей, и я категорически отказался от атак по причинам, мною указанным выше (устройство берега и возможность для красных овладеть Каховкой в любой момент). Врангель же вопреки утверждённому им самим плану категорически требовал взятия Каховского плацдарма. Я на это ответил, что посылать своих людей на убой не намерен. Врангель обратился ко мне с резкой телеграммой, воспользовавшись которой я ответил рапортом об отставке (с 15 августа 1920 г.). Врангель замолчал и не давал ответа. Тогда утром 17 августа я

опять обратился к нему по прямому проводу с указанием, что командовать корпусом не останусь. Наконец вечером 17-го, получив разрешение выехать в Севастополь, я немедленно уехал с фронта».

2

Находясь в Ливадии, Яков Александрович не переставал следить за обстановкой на фронте. А там чувствовалось приближение катастрофы…

«Как только наметилась возможность мирного разрешения столкновения с Польшей, — подчёркивает Какурин, — советское командование приступило к переброске значительных сил с главного театра военных действий на Врангелевский фронт. Эти силы, частично сосредоточившиеся на нём в течение предшествовавшего времени, уже в сентябре достигли такого количества, что для удобства управления правобережную группу 13-й армии пришлось преобразовать в 6-ю армию. Силы противника также возросли в течение летней кампании и уже осенью достигли 40–45 тыс. штыков и сабель. Они были сведены в две армии, из которых первая действовала от Азовского моря до Днепра, а вторая располагалась по Днепру.

Сосредоточение крупных советских сил с Польского фронта осенью 1920 г. сделалось известным противнику. Он предпринял последнюю свою наступательную операцию в целях сорвать это сосредоточение. Для этого предполагалось сбить каховскую группу советских войск и расчистить себе путь на Правобережную Украину».

«В сентябре месяце на Днепровском фронте опять стали собираться тучи, — вспоминал Слащёв. — Красные сосредотачивали силы, подвозя комплектования частям и доводя их до штатного состава. В районе Апостолова обучалась и сколачивалась 2-я конная армия. В одной из бесед со мною Врангель (или Шатилов, точно не помню) спросил меня (моё мнение) о Каховском направлении. Я ответил, что красные хотят повторить подобие своей августовской операции через Каховку на Перекоп и Салькoво.

Занятием Каховки красные ясно выдали свой план, и можно смело утверждать, что по окончании сосредоточения они поведут решительное наступление, стараясь отрезать Кутепова от перешейков; наличие конницы ещё более подтверждало это. «Какие же средства борьбы?» — спросили меня. — «По моему

мнению, их два: первое, которому я не сочувствую, — это переправа на правый берег Днепра у Херсона (с прорывом туда мелких судов флота) и Александровска с тем, чтобы, заняв район Синельниково — Апостолово — Николаев, угрожать Екатеринославу, а Каховскую группу взять в клещи от Александровска и Херсона и передать в наши руки правый берег Днепра, поднимая одновременно восстания. Но я полагаю, что этот план запоздал — времени у вас для его производства не хватит, да 2-й корпус теперь стал настолько небоеспособным, что задачи овладения низовьем Днепра не выполнит, а восстания уже там ликвидированы. Поэтому второй способ, который бы я применил, — это оставить в Северной Таврии только конные группы, всю же массу войск отвести в Крым, расположить по квартирам и начать переговоры, для подкрепления которых высадить часть слишком многочисленных для Крыма войск в Одессе или в устье Буга и устроить там плацдарм. Если это сделать и вести защиту Крыма, как я её вёл в прошлом году, красные в Крым не войдут и сговорятся с нами о нашей будущности». На это мне ответили: «Ну, ваши нервы ещё расстроены, вам всюду мерещатся опасности, которых нет». «Дай бог, чтобы было так, — ответил я, — только помните одно: кто обороняет Северную Таврию, не имея очень глубоких крупных резервов для действия по внутренним операционным линиям, всегда будет разбит. Ваши армии стоят растянутыми по фронту в несколько сот вёрст, и прорыв противника в одном месте приведёт его к перешейкам раньше других ваших частей, которые должны будут бежать вперегонки, спасая свою жизнь, это я говорил ещё в прошлом году Деникину, а теперь повторяю вам». — «Ну, у вас было мало войск, а у нас их, слава Богу, достаточно». Этим и закончился приведённый характерный разговор.

Врангель старательно распространял слухи о моих расстроенных нервах, и в «обществе» стали упорно говорить о моей ненормальности; почву для этого давало и то, что, как я указал выше, настроение моё было действительно ужасно и я жил затворником, почти нигде не появляясь. После разговора со мною Врангель предпринял Александровскую операцию».

И, конечно же, напрасно: *«В конце сентября месяца Врангель*

сосредотачивает почти все силы Кутепова… в направлении Александровска, берёт Александровск и затем Синельниково. Создав таким образом зону перед Александровском, переправляется через Днепр южнее Кичкас и предпринимает операцию наподобие той, которую я ему рекомендовал в июле, только без обеспечения со стороны Екатеринослава и без занятия Николаева — Вознесенска и наступления оттуда, т. е. что-то куцее, точно страница, вырванная из книги, и, как всё неполное, обречённое на неудачу.

Наступление идёт удачно, захватываются пленные, пулемёты, орудия. В районе Балино на Покровское начинается вторая переправа белых в поддержку Александровска.

Встретивший меня на улице генерал Артифексов (генерал для поручений при Врангеле) сказал мне: «Ну что же? Вопреки вашим уверениям, как видите, мы побеждаем». Мне пришлось с ним согласиться, но вместе с тем я заметил: «Ведь в тылу, а вы знаете моё мнение о тыле; очень рад, если я ошибся, но боюсь, что я в данном случае окажусь правым». Артифексов замахал руками и, весело посвистывая, пошёл своей дорогой».

Немудрено, что радость генерала для поручений оказалась преждевременной.

> «Выполнение операции по вторжению на Правобережную Украину возлагалось на 2-ю армию Врангеля. Переправившись частью своих сил через Днепр между Каховкой и Александровском, она должна была занять Никополь и затем согласованным ударом со стороны Никополя и с фронта на Каховку овладеть последней.
>
> Противник начал свою операцию 8 октября. Вначале ему удалось утвердиться в излучине Днепра между городами Александровск и Никополь, захватив оба эти пункта. Но уже 11 октября советские войска начали давить на фланги переправившегося противника у Александровска и Грушовки; в то же время 13-я армия начала нажимать на тыл александровской группы противника из района Гуляй-Поле, что вынудило Врангеля сосредоточить часть своих сил на этом направлении. Одна из красных кавалерийских дивизий (5-я кавалерийская) из района Бердянска тогда же произвела смелый рейд по тылам противника, пройдя восточнее Мелитополя и южнее Орехова, и благополучно вернулась в расположение своих войск. Лобовая атака противника на Каховку была отбита с огромными для

него потерями. Все эти обстоятельства побудили противника отказаться от дальнейшего производства «заднепровской» операции, и 17 октября его войска с большими потерями отошли на левый берег Днепра» (Н.Е. Какурин).

* * *

Теперь Ставка Врангеля размещалась в Джанкое, небольшом уютном городке, расположенном в северной части Крыма, в 93 километрах от Симферополя. Маленький, но не тихий в сложившейся обстановке, он ничем не растрогал прибывшего сюда из Севастополя Слащёва. Это была уже вторая половина октября, когда красные зашли в тыл армиям Врангеля у Салькова.

Всегда уверенный в себе барон теперь метался по салон-вагону своего поезда. Поздоровались быстро, и главком сразу же потащил Слащёва к карте. Его длинный палец уткнулся в населённый пункт под названием Ново-Алексеевка:

— Вы знаете, Яков Александрович, Будённый уже здесь!

— Сколько? — уточняет силы противника Слащёв.

— 6–7 тысяч…

— Откуда он, с неба или Каховки?

— Шутки неуместны, — злится Врангель. — Конечно с Каховки.

— Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились ещё больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, они простят изложения обстановки.

— Кутепов по радио из Петровского о частях своих не говорит, думаю, при концентрическом отступлении к Салькову сосредоточились. Ново-Алексеевка занята противником неизвестной силы, но конницей. На Кутепова и донцов с севера и востока не наседают. Драценко в Перекопе, его силы собрались к нему, настроение плохое. Красные заняли Чаплинку. Что вы думаете? — Врангель смотрел Слащёву в глаза, ожидая, видимо, и в них увидеть спасительный ответ.

Слащёв на секунды задумался:

— Есть ли у вас кто-нибудь в Салькове?

— Там Достовалов с двумя тысячами штыков, и я ему с тыла собрал около полторы тысячи штыков.

Слащёв снова в раздумье:

— Дайте взвесить… Мои расстроенные нервы говорят мне, что это есть момент необходимости присутствия старшего

начальника. Я бы отдал приказ: Доставалову атаковать Ново-Алексеевку, Кутепову об этом по радио и атака в направлении Сальково — одновременно.

Будённый принуждён будет отойти, ему остаётся лазейка к северо-востоку, надо ему её дать, мы слишком слабы, чтобы не толкать его на спасение своих частей, иначе он будет серьёзно драться. Собрать донцов (конных) и Барбовича, и с Кутеповым и вами во главе — на Чаплинку во фланг и тыл Каховской группе красных. Ведь это будет около 20.000 шашек. Вот общий план. Ещё есть мелочи: надо узнать, куда отойдёт Будённый, куда поставит заслон. Но Крым пока что будет спасён, потом можно будет проводить мой план его защиты и замирения с красными.

Врангель улыбнулся:

— Да, вы правы, я с вами согласен. Это будет красивая операция. Надо будет приказать собирать все донесения и приказы: важно для истории. Я сейчас переговорю с Павлушей, — он имел в виду генерала Шатилова.

Разговор закончен. Генералы попрощались. Но каково было удивление Якова Александровича, когда он узнал, что Врангель уехал в Севастополь, не рискнув предпринять операцию и выехать впереди войск!

* * *

13 октября 1920 года за Днепром были разбиты лучшие силы 2-й армии Врангеля.

28 октября армии Южного фронта красных перешли в решительное наступление.

29-го 6-я армия красных, отбросив 2-й корпус армии Врангеля, вышла к Перекопу, закрыв путь отступления к нему врангелевским частям.

2 ноября на территории Северной Таврии не осталось ни одной части Врангеля.

К вечеру 3 ноября армии Южного фронта стали вплотную у берегов Сиваша. Десятиградусные морозы, а также отсутствие фуража, топлива и питьевой воды становились серьёзной помехой предстоящему наступлению в малонаселённом районе. Приближался конец белого Крыма: *«Отойдя за перешейки, Врангель решил оборонять их, для чего начал производить перегруппировку*, — пишет Какурин. — *Главные свои силы он сосредоточивал на Перекопском перешейке, оставляя для защиты Чонгарского перешейка один Донской корпус. Перекопский перешеек должны были оборонять корпус Кутепова и II армейский. За их*

правым флангом располагался конный корпус Барбовича.

План советского командования сводился к открытой атаке обоих перешейков, причём главное внимание обращалось на Перекопский перешеек. Для атаки Перекопского перешейка предназначалась 6-я армия, 2-я конная армия, повстанческие части Махно. Против Чонгарского перешейка должна была действовать 4-я армия. Командование 6-й армии решило нанести главный удар в тыл Перекопских позиций, в направлении на Литовский полуостров, занятый слабыми кубанскими частями генерала Фостикова, только что пробравшегося после неудачи повстанческого движения на Кубани с Кавказа в Крым. Командование 6-й красной армии свой план атаки частей Фостикова строило в расчёте на сильное обмеление Сиваша под влиянием дующих с суши ветров, что давало возможность пробраться по его дну к Литовскому полуострову. (…)

В ночь на 8 ноября части войск 6-й армии, предназначенные для захвата Литовского полуострова, перешли Сиваш, сбили отряд Фостикова и утвердились на полуострове. (…)

…в ночь с 8 на 9 ноября противник сам очистил Турецкий вал и отошёл на Юшуньскию позицию. (…)

Падение Юшуньской позиции означало выход главных сил 6-й армии из теснины Перекопского перешейка.

Противник начал быстро отходить к портам посадки. Предстояло организовать быстрое преследование, однако войска 6-й армии на 12 ноября получили дневку. 13 ноября 4-я и 2-я конные армии были направлены для преследования противника на Феодосию и Керчь, а 6-я и 1-я конная армии — на Симферополь и Севастополь. Несмотря на быстроту дальнейшего преследования, отступающим войскам Врангеля удалось уже значительно оторваться от советских армий, и, когда 15 ноября авангарды 6-й армии вступили в Севастополь, они застали там уже местный ревком, так как последние суда противника ушли из Севастополя 14 ноября.

Рассредоточив свою погрузку по всем портам Крыма, Врангель в течение пяти дней — с 10 по 15 ноября — успел произвести эвакуацию своих главных сил и беженцев в количестве до 83 тыс. человек. Непогруженными остались, однако, почти все военные запасы, отсталые части и большое количество беженцев.

16 ноября советские войска распространились по всей территории Крыма».

Известно, что командующий войсками Южного фронта М.В. Фрунзе от имени Советского правительства 11 ноября обратился к Врангелю с предложением капитулировать, гарантируя амнистию всему личному составу Белой армии. Однако

считается, что Врангель скрыл это предложение от своих войск и в ночь на 12 ноября отдал приказ об отходе к портам и эвакуации. Белым удалось оторваться от красных всего на 1–2 перехода. 15 ноября без боёв были освобождены Севастополь и Феодосия, 16 ноября Керчь и 17 ноября Ялта.

3

Трудно было забыть Слащёву день 11 ноября 1920 года: *«Я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в полном отступлении, т. е., вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.*

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени.

Красная конница вслед за белой шла на Джанкой, откуда немедленно же выехал штаб Кутепова на Сарабуз. В частях же я узнал о приказе Врангеля, гласившем, что союзники белых к себе не принимают, за границей жить будет негде и не на что, поэтому, кто не боится красных, пускай остаётся. Это было на фронте. В тыл же, в Феодосию и в Ялту, пришла телеграмма за моей подписью, что прорыв красных мною ликвидирован и что я командую обороной Крыма и приказываю всем идти на фронт и сгружаться с судов. Автора телеграммы потом задержали: это оказался какой-то капитан, фамилии которого не помню. Свой поступок он объяснил желанием уменьшить панику и убеждением, что я выехал на фронт действительно для принятия командования. И в Феодосии, и в Ялте этому поверили и, помня первую защиту Крыма, сгрузились с судов: из-за этого произошла сильная путаница и потом многие остались, не успев вторично погрузиться. Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первый показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу Киста у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации».

Князь В.А. Оболенский вспоминал в эмиграции, как *«примерно за месяц до эвакуации Крыма большевики повели в Северной Таврии энергичное наступление на войска генерала Врангеля и принудили их к отступлению на Крымский полуостров. Отступление по своей спешности носило все признаки катастрофы и сопровождалось большими потерями в людях, запасах и снаряжении»*.

Далее он сообщает интересные детали:

> «Крымские обыватели встревожились. Люди более состоятельные наскоро ликвидировали дела и уезжали за границу, остальные уныло ожидали развёртывания дальнейших событий.

Как раз, когда последние эшелоны врангелевской армии переходили через Перекопский перешеек и через Сивашский мост, в Севастополе собралось давно уже намечавшееся совещание торгово-промышленных и финансовых деятелей как крымских, так и прибывших из Лондона, Парижа и Константинополя.

И среди них тоже настроение было тревожное. Совещание, казалось, утрачивало всякий смысл. Никому не было охоты разговаривать о ненужных уже финансовых экономических реформах, и каждый про себя думал лишь о том, как бы поспеть уехать до прихода большевиков. Но на открытии съезда появился сам Врангель и произнёс успокоительную речь. В ней он признал тяжесть понесённых при отступлении армии потерь. Но отступление было неизбежно по стратегическим соображениям, так как нельзя было держать столь растянутую линию фронта. Теперь, когда оно свершилось, Крыму уже не угрожает непосредственной опасности, ибо подступы к Крыму настолько укреплены, что взятие их было бы не под силу даже лучшим европейским войскам, а для большевиков они совершенно неприступны. На всех, слушавших эту речь, сказанную искренним и серьёзным тоном без малейшей примеси военного бахвальства, она произвела весьма успокаивающее впечатление. Торгово-промышленники занялись обсуждением очередных реформ, а жители, среди которых скоро распространилась весть о твёрдой речи генерала Врангеля, стали поспешно успокаиваться».

Уже в Константинополе Оболенский не без удивления прочёл в газетах *«заявление Врангеля о том, будто бы он никогда не рассчитывал на победу и на удержание Крыма и что вся цель стратегии его заключалась в том, чтобы возможно безболезненнее провести эвакуацию армии из Крыма»*.

28 октября (10 ноября) днём генерал П.А. Врангель объявил о решении эвакуировать Крым представителям печати и иностранных миссий. 29 октября (11 ноября) был подписан приказ об эвакуации и подготовлено сообщение «Правительства Юга России», в котором говорилось:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семей, правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают выезжающих из

пределов России. Недостаток топлива приведёт к большой скученности на пароходах, причём неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так в дальнейшем».

Утром 30 октября (12 ноября) приказ П.В. Врангеля и сообщение правительства были опубликованы в печати и расклеены в виде листовок.

4

В своём «Дневнике галлиполийца» белогвардейский офицер Н.А. Раевский, благодаря своим очень точно подмеченным психологическим наблюдениям, помогает нам понять тот тяжёлый путь, который прошли эвакуированные из Крыма до берегов чужбины…

> «…Пишу на «Херсоне», который полным ходом несёт нас в Константинополь… Мы уже привыкли к самым невероятным приключениям, что и новое окончательное путешествие из России никого особенно не пугает и не изумляет.
>
> А ведь если смотреться глубже, то вряд ли в мировой истории найдётся много зрелищ, равных по своему трагизму нашей эвакуации. Сто двенадцать тысяч (так определяют общее количество уехавших) после трёх лет непрерывной, тяжёлой войны едут неизвестно куда и неизвестно на что…
>
> Захотело ехать поразительно много солдат — это, пожалуй, самое удивительное, что есть в нашей эвакуации. Понятно, что едут почти все офицеры и добровольцы…, но бросились грузиться на пароход и те, кому никакой опасности не угрожало. Доходило до смешного — является на наш «Херсон» грузиться какая-то команда. Кто такие? Оказывается — только что взятые на Перекопе красные. Без охраны, пешком прошли больше ста вёрст и лезут на пароход. Играет тут известную роль и стадное чувство — когда перед самым отходом из Севастополя прислали баржу и желающим предложили съехать обратно на берег, слезло человек двести и даже несколько офицеров. Но я думаю, что типичные Фильки в глубине души думают так: «офицерьё» едет — значит, там, за морем, будет хорошо.
>
> Тесно, и духота ужасная. Вчерашнюю ночь спал на палубе. Было довольно холодно, но бурка покойного Бодовского спасала. В темноте ярко светились многочисленные суда международной эскадры, мерцали редкие огни на тускло освещённых пароходах. Часов в 10 вечера подъехал начальник штаба флота и передал приказание — взять на буксир баржу, немедленно сниматься и идти в Босфор. Стало легче на душе…
>
> Подняли якорь, заработала машина, и тихо поплыл

мимо Херсонесский берег…

Сегодня целый день плывём по открытому морю. Тихо и тепло. Волны никакой нет. Благодаря этому доползут до Константинополя даже маленькие старые пароходики вроде колёсного «Генерала Русского». Понемногу налаживается дело с продовольствием. Только хлеба совсем нет, зато много сахару, шоколаду и варенья.

Настроение удивительно единодушное — никто больше не желает воевать. Может быть, через некоторое время мы будем смотреть на вещи иначе, но сейчас все настолько измучены, что о возможности продолжения войны думают с ужасом. Ночую опять на палубе, среди солдат 2-го Дроздовского конного полка. Большая часть из них — бредовцы, к «загранице» уже привыкли, и полк едет почти полностью — около шестисот сабель. (…)

Сегодняшняя ночь была уже много теплее. Чувствуется, что идём на юг. Спать было ужасно неудобно. Теснота, давка, ругань, но всё-таки лучше, чем в трюме, где совершенно невозможно дышать…

Пароход слегка покачивало. (…)

Утром появились дельфины — говорят, это значит, что берег близко, но пока, кроме бесконечно розово-голубого под лучами восходящего солнца моря, ничего кругом не видно. В Константинополь должны прийти около четырёх часов дня. (…)

В три часа на горизонте появилась в синем тумане тонкая полоска Малоазиатского побережья. «Земля. Земля… Малая Азия».

Рядом со мной мрачный голос: «Чёрт с ней, с Малой Азией».

Подходим к Босфору. Серая, тусклая погода, но всё-таки оба берега очень красивы. Лиственные деревья уже голые, но трава местами совсем зелёная. На фоне неба чернеют какие-то старинные укрепления. По обеим сторонам прохода — белые маяки. Виднеются деревушки с красными черепичными крышами. Множество лодок с рыболовами-турками.

— Селям-алейкюм, — кричат с парохода. — Алейкюм селям, — отвечают турки, с любопытством рассматривая переполненный зелёными шинелями «Херсон». Поднимаем на передней мачте французский флаг. Он долго не развёртывается. В толпе офицеров и солдат острят: «Стыдится французский флаг

подниматься на русском пароходе».

Грозно черневшая на вершине скалы зубчатая стена оказывается по мере приближения парохода развалинами крепости Кал аки. Рядом с ней — современная, совершенно прозаическая батарея. Насколько можно судить, форты Босфора совершенно неприступны. Стоянка у карантина очень непродолжительная. Подходят катера с французами, англичанами и турками, играющими, по-видимому, чисто декоративную роль в своей собственной стране. Несколько вопросов — есть ли больные, раненые, мёртвые, и мы, подняв якоря, «разворачиваемся» и идём дальше. Картина поразительно красивая и совсем нерусская — пинии, кипарисы, минареты и вперемежку с ними роскошные европейские виллы.

Темнеет, зажигаются бесчисленные огни, и мы, как зачарованные, любуемся картиной доброго времени — больше всего залитыми электрическим светом пароходами (значит, «уголь есть» и «лампочки не реквизированы»). Среди старинных башен Константинопольского предместья — опять-таки залитый электричеством громадный отель, снующие по берегу давно не виданные трамваи, какой-то ресторан, полный тропической зелени… Словом, перед нами вечерняя жизнь роскошного международного города, бесконечно далёкого от наших кошмаров, и она производит прямо-таки подавляющее впечатление на солдат. Сначала слышались сокрушительные воздыхания: «Одни мы, дураки, шесть лет вшей кормим, а люди живут»… а потом все замолчали и любовались морем огней громадного города и таким же морем огней союзного флота на рейде. Огненной сказкой промелькнул Константинополь… вышли в Мраморное море и бросили якорь вблизи Скутари».

Прибыв в Константинополь, генерал Слащёв переехал с «Ильи Муромца» на «Алмаз». Следом за ним там появился генерал Кутепов.

«Последний страшно возмущался Врангелем и заявил, что нам нужно как-нибудь на это реагировать, — припомнит Яков Александрович. — Мне пришлось ему сказать, что одинаково надо возмущаться и им самим, а мой взгляд, что армия больше, по-моему, не существует.

Кутепов возмущался моими словами и всё сваливал

на Врангеля. Я ему на это ответил: «Конечно, его вина больше, чем твоя, но это мне совершенно безразлично: я всё равно ухожу, отпустят меня или нет. Я даже рапорта подавать не буду, чтобы мне опять не делали препон, а только подам заявление, что я из армии выбыл: мои 7 ранений (5 в германскую и 2 в гражданскую войну) дают мне на это право, об этом ты передай Врангелю». Тогда Кутепов заявил: «Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся».

— О, это я могу сделать с удовольствием, — ответил я, — твоё имя настолько непопулярно, что ещё скорее разложит армию, — и написал рапорт, который Кутепов сам повёз Врангелю.

Я же съехал на берег, чтобы не находиться на «территории» Врангеля, и стал продумывать дальнейшую роль Белой армии с точки зрения «отечества»…»

5

В Константинополе А. Вертинский находит Слащёва. Об этой встрече он напишет коротко:

> «Он поселился где-то в Галатее с маленькой кучкой людей, оставшихся с ним до конца. В их числе была и знаменитая Лида. Мы встретились. Вернее, я сам разыскал его. Он жил в маленьком грязноватом домике где-то у чёрта на куличках. Он ещё больше побелел и осунулся. Лицо у него было усталое. Темперамент куда-то исчез.
>
> Кокаин стоил дорого, и, лишённый его, Слащов утих, постарел сразу на десять лет. Разговор вертелся вокруг одной темы — о Врангеле. Слащов его смертельно ненавидел. Он говорил долго, детально и яростно о каких-то приказах своих и его, ссылался на окружающих, клялся, кричал, грозил, издевался над германским происхождением Врангеля.
>
> Трудно было понять что-нибудь в этом потоке бешенства. Помню только, что мне было его почему-то мучительно жаль».

На этот счёт примечательны воспоминания белого генерала Е.И. Доставалова. По всей видимости, в них он отражал мнение большинства белых офицеров, оказавшихся на чужбине:

> «Изгнанием начался третий и последний акт офицерской драмы. Их поношенные офицерские погоны и дырявые мундиры, их раны и ордена, их заслуги перед союзниками в Мировую войну, их галлиполийское сидение и тяжёлые каторжные работы в рудниках, в шахтах, на железных дорогах — заграница не оценила.
>
> За границей ценят доллар и не любят тех, кто садится на шею, кто сбивает заработанную плату. И постепенно, всё больше расходясь с живою Россией, забывая в тяжёлой борьбе свои военные познания, стала опускаться и редеть офицерская масса.
>
> Но это же изгнание многому нас научило. Мы, бывшие русские генералы и офицеры, разбросанные по всему миру (ибо у нас есть единомышленники везде), видели и поняли многое. Мы косили сено во Фракии, мы убирали хлеб в Болгарии, мы строили железные дороги в

Сербии, мы копали землю в Польше и Венгрии, работали у фабричных станков в Германии и во Франции. Мы расчищали виноградники, добывали в шахтах уголь, были сапожниками, слесарями, плотниками, портными и повсюду соприкасались с рабочим людом всех стран мира, мы видели одну общую, роднящую их печаль. И везде мы видели одно и то же горе, ту же нужду, те же надежды, ту же отчаянную эксплуатацию труда.

И перед нами постепенно исчезали границы; но у рабочих станков мы не смели говорить о своём прошлом. Тем, кто питался и питается подачками из Парижа, Мюнхена, от Хорти, от католических кругов Франции, от Пилсудского и других — не понять нас.

И когда нищими, плохо одетыми эмигрантами мы разбрелись по всему миру, стали искать работу, повсюду нас встречали с самым нескрываемым презрением, с нами не хотели разговаривать, нас отсылали ждать в передней и изредка, в знак особой милости, нам подавали два пальца. Нас повсюду, пользуясь нашей беспомощностью и нашим несчастьем, нашей беззащитностью, эксплуатировали, как рабов. Нам не платили заработанное скудное жалованье, нас обсчитывали, увольняли без объяснения причин. В лучших случаях за каторжный труд мы получали половину того, что платили местным рабочим, так как их предприниматели боялись. Мы нигде не могли найти себе защиты, а наши посланники и консулы, сохранившиеся от старого времени, презирали нас так же, если не больше. Некоторым повезло, но масса эмиграции опускалась всё ниже, стала заниматься спекуляцией и тёмными делами.

Помню характерный разговор двух старых полковников, уже откомандовавших полками, бывших рабочими в группе, где я был за старшего. Один рассказывал другому впечатления о визите к третьему, тоже полковнику, товарищу по полку, служившему кухонным мужиком в одном богатом доме. Он был в восторге от этого посещения: «Живёт отлично, — рассказывал он о жизни товарища, — пища хорошая, на кухне за перегородкой у него кровать, ест, сколько хочет, хозяева не стесняют. Когда я сидел у него, пришла барыня (так и сказал: «барыня»), ничего, не рассердилась, даже велела мне дать тарелку макарон. Хорошо устроился человек!»

Государственный строй, который мы защищали своей кровью, жестоко мстил нам за это. Мы не пойдём теперь в Россию защищать и восстанавливать этот строй…»

Однажды в Константинополе П.А. Клодт откровенно высказал Слащёву всё, что слышал о нём неблагоприятного. Тот внимательно выслушал собеседника и ответил:

«Меня рисуют отчаянным пьяницей, кокаинистом, приписывают мне целый ряд чуть ли не преступлений. Вы меня хорошо знаете. Можете ли Вы этому поверить? Видели ли Вы меня когда-нибудь пьяным? Что я любил выпить, я этого не отрицаю, но пьяным меня ни Вы и никто в полку не видел. Что касается кокаина, то я прибегал к нему, когда для спасения дела мне приходилось не спать по несколько ночей сряду. Но кто же может за это осудить меня?

Привычным кокаинистом я никогда не был. Мне приходилось действовать в исключительно трудной обстановке, я мог ошибаться, но все мои поступки отвечали моей совести. Другой образ действий я считал бы недостойным моего родного полка, о котором всегда помнил. Если бы я вёл такую жизнь, какую мне приписывают, неужели это не отразилось бы на моём здоровье, на моём внешнем виде? Разве я уж так изменился?»

6

Вспоминая минувшее уже в Москве, Яков Александрович признаётся, что там, в Константинополе, он занялся работой по разложению армии:

> «Врангель предал меня суду «чести», который специально для этого учредил, но на этот суд меня не вызвали, так как что же могли инкриминировать частному лицу, желающему говорить правду про армию и её цели? Суд приговорил меня заочно к исключению со службы, большего он сделать не мог. Это дало мне ещё лишний козырь, и я мог выпустить брошюру «Требую суда общества и гласности». Правда, писал её не я, а генерал Киленин, но в момент набора книги контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался. К тому же французская контрразведка изъяла всю переписку, касавшуюся роли французов в Крымской обороне. Всё это привело к тому, что Киленин отказался поставить своё имя на брошюре, которая почти целиком состояла из моих документов. Тогда я, уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию и попросить заменить слова «комкор» и «Слащов» словом «я».
>
> Книжка получилась куцая, малопонятная, без надлежащего освещения и полноты описываемых событий, но всё же она своей цели достигла. Её печатание шло с трениями — выпал шрифт, но всё-таки её напечатали и 14 января 1921 г. она вышла в свет. За нахождение её у кого-либо в Галлиполи (где была помещена армия Врангеля) жестоко карали, но она там распространялась. Мною руководила не жажда мести, а полное сознание, что эта заграничная армия может быть только врагом России, а я стоял на платформе «отечества» и с этой, а ещё не с классовой точки зрения видел в ней врага».

Что же касается «суда чести», то именно после этого «судилища» Яков Александрович впервые надел свою старую форму с полковничьими погонами лейб-гвардии Московского полка. А когда ему передали приказание барона: «снять форму и погоны» (суд лишил Слащёва звания генерал-лейтенанта и орденов), в своём духе ответил: *«В генеральские чины произвели*

меня лица, не имевшие на это никакого права; такие же лица и отняли у меня все чины; берите себе мои генеральские чины, я их не признавал законными, но чина полковника, в который меня произвёл император, никто, кроме императора, лишить меня не может».

Глава десятая
Роковой выстрел

1

Стрелково-тактические Курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел», где преподавал Яков Александрович Слащёв, ранее назывались Высшей стрелково-тактической школой командного состава РККА. Для того чтобы понимать, о чём идет речь, кратко ознакомимся с её историей.

Высшая стрелковая школа «была учреждена приказом РВСР № 245 от 21 ноября 1918 г. в целях подготовки среднего командного состава для стрелковых подразделений и частей, изучения и испытания новейших видов огнестрельного оружия. Создана в Москве на базе бывшей Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы старой армии с подчинением ГУВУЗу. По положению школа являлась учебно-строевой частью и состояла из учебного отдела, ружейного полигона и управления с отделом снабжения. Учебный отдел включал курсы: тактические, стрелковые, траншейной артиллерии с 6—4-месячным сроком обучения. Приказом Всероглавштаба № 49 от 30 января 1919 г. в школу на правах отдела была передана 1 Московская школа полковой (траншейной) артиллерии и боевых технических приспособлений. Приказом РВСР № 1151 от 18 июля 1919 г. в школе были организованы временные курсы для подготовки командиров полков.

В целях усиления тактической подготовки комсостава приказом РВСР № 1437 от 7 июня 1921 г. Школа была реорганизована в Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА с увеличением срока обучения до 9-ти месяцев. Приказом РВСР № 2293 от 13 октября 1921 г. ей было присвоено имя III Коминтерна, а с 24 апреля 1923 г. она получила наименование Высшей тактическо-стрелковой школы командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» (приказ РВСР № 824). На основании приказа РВСР № 1591 от 19 июля 1923 г. при школе были открыты педагогические курсы преподавателей, окружные повторительные и курсы начальников школ по подготовке младшего комсостава. Приказом РВС СССР № 1265 от 9 октября 1924 г. школа была реорганизована в Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна (КУКС «Выстрел»). На основании приказа РВС СССР № 590 от 27 сентября 1926 г. на курсах был создан научно-исследовательский отдел. Приказом РВС СССР № 289 от 3 июня 1927 г. при курсах были открыты отделения для подготовки штабных и хозяйственных работников и пулемётные курсы».

За семь лет своего существования (с 1919 г. по 1925 г.) курсы

«Выстрел» выпустили более 4000 командиров Красной армии. Из этого числа было выпущено 1287 командиров рот. Как подчёркивалось в журнале Курсов «Выстрел» № 2 за 1926 год, «это количество комрот способно было укомплектовать 140 стрелковых полков, или 47 стрелковых дивизий, или около 24 стрелковых корпусов».

Из общего числа выпущенных Курсами за этот период было выпущено 425 командиров батальонов, а также 505 «командиров полков, способных укомплектовать 168 стрелковых дивизий, или 84 стрелковых корпуса».

Кроме вышеперечисленных кадров, Курсы дали Красной армии большое количество другого командного состава: 569 пулемётчиков, 102 траншейников, 621 заведующих оружием, 121 связиста и 63 партработника. Свою собственную лепту внёс и Яков Александрович Слащёв.

* * *

За годы, проведённые в сгенах «Курсов», Яков Александрович многое успел передумать о пережитом. И хотя лет-то ему было не так уж и много, его опыт жизненный и военный были поистине колоссальны. Но самый главный вопрос, который он мог себе задавать в последнее время, вероятно, был одним из насущных.

> «Был ли доволен он своей новой жизнью? — Подчёркивает в своей книге «Подземелья Лубянки» Александр Хинштейн. — Вопрос непраздный. Слащов и сам себе не мог на него ответить.
>
> С Константинополем его не связывало, кажется, ничего. Единственным богатством, которым владел он там, у берегов Босфора, была свобода.
>
> А что получил он взамен? Место преподавателя тактики на курсах красного комсостава. Комнатушку в лефортовском флигеле.
>
> Но никакие испытания не в силах были сломать, изменить этого человека. Он остался в точности таким же, каким был и в Первую мировую, и в Гражданскую: упрямым, фанатичным, дерзким.
>
> «Стремится уйти из школы в строй, — писали кадровики в одной из первых его аттестаций, — почему и чувствует себя свободно и независимо, мало интересуется пребыванием в стенах школы»».

Но этим планам не суждено было найти своё воплощение.

Роль Слащёва в Советской стране была предначертана её властью. В другой роли он ей был не нужен. Увы!

2

После увольнения из Русской армии Врангеля Земский союз предоставил Якову Александровичу ферму под Константинополем, где он разводил индеек и прочую живность. Однако дело в сельском хозяйстве шло у него из рук вон плохо. Доходов генерал почти не имел и сильно бедствовал. При этом свою борьбу против Врангеля не прекращал ни на минуту. В этом и был весь Слащёв!

> «Что произошло на «Корнилове», куда Кутепов возил мой рапорт, я не знаю, — со злостью говорил Яков Александрович своим собеседникам, — ибо никакого ответа я на него не получил, но не могу не отметить, что после подачи этого рапорта Шатилов отдал распоряжение об исключении из Армии всех генералов, не занимавших должностей, хотя бы эти генералы и желали остаться в Армии, и о перечислении их в разряд беженцев.
>
> Я не знаю, много ли честных, исполнивших свой долг людей было выброшено таким образом на улицы Константинополя без крова, пищи и, по типичному беженскому выражению, «без пиастров», но я знаю, что я — Слащёв — отдавший Родине всё, отстоявший Крым в начале 1920 года с 3000 солдат от вторжения 30.000 полчищ красных, — я, заслуги которого увековечил своим приказом сам Врангель, добавивший, по просьбе населения, к моей фамилии наименование «Крымский», — я выброшен за борт.
>
> Я говорю всё это не для того, чтобы хвастать своими заслугами, я намеренно подчёркиваю, что о них говорил не я, а сам Врангель, но я хочу сказать только, что если так поступал штаб со Слащёвым, то чего же ожидать от него рядовому офицеру или солдату?»

Фигура Слащёва, мало сказать, была популярна. Она снова стала занимать умы соотечественников и на чужбине. Да и не только соотечественников, и не только на чужбине..

Яков Александрович позже расскажет:

— Если говорить о предложениях, полученных мною от Антанты, то все они исходили только от Англии и Франции. Америка и Италия держались крайне лояльно и даже сочувственно к советской власти. Англия же предлагала…

Конечно, только словесно, движение и поднятие восстания в районе Баталпашинск — Минеральные Воды — Пятигорск, чтобы отрезать от России и передать Англии нефтяной район. Разговоры представителей французов сводились к тому, что мне пора примириться с Врангелем и развить операцию на Крым и Украину. Эту точку зрения Франция настолько муссировала, что даже прислала ко мне представителей от Национального Украинского Комитета, возглавляемого Маркотуном, ко мне же были присланы приехавшие с Украины атаманы — я в организации этой угадал подставленных лиц (французов) и ушёл — моё место занял генерал Каледин. Таким образом, украинская авантюра временно провалилась. Но дело на этом не кончилось. Несмотря на то, что я жил в деревне, ко мне приехал сербский посланник, видимо, как нейтральное лицо, которого я никогда раньше не знал, и просил меня зайти к нему поужинать (это было в июне этого года, и им «случайно» был снят дом Энвер-паши в ста шагах от дома, где я жил). За ужином посланник заговорил со мной о Врангеле и что последний меня очень любит. Я ответил: «Не будем говорить об этом подлеце». Несмотря на это, через несколько дней Врангель приехал по делу сербского посланника, но мы не разговаривали. Потом Врангель приехал вторично, но мы не разговаривали… Нужно было поддержать Врангеля, которого они признали как Верховного правителя, и зачем-то нужно было марать меня с ним. Со стороны Англии я получал предложение от Генштаба капитана Уокера о поднятии восстания на Кавказе — я обещал ему разобрать этот вопрос и что о действиях моих он узнает…

Вспомнилось на чужбине и появление Шкуро. Андрей Григорьевич Шкура формировал армию под главенством Савинкова и, как рассказывал Слащёв, собирался высадиться на Кавказе и двигаться совместно с Польшей и со стороны Риги. Лично Якову Александровичу он предложил пост начальника штаба. Ответ Слащёва был уклончивым…

Ничего и не получилось, так как Андрей Григорьевич, проживая сначала в Югославии, а потом в Париже, работал простым наездником в цирке, а ещё снимался в немом кино. Его также встретил Александр Вертинский в Ницце, описав это достаточно красочно и увлекательно:

> «…Однажды в Ницце ко мне подошёл во время работы невысокого роста человек, одетый в турецкий костюм и чалму (снималась картина «Тысяча и одна ночь»).
>
> — Узнаёте меня? — спросил он.

Если бы это был даже мой родной брат, то, конечно, в таком наряде я бы всё равно его не узнал.

— Нет, простите.

— Я Шкуро. Генерал Шкуро. Помните?..

(…) Экзотический грим восточного вельможи скрывал выражение моего лица.

— Надо уметь проигрывать тоже!.. — точно оправдываясь, протянул он, глядя куда-то в пространство.

Свисток режиссёра прервал наш разговор. Я резко повернулся и пошёл на «плато». Белым мёртвым светом вспыхнули осветительные лампы, почти невиданные при свете солнца… Смуглые рабы уже несли меня на носилках.

«Из премьеров — в статисты! — подумал я. — Из грозных генералов — в бутафорские солдатики кино!.. Воистину — судьба играет человеком»».

И если на такую роль мог пойти Шкуро, но только не Слащёв. Уж он не хотел проигрывать. А самое главное, не хотел уметь это делать. Никогда!

3

Шёл 1921 год…

«В начале 1921 года состоялось заседание оперативного совета ВЧК под председательством начальника Особого отдела В.Р. Менжинского, — рассказывает А. Зданович. — В первом пункте повестки дня значилось: «О проекте разложения врангелевцев». Судя по составу участников (Т.П. Самсонов, Г.И. Благонравов, Г.Г. Ягода, А.Х. Артузов, З.Б. Канцельсон), предполагалось задействовать возможности всех оперативных отделов. Хотя мы не располагаем перечнем выработанных чекистами мер, но, зная последующие события, можно вполне обоснованно предположить, что предусматривалось использовать разногласия среди генералитета, между различными группами офицеров и политиков и, активно используя агентуру, склонить высокопоставленных врангелевцев к возвращению на родину, добиться от них публичного заявления об отказе продолжать борьбу с новой властью.

План этот был вполне реален. Надо сказать, что в 1921 году Иностранный отдел ВЧК и Разведуправление Красной армии уже имели активно действующие заграничные резидентуры в некоторых центрах военной эмиграции. Работали чекисты и в Константинополе. Кроме этого, своими оперативными возможностями располагала в Турции Всеукраинская ЧК, а также подчинённая М.В. Фрунзе разведка войск Украины и Крыма.

Некоторые агенты из числа офицеров Белой армии были завербованы ещё до эвакуации войск из Крыма. Достаточно сказать, что на связи с подпольными большевистскими организациями постоянно находились сотрудник оперативного отдела штаба А.И. Деникина В. Борисов и адъютант губернатора Крыма поручик С. Тимофеев…

Среди офицеров и генералов, на которых прежде всего обратили своё внимание советские спецслужбы, наиболее заметной фигурой был, несомненно, защитник Крыма от Красных войск генерал-лейтенант Яков Александрович Слащёв, отстранённый Врангелем от командования корпусом.

Для ВЧК и Разведупра не составляли секрета «особые» отношения Слащёва с Врангелем. В руки чекистов попали многочисленные документы белогвардейской контрразведки, среди которых были материалы и на Слащёва.

В Константинополе опальный генерал вновь оказался под «опекой» контрразведки Врангеля, трудившейся под покровительством французских и английских спецслужб.

Впрочем, пристальное внимание контрразведки отнюдь не испугало Слащёва и никак не повлияло на его взгляды. Не прошло и месяца после эвакуации, как он, в ответ на резолюцию собрания русских общественных деятелей в поддержку Врангеля, направил председателю этого собрания письмо, в котором резко критиковал главнокомандующего и его ближайшее окружение.

Кроме этого, Слащёв активно взялся за подготовку к печати книги с невинным, на первый взгляд, названием — «Оборона Крыма. Мемуары генерала Слащёва-Крымского». А близкие к генералу офицеры повели в войсковых лагерях активную агитацию, в основу которой были положены факты, дискредитирующие Врангеля как военачальника и государственного деятеля. Агитация имела некоторый успех, особенно среди офицеров кавалерийских полков.

Реакция Врангеля последовала незамедлительно: он издал приказ о создании суда чести генералов. Первым и, наверное, единственным делом, которое рассмотрел этот суд, было дело Слащёва. Решением суда его уволили со службы без права ношения мундира. Генерал Слащёв был исключён из списков армии, что, кроме всего прочего, лишало его какого-либо содержания и обрекало на нищенское существование. Более того, ему предлагалось немедленно покинуть Константинополь.

Однако Слащёв и не думал никуда уезжать, а, напротив, стал ещё решительней в своих действиях. На его квартире в Скутари (район Константинополя) регулярно стали собираться офицеры и разрабатывать планы смещения главнокомандующего. Парижская эмигрантская газета «Последние новости» писала, что на вызывающие действия Слащёва обратили внимание французские власти (читай — контрразведка), «которые нашли, что всякая агитация против генерала Врангеля подрывает дисциплину в войсках, и предложили

генералу Врангелю арестовать Слащёва».

Главнокомандующий возражал против крайних мер. Тогда, воспользовавшись отъездом Врангеля, французы сами заключили Слащёва и группу его офицеров под домашний арест.

Но и это не остановило отставного генерала. Несмотря на то что редактор его книги генерал Н.А. Киленин испугался последствий и прекратил работу над рукописью, Слащёв сам переработал текст и всё же довёл дело до издания…

Окончательный вариант книги назывался «Требую суда общества и гласности». Само название говорило о том, что автор не сдался, а, наоборот, настроен на дальнейшую борьбу.

Книгу продавали буквально из-под полы. Контрразведчики гонялись по пятам за продавцами, как правило, нищими офицерами, и арестовывали тех, кто приобретал её. В Галлиполийском лагере, где находилось более 10 тысяч солдат и офицеров, жестоко наказывали тех, у кого обнаруживали книгу Слащёва.

Борьба Слащёва с врангелевским окружением и непосредственно с бароном вносила раскол в побеждённую, но не сломленную до конца Белую армию, что полностью соответствовало интересам ВЧК и Разведупра РККА в Константинополе. Поэтому, не отказываясь от работы с другими генералами и офицерами, советские спецслужбы сосредоточили свои усилия (по крайней мере, с февраля 1921 года) на Слащёве и разделявших его взгляды офицерах.

Было признано необходимым послать в Турцию ответственного сотрудника с поручением установить непосредственные контакты с генералом, а вернее с генералами, поскольку в группу Слащёва входил и бывший помощник военного министра Крымского правительства, председатель Татарского комитета в Турции генерал А.С. Мильковский.

Уполномоченным ВЧК стал Я.П. Тененбаум. Его кандидатуру предложил будущий заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт — они вместе работали на Западном фронте, где Тененбаум под руководством Уншлихта занимался разложением польской армии и весьма преуспел в этом. Кроме того, Тененбаум обладал богатым опытом подпольной работы, хорошо знал французский язык, что в Константинополе могло

пригодиться, с учётом активности французской контрразведки. Перед выездом Ельского (под таким псевдонимом отправлялся в Константинополь Тененбаум) его лично инструктировали И.С. Уншлихт и председатель РВСР Л.Д. Троцкий».

В «Записках старого чекиста», автором которых был Фёдор Тимофеевич Фомин, можно найти и некоторые дополнительные детали той непростой операции:

«В мае 1921 года я был переведён в Симферополь. Один из приятелей Слащёва, проживавший в Симферополе, получил из Константинополя письмо от известного эсера Фёдора Баткина. Это письмо попало к нам в руки. В нём говорилось, что Слащёв выражает желание вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки Советского правительства.

Письмо это я направил в Харьков начальнику особого отдела ВЧК Южного фронта. А он поехал с ним к председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому. Возник вопрос: стоит ли начинать переговоры с генералом Слащёвым о его возвращении в Советскую Россию? Местные работники высказались отрицательно. Но в Москве сочли нужным начать переговоры со Слащёвым.

Феликс Эдмундович отлично знал, какие «лавры» стяжал себе генерал Слащёв. Неслыханными жестокостями, кровавыми расправами над лучшими сынами нашей родины прославил себя этот белогвардеец. Но интересы государства требовали дальновидной политики: возвращение генерала Слащёва в Советскую Россию даст возможность использовать его самого в целях разложения эмиграции. Да и сам факт его возвращения в Россию имел бы определённое политическое значение.

Вскоре в Крым приехал из Харькова особоуполномоченный ВЧК с письмом, в котором было сказано: «По распоряжению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского к вам направляется в Крым товарищ для ведения переговоров с генералом Слащёвым, находящимся в Константинополе. Вся работа особоуполномоченного должна проходить под вашим контролем. Прошу оказывать ему помощь».

Нам стало известно, что генерал Слащёв с женой и ребёнком проживает в Стамбуле. Средств к жизни не имеет. Занимает старую маленькую хибарку, почти без

всякой обстановки. (…)

Очень скоро мы смогли убедиться, что Слащёв действительно разочаровался в политике контрреволюционных организаций, продолжавших антисоветскую деятельность за границей. С пристальным вниманием он следил за событиями в Советской России и горячо говорил о своём желании получить прощение у Советского правительства, чтобы иметь возможность честной службой искупить свою вину перед народом.

Феликс Эдмундович просил нас регулярно и подробнейшим образом сообщать ему о переговорах со Слащёвым, и все дальнейшие указания по этому вопросу мы получали от Ф.Э. Дзержинского. Он поручил передать Слащёву, что Советское правительство разрешает ему вернуться на родину и обещает обеспечить работой по специальности (Слащёв ещё до мировой войны занимался преподавательской деятельностью в высшем военном учебном заведении)».

Как уточняет А. Зданович, «первые контакты уполномоченного ВЧК со Слащёвым состоялись в феврале 1921 года. Они носили скорее разведочный характер: уточнялись позиции сторон, определялись возможные совместные действия в Константинополе. Ельский не имел тогда полномочий на предложение Слащёву возвратиться в Россию. (…)

Встречи со Слащёвым Ельскому приходилось устраивать, соблюдая строжайшую конспирацию. Он использовал все свои навыки старого подпольщика, чтобы обезопасить себя и офицеров, с которыми поддерживал связь, от провала на начальной стадии работы. Ведь в Константинополе действовали, по крайней мере, три официальные контрразведки. Все они хорошо оплачивались и могли вербовать многочисленных агентов для выявления подпольной работы большевиков.

Главным объектом их устремлений являлась Российско-Украинская торговая миссия, сотрудники которой не без основания подозревались в агитации среди врангелевских солдат за возвращение домой. Переполох среди контрразведчиков вызвало появление в середине февраля 1921 года первого номера подпольной газеты «Константинопольские известия», органа городского комитета коммунистической партии.

Усиливалась агитация и непосредственно в военных лагерях.

В целях большой безопасности Слащёв со своим начальником штаба генералом Дубяго и другими офицерами поменял место жительства, снял дачу на берегу Босфора и организовал товарищество по обработке фруктовых садов. В это же время Ельский добивается через Дзержинского, чтобы ему прислали моторную лодку, которую, вероятно, он предполагал использовать для вывоза генерала и его группы из Турции в случае непредвиденных обстоятельств.

Шло время. День ото дня Слащёв всё больше укреплялся в мысли просить советские власти разрешить ему вернуться.

Окончательное решение созрело у него в мае. По крайней мере, именно в мае чекисты перехватили письмо из Константинополя в Симферополь с сообщением, что Слащёв выражает желание вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки Советского правительства. Письмо было адресовано артисту Симферопольского театра М.И. Богданову, а автором письма был Фёдор Исаакович Баткин. (…)

…в Симферополе уполномоченный Всеукраинской ЧК С.Б. Виленский, курировавший по указанию Дзержинского операцию возвращения генерала Слащёва в Россию, завербовал получателя письма Баткина — артиста Богданова, и направил его в Константинополь с заданием: выйти на связь со Слащёвым и оказать содействие в организации выезда генерала в Крым.

Прибыв в Турцию, Богданов первое время точно выполнял задание чекистов: установил контакт с Баткиным и через него со Слащёвым; сообщил генералу, что ему обещана полная амнистия и даже должность в Красной армии.

Но, освоившись в Константинополе, Богданов стал необдуманно расширять круг связей среди белоэмигрантов, выдавая себя чуть ли не за официального представителя Советского правительства по организации репатриации врангелевцев на родину. Вполне естественно, что он попал в поле зрения врангелевской контрразведки. В результате намеченный план возвращения Слащёва оказался под угрозой срыва. Кроме этого, обещанные чекистами деньги для передачи капитану судна, на котором предполагалось вывезти

Слащёва из Константинополя, пока не подоспели. Начало операции пришлось отложить».

Парадокс заключается в том, что в результате контакт по группе Слащёва был потерян. И это учитывая работу сразу двух советских разведок в Турции: ВЧК и военной разведки РККА, взаимодействие между которыми, судя по всему, отсутствовало. Тогда помог случай.

«Ничем другим нельзя объяснить тот факт, — продолжает А. Зданович, — что в Политбюро ЦК РКП(б) в начале октября 1921 года поступил на рассмотрение доклад сотрудника разведупра войск Украины и Крыма Дашевского с предложениями по переброске генерала и ряда офицеров из Турции на советскую территорию. (…)

Изучив привезённые Дашевским предложения, Троцкий написал записку в Политбюро: «…Считаю, что нужно «условия» принять, т. е. переправить их в Россию. Формальное руководство делом было возложено на т. Дзержинского. Может быть, послать т. Дашевского к Дзержинскому?»

Разведупровские материалы Троцкий переслал Ленину.

Председатель Совнаркома, со своей стороны, предложил для детального обсуждения и подготовки проекта окончательного решения создать комиссию…

На состоявшемся 7 октября 1921 года заседании Политбюро ЦК РКП(б) предложение Ленина было поддержано, и в тот же день комиссия приступила к работе, а к вечеру Каменев подготовил проект решения Политбюро. В нём говорилось, что целесообразно «предложение признать приемлемым, т. е. согласиться на переправку Слащёва и компании в Россию»».

10 октября 1921 г. вопрос по Слащёву был решён на самом верху, а с середины октября свои действия активизировали и непосредственные исполнители операции.

«Тененбаум (Ельский) фактически прекратил контакты со Слащёвым, сосредоточив свои усилия на других генералах и офицерах, в том числе уезжающих в Болгарию вместе со своими частями. В ВЧК решили, что тандем Баткин — Богданов имеет больше шансов на успех.

На первую роль выходит Баткин. Он даже переехал

на дачу, арендуемую Слащёвым, и оттуда через своих агентов организовал отъезд. Дело стопорилось отсутствием денег. Капитан итальянского парохода «Жан» требовал значительную сумму в турецких лирах, а курьер из Севастополя по неизвестной причине задерживался. Наконец, он прибыл, но вызвал подозрения у английской охраны порта и был арестован.

Баткину пришлось задействовать все мыслимые и немыслимые связи, истратить остатки денег, привезённых Богдановым в сентябре, чтобы освободить торговца-курьера. И вот к концу октября всё было закончено.

Тайные помощники Баткина распустили слух о серьёзности намерений Слащёва уехать в Россию якобы с целью объединения «зелёного» движения и руководства им в борьбе с большевиками. Эта информация, как и было задумано, дошла до французской и английской контрразведок и несколько усыпила их бдительность.

Слащёву и его единомышленникам удалось незамеченными покинуть дачу на берегу Босфора, пробраться в порт и погрузиться на пароход «Жан»».

В Севастополе Слащёва встречали сотрудники ВЧК, а на вокзале города ожидал личный поезд товарища Дзержинского.

В своей книге чекист Фомин добавляет к этой истории один существенный момент. После предложения Советского правительства о разрешении Слащёву вернуться на родину тот будто бы выдвинул свои условия возвращения:

«Во-первых, он хотел бы получить от Советского правительства грамоту о неприкосновенности личности на территории Советской страны. Во-вторых, намереваясь направить свою семью — жену и ребёнка — к родным в Италию, он просил обеспечить их валютой или ценностями. Кроме того, Слащёв предупредил, чтобы весь разговор с ним о его намерении вернуться в Советскую Россию сохранялся в тайне, особенно на территории Турции, и был бы известен только узкому кругу лиц: тем, которых уполномочили вести переговоры с ним.

В ответ на это Феликс Эдмундович решительно заявил:

— Если Слащёв желает вернуться на родину, то пусть приезжает к нам с семьёй. Работой он будет обеспечен, и ему будут созданы нормальные

материальные условия. Валюты или ценности для обеспечения его семьи мы дать не можем. Также не можем выдать ему и грамоту о неприкосновенности личности. Генерал Слащёв достаточно известен населению Крыма своими зверствами… Если с ним случится что-нибудь, то наши враги используют это против нас. А под охраной держать его нам нет надобности.

После некоторых размышлений Слащёв в конце концов пришёл, как нам передали, к такому заключению:

— Не надо мне никакой гарантии… Да и что эта бумажка может мне дать? Приеду я, скажем, на пароходе в Севастополь и пойду гулять по городу, а по пути меня встретит и узнает кто-либо из тех, у кого я расстрелял или повесил в Крыму близкого человека. Тут уж никакая грамота не поможет…»

До наших дней сохранилась записка Л.Д. Троцкого, адресованная В.И. Ленину 16 ноября 1921 г. в связи с возвращением Слащёва в Россию:

«Главком считает Слащёва ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащёв будет только «беспокойной ненужностью». Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то «25 шомполов»».

Подъесаул Николай Николаевич Туроверов, казачий поэт «первой волны» эмиграции, в 1944 году написал прекрасное стихотворение «Товарищ»:

Перегорит костёр и перетлеет, —
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, — не мученьями, страданьями и кровью —
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою — товарищ,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда почуяв смертную тоску,

Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

Кто знает, но, может быть, эти строки мы могли бы отнести и к возвращению генерала Слащёва в Советскую Россию…

* * *

Обращение генерала Я.А. Слащёва к офицерам и солдатам армии Врангеля и беженцам 21 ноября 1921 г.

«С 1918 г. льётся русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и неподдержанным народом — белые были побеждены и бежали в Константинополь.

Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и её народ.

Я, Слащёв-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться советской власти и вернуться на родину, в противном случае вы окажетесь наёмниками иностранного капитала и, что ещё хуже, наёмниками против своей родины, своего родного народа. Ведь каждую минуту вас могут послать завоёвывать русские области. Конечно, платить вам за это будут, но пославшие вас получат все материальные и территориальные выгоды, сделают русский народ рабами, а вас народ проклянёт. Вас пугают тем, что возвращающихся белых подвергают различным репрессиям. Я поехал, проверил и убедился, что прошлое забыто. Со мной приехали генерал Мильковский, полковник Гильбих, несколько офицеров и моя жена. И теперь, как один из бывших высших начальников добровольческой армии, командую вам: «За мной!» Не верьте сплетням про Россию, не смейте продаваться, чтобы идти на Россию войной.

Требую подчинения советской власти для защиты родины и своего народа».

4

Очевидцы рассказывают, что и той зимой белая Москва напоминала и впрямь новогоднюю ёлку: она была украшена золотыми шарами церковных куполов и сосульками колоколен. Над городом кружил снег…

На календаре было 11 января 1929 года. В этот день Яков Александрович не появился на лекциях и до обеда этому факту никто не придал особого значения. Накануне у него был день рождения, сорок третий по счёту… (родился 29 декабря 1885 г. по ст. стилю, а по новому 10 января 1886 г.). Может, «прихворнул» после вчерашнего. Но вскоре всё выяснилось. Сослуживцы нашли его дома убитым. Жены рядом не оказалось. Она была на работе.

13 января 1929 года газета «Правда» коротко сообщила:

> «Смерть Слащёва
>
> 11 января на своей квартире был убит А. (опечатка — д.б. «Я») Слащёв. Неизвестный, войдя в квартиру, выстрелил в Слащёва и скрылся. Слащёв, в прошлом командир одной из врангелевских армий, в последнее время был преподавателем на стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава».

15 января 1929 года на смерть Якова Александровича отозвались «Известия»:

> «11-го января, как у нас сообщалось, в Москве на своей квартире убит бывший врангелевский генерал и преподаватель военной школы Я.А. Слащёв. Убийца, по фамилии Коленберг, 24-х лет, заявил, что убийство им совершено из мести за своего родного брата, казнённого по распоряжению Слащёва в годы гражданской войны.
>
> Я.А. Слащёв с 1922 года, с момента добровольного своего перехода на службу в Красную армию, работал преподавателем тактики на курсах «Выстрел». Я.А. Слащёв происходил из дворян. Службу свою в царской армии он начал с 1902 года. В 1911 году он окончил академию генерального штаба и, отказавшись от зачисления по генеральному штабу, перешёл на службу в Пажеский корпус, где преподавал военные науки до начала мировой войны.
>
> Войну он начал в должности командира роты, а в 1916 году был назначен командиром полка. В

Гражданскую войну Я.А. Слащёв был на стороне белых. В армии Деникина он занимал пост главнокомандующего войсками Крыма и Северной Таврии, впоследствии же при Врангеле был назначен командиром отдельного корпуса. Во время пребывания в Крыму Слащёв жестоко расправлялся с рабочими и крестьянами. Не поладив с Врангелем по мотивам служебного и личного характера, он был отозван и уехал в Константинополь. В Константинополе Врангель разжаловал Слащёва в рядовые. В 1922 году Слащёв добровольно возвращается из эмиграции в Россию, раскаивается в своих преступлениях перед рабочим классом и амнистирован советским правительством. С 1922 г. добросовестно работает преподавателем в «Выстреле» и сотрудничает в военной прессе. Недавно им был сдан в печать труд «Общая тактика». В связи с убийством производится следствие. Вчера в 16 ч. 30 мин. в московском крематории состоялась кремация тела покойного Я.А. Слащёва».

16 января 1929 года откликнулась и берлинская газета «Руль»:

«В Москве в своей квартире убит генерал Я.А. Слащёв, один из активных участников белого движения, снискавший весьма печальную память своей исключительной жестокостью и бесшабашностью. Уже в Крыму Слащёв старался стать вместо генерала Врангеля во главе армии, а затем в Константинополе выпустил известную брошюру, в которой требовал суда над главнокомандующим (Врангелем). Из Константинополя Слащёв переехал в Москву, советская власть охотно простила ему прегрешения по отношению к ней и назначила его профессором Военной Академии. Однако там ему не удалось удержаться вследствие крайне враждебного отношения к нему слушателей. Слащёв переведён был на стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава (так наз. «Выстрел»), где он и остался до последних дней в качестве лектора, успевшего выпустить за время пребывания в СССР несколько трудов по военным вопросам. Местожительство Слащёва в Москве тщательно скрывалось…

Последние сообщения берлинских газет говорят об аресте убийцы, 24-летнего Коленберга, который заявил,

что убил Слащёва за расстрел брата, совершённый Слащёвым в Крыму. В Москве утверждают, что убийство совершено было уже несколько дней назад, но не сразу о нём решились сообщить. Тело Слащёва сожжено в московском крематории. При сожжении присутствовали Уншлихт и другие представители реввоенсовета».

Однако самая любопытнейшая информация появилась в Варшавской газете «За свободу» 18 января 1929 года:

«…Впоследствии выяснится, убила ли его рука, которой действительно руководило чувство мщения, или которой руководило требование целесообразности и безопасности. Ведь странно, что «мститель» более четырёх лет не мог покончить с человеком, не укрывшимся за толщей Кремлёвских стен и в лабиринте Кремлёвских дворцов, а мирно, без охраны проживавшим в своей частной квартире. И в то же время понятно, если в часы заметного колебания почвы под ногами, нужно устранить человека, известного своей решительностью и беспощадностью. Тут нужно было действительно торопиться и скорее воспользоваться и каким-то орудием убийства, и печью Московского крематория, способного быстро уничтожить следы преступления».

Заключение по делу Л.Л. Коленберга, обвиняемого в убийстве Я.А. Слащёва, было подписано 26 июня 1929 года уполномоченным 6-го отделения КРО ОПТУ Гурским. То есть спустя пять с половиной месяцев после совершённого им преступления. В этом документе всё чётко и ясно:

«1929 года, июня 26 дня, я, уполномоченный 6-го отделения КРО ОГПУ, рассмотрев следственное дело за № 77170 по обвинению гражданина Коленберга Лазаря Львовича в преступлениях, предусмотренных 138 ст. УК, находящегося на свободе, нашёл:

Гражданин Коленберг Лазарь Львович, 1905 года рождения, из мещан г. Николаева, 11 сего января убил бывшего генерала Якова Александровича Слащова выстрелом из револьвера на его квартире.

Следствием установлено, что Л. Коленберг в 1919 г. совместно со своими родителями и другими членами семьи проживал в г. Николаев. После занятия Николаева белыми он работал в большевистском подполье. Проводимые белыми жестокие репрессии и бесчинства

по отношению к еврейскому населению, публичные расстрелы заподозренных в причастности и даже сочувствующих революционному движению, расстрел родного брата Коленберга — всё это произвело на него глубокое впечатление, и у него запала навязчивая идея мести командовавшему белыми генералу Слащову. После занятия Николаева красными войсками Коленберг вступил в Красную Армию и прослужил в ней до 1926 г., будучи демобилизованным на должности командира взвода.

Мысль о мести Слащову за всё это время Коленберга не оставляла. После демобилизации он приехал в Москву с целью проведения задуманного им убийства Слащова. Однако, по независящим от него обстоятельствам, он вскоре уехал из Москвы и с той же целью вернулся обратно в сентябре 1928 г. по командировке винницкого военкомата в Московскую пехотную школу им. Ашенбренера и Уншлихта. Через два месяца он был демобилизован и поступил в военизированную охрану.

С целью изучения образа жизни Слащова Коленберг стал брать у него на дому уроки тактики. 15 декабря Коленберг специально выехал в г. Киев за хранящимся там у него револьвером системы «парабеллум». Вернувшись в Москву 11 сего января, во время урока Коленберг осуществил давно задуманное им убийство Слащова, убив его из револьвера тремя выстрелами. После чего отдался прибывшим властям».

Примечательно и окончание этого документа:

«Произведённой психиатрической экспертизой Коленберг признан психически неполноценным и в момент совершения им преступления — невменяемым, а посему постановил:

На основании ст. 322 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР дело в отношении Коленберга прекратить и сдать в архив».

На документе имеются резолюции:

«Согласен. Пом. нач. 6-го отд. КРО Чопяк»;
«Утверждаю. Пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий».

С сегодняшних высот заподозрить в этом деле можно многое. Хотя бы потому, что на документе стоят подписи

уполномоченного 6-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ, помощника начальника 6-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ и, наконец, помощника начальника контрразведывательного отдела ОГПУ. Словом, сама аббревиатура «КРО», или контрразведывательный отдел, и создаёт некий политический оттенок убийства Слащёва. Но как выяснилось десятилетиями ранее, всё было гораздо проще, чем можно было бы предположить. Первоначально, ввиду возможной политической подоплёки убийства Я.А. Слащёва, следствие по делу вело ОГПУ. Затем все материалы были переданы в Московскую губернскую прокуратуру. Следователь Элькинд в мае 1929 г. постановил дело производством прекратить, поскольку убийца был признан невменяемым. Сотрудники ОГПУ ознакомились с собранными следователем прокуратуры материалами, и пришли к выводу о необходимости продолжения следствия и задержания убийцы — Коленберга. По заданию контрразведывательного отдела ОГПУ украинские чекисты проверили отдельные пункты показаний Коленберга и подтвердили факт расстрела его брата по приказанию Слащёва. После этого и было составлено заключение КРО ОГПУ об окончательном прекращении дела. Неизвестна лишь судьба Лазаря Львовича Коленберга.

Чтобы убедиться в том, что брата Коленберга действительно расстреляли по приказу Я.А. Слащёва, достаточно открыть газету «Известия Николаевского губисполкома и Губкома КП/б/У» за № 244, от 20 ноября 1920 года, где в списке 39-м значится: «Коленберг Герш, член комсомола, служ. завода Когана».

Как считает Александр Хинштейн, *«мистическая слава, окружавшая Слащова, с каждым годом постепенно таяла. Трудно было поверить, что этот рядовой преподаватель был тем самым Слащовым, чьё имя гремело по всей стране, наводя ужас на врагов и вселяя безудержную веру в соратников.*

Не помогли даже съёмки кинофильма «Врангель», где Слащов сыграл самого себя. Фильма эта, снятая «Пролетарским кино», успеха не имела и до наших дней не сохранилась.

Последний всплеск интереса к его персоне пришёлся на конец 20-х. В 1928 году Михаил Булгаков пишет «Бег». В главном герое пьесы генерале Хлудове, которого, по выражению кинорежиссёра И. Хейфица, отличала «звериная ненависть к революции и затаённая любовь к России», публика тотчас опознала Слащова.

Но Слащову не суждено было увидеть своё литературное отражение на сцене».

К 1930 году произведения Булгакова перестали печататься, пьесы изымались из репертуара театров. Была запрещена к

постановке и пьеса «Бег». 10 марта 1940 года Михаил Александрович Булгаков скончался.

Трагично закончилась жизнь почти всех возвратившихся со Слащёвым лиц. В 30-е годы все они, за исключением Мезерницкого и жены, судьба которых неизвестна до сих пор, были расстреляны. Тогда же в 30-е жертвами репрессий стали как организаторы, так и исполнители операции по возвращению Якова Александровича Слащёва на родину. То же самое произошло и с теми чекистами, кто расследовал убийство бывшего белого генерала. Только поэтому можно с уверенностью сказать, что мистическая слава генерала Слащёва продолжала жить и после его смерти.

Кстати сказать, одним из тех, кто не захотел вернуться в Россию со своим командиром и другом, стал генерал-майор Георгий Александрович Дубяго. После бегства Слащёва он выехал в Болгарию. Во время Второй мировой войны переехал в Германию. А после войны эмигрировал в США. Там он дожил до 72 лет и умер от разрыва сердца.

Вряд ли такая судьба была уготована Якову Александровичу с его непоколебимым характером. Не поэтому ли он, так любивший Россию, сотни раз смотревший в лицо смерти, всё же погиб как настоящий русский офицер на своей земле. Погиб, счастливой смертью солдата, не дождавшись ночных допросов, пыток и издевательств, а затем подлой пули в затылок.

5

После прибытия в Константинополь барон Врангель разместился на яхте «Лукулл». Она стояла на рейде в проливе Босфор. На ней же находились его семейство, а также войсковой архив и казна. 15 октября 1921 года итальянский пароход «Адрия», следовавший из советского порта Батуми, свернул в сторону рейда и на полном ходу протаранил яхту, пустив её ко дну. Барон вместе с семьёй в это время отсутствовал. Большинству членов экипажа удалось спастись. Странные обстоятельства гибели «Лукулла» на сегодняшний день подтверждаются современными исследователями советских спецслужб. Как выясняется, в таране участвовала агент Разведуправления Красной армии Ольга Голубовская.

Следующим местом обитания Врангеля стала Сербия, где ему разрешили разместить отряд из двух тысяч вооружённых людей. Вся остальная армия под командованием генерала Кутепова переправилась в Болгарию. В 1924 году барон создаёт Русский общевоинский союз (РОВС) и в том же году признаёт верховное руководство РОВСа за великим князем Николаем Николаевичем.

В 1926 году он объявляет остаткам своей армии о прекращении финансирования, оставляя тысячи русских ветеранов войн без средств к существованию. Сам же в сентябре 1927 года переезжает с семьёй в Брюссель, где устраивается инженером в одной из брюссельских фирм. В апреле следующего года генерал Врангель скоропостижно умрёт, после внезапного заражения туберкулёзом. Считается, что барон был отравлен братом своего слуги, являвшимся агентом ВЧК. Было ему всего 49 лет.

Трудно сказать, какие чувства испытал Яков Александрович Слащёв при получении этого известия, но, как оказывается, врагов у Врангеля хватало и без него. Чтобы убедиться в этом, достаточно вернуться к очеркам генерала Евгения Исааковича Доставалова:

> «В Берлине генерал Келчевский рассказывал мне, что в Сербии к нему и генералу Сидорину явился Бурцев и уговаривал их примириться с Врангелем. На вопрос, заданный Бурцеву, разве он не знает, что за авантюрист Врангель, старый сыщик вынул из портфеля пачку бумаг и, потрясая ими, сказал: «Знаю, всё знаю, вот здесь у меня есть такие документики, которые в один момент могли бы уничтожить Врангеля, но я этого не делаю.

Важен не Врангель, важна идея». Но какая же это всё-таки должна быть «идея», проводить которую Бурцев собирается при помощи Врангеля?

Я полагаю, что из опубликованного, далеко не полного материала, который имеется в моих руках, станет вполне ясным тот ужасающий моральный гнёт, в котором приходилось жить русским беженцам на Балканах, где собрался весь субсидируемый цвет врангелевских героев и его контрразведки. Я не хочу подвергать врангелевскому террору своих друзей, но письма, которые я получаю от беженцев-офицеров бывшей врангелевской армии из Сербии и Греции, рисуют яркую картину разложения белого тыла.

Таких, как я, разочаровавшихся в эмигрантской идеологии и в идеях, защищаемых Врангелем и Бурцевым, много. Нас будет ещё больше».

«Преступление Врангеля перед офицерами заключалось в том, что он сознавал безнадёжность начатого им дела и после эвакуации подтвердил, что в Крыму он гальванизировал труп, но сколько тысяч молодых офицерских жизней было принесено в жертву этой гальванизации.

Впрочем, и сами вожди белых армий признавали узкоклассовый, а не всенародный характер возглавлявшегося ими Белого движения. В своих воспоминаниях генерал Деникин говорит: «Армия в самом зародыше таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый, офицерский». Деникин видел глубокую ненависть к ней народных масс. «Было ясно, что Добровольческая армия выполнить своей задачи во всероссийском масштабе не сможет». Несмотря на это, Деникин и Врангель устилали Россию офицерскими телами за дело, в торжество которого они сами не верили».

«А наша военная мысль и в Крыму работала по-прежнему вяло, а чаще не работала вовсе, и наши первоначальные победы мы покупали не уменьем, а ценой офицерских жизней, заменить которые нам было нечем.

Решив покончить с армией Врангеля, красное командование, укрепив Каховский плацдарм и отбив наши атаки, стало сосредотачивать под прикрытием его сильную ударную группу. Нам были хорошо известны состав и численность группирующихся там частей.

Благодаря неосторожности красных, плохо зашифровавших свои радиограммы, мы могли ежедневно следить за движением к Каховке частей конной армии Будённого ещё с тех пор, когда его дивизии располагались в районе Александрии. План красного командования был прост и ясен: увлекая наши силы всё далее на северо-восток, нанести удар собранным в Каховке кулаком по кратчайшему и важнейшему направлению на Перекоп и, отрезав нашу армию от перешейков, одним ударом ликвидировать крымский фронт.

Что же делает Врангель? Несмотря на то что главные и лучшие силы противника сосредотачиваются в Каховке, в трёх переходах от Перекопа, то есть от самого убойного для нас места, он оставляет против Каховской группы слабый небоеспособный корпус Витковского, растягивает свой фронт почти на 500 вёрст и лучшие и боеспособные части, Добровольческий корпус и донцов сосредотачивает на второстепенном, потерявшем для нас всякое значение правом фланге в 150 верстах от Перекопа, то есть в 7–8 переходах. Мало того, с каждым днём эта растяжка всё увеличивается. Было ли это проявление свободного творчества или просто глупость, мы не знаем, но результат получился известный».

«Отличительным свойством политики Врангеля были цинизм и полная неразборчивость в средствах для достижения поставленной цели реставрации старой России. Эта политика скоро дала себя знать. Гробовым молчанием и ужасом встретило казачье население Тамани проезд Главнокомандующего по улицам города после десанта. Не поднялись и не присоединились Дон и Кубань. Поляки, оттяпав при помощи Врангеля то, что было нужно от России, и прихватив ещё добрую часть исконно русских земель, предали его в самый критический момент. Украинские самостийники от союза отказались. Атаманы различных шаек, действуя на территории Крыма, союз заключили, но разоряли население, дискредитируя власть, на которую опирались они, и, получив оружие и помощь деньгами, переходили на сторону красных. Но если Врангель не нашёл друзей за пределами крымского фронта, может быть, он нашёл их в Крыму?»

6

После смерти Слащёва всё в том же 1929 году Государственное издательство (Отдел военной литературы, Москва, Ленинград, тираж 5000, цена 70 коп.) вышла его книга, над которой Яков Александрович работал всё последнее время. Называлась она так: «Мысли по вопросам общей тактики. Из личного опыта и наблюдений». Весьма любопытно написанное от редакции предисловие, которое предваряет авторский материал видного военного специалиста:

> «Труд подготовлен к печати покойным Я.А. Слащёвым и представляет отражение его личных взглядов. Богатейший боевой опыт и страстность, которую вносит автор в освещение и обсуждение отдельных вопросов, делают работу не только дискуссионной и с интересом читаемой. Это побудило редакцию оставить без изменений текст там, где высказываемые автором положения не вполне совпадают с принятыми в Красной армии, тем более что «Мысли по вопросам общей тактики» не претендуют на роль учебного руководства.
>
> Наибольший интерес представляют главы:
>
> «Разведка», где ярко чувствуется опыт автора, работавшего на должностях и общевойскового, и кавалерийского, и пехотного начальника. Это позволяет ему углубиться до работы разъездов и особенно пеших дозоров. Автор весьма убедительно доказывает необходимость создания специалистов-разведчиков и указывает способы их применения.
>
> «Сторожевое охранение» интересно вниманием, которое автор уделяет заботам войск.
>
> «Значение маневра» показывает те идеи, которые лежали в основе боевой деятельности автора. Отдел необычен «снижением» до взвода и роты и рассмотрением работы этих подразделений.
>
> «Оборонительный бой» автор построил своеобразно и отлично от принятых в Красной армии форм. Особенно это сказалось в разделах: «От кого выдвигается боевое охранение», «Характер действий войск обороны» и «Значение укреплённых районов».
>
> Отметим, что ни в оборонительном бою, ни в наступательном автор не останавливается на значении

борьбы за моральное превосходство.

Ярко написан отдел «Особенности партизанских боёв». Автору неоднократно приходилось сталкиваться с партизанами и самому вести партизанские действия. Большой боевой опыт наложил и на этот отдел свой отпечаток.

Педагогическая работа автора получила отображение в отделе «Краткие основы методики боевой подготовки войск». Автору, конечно, чужд марксистский анализ, столь необходимый для научного освещения вопросов методики, но тем не менее командный состав и здесь найдёт ряд полезных указаний».

* * *

В последние секунды своей жизни Яков Александрович Слащёв увидел море. То самое Чёрное море Крыма осени 1920 года. Море для него всегда было связано со стихией, явлением природы, обладающим разрушительной силой, которой человек очень часто не в состоянии противостоять. Свою стихию он видел в боях и сражениях, где он всегда молодой и растущий военачальник был непобедим. Слащёв любил стихию и очень хорошо её чувствовал. В море он видел ту фантастическую творческую энергию, которая напоминала ему его личные погружения. Чем глубже он погружался в себя, тем искуснее были его решения. Они всплывали словно из глубин, не однажды поражая его самого своей гениальностью. Так бывает с людьми, поцелованными Богом в макушку. Но вот всё закончилось. Море, стихия оказались от него далеко, и «Бег» генерала Слащёва был завершён.

Эпилог

Автор книги «Михаил Булгаков: писатель и власть» В. Сахаров открывает нам истинное понимание «Бега»: *«Эта поэтическая и печальная атмосфера холодной осени и заката автору особенно дорога, и поэтому он написал замечательные развёрнутые ремарки, точно определяющие лирическую музыку пьесы, её режиссёрское и актёрское решение…*

В волшебно замедленном сне-полёте булгаковские герои на время забывают о конечной цели своего бега, обозначенной в эпиграфе из Жуковского (кстати, эпиграф этот найден уже в декабре 1924 года). Жизнь представляется им жестокой кутерьмой и полной катастрофой, старый мир неотвратимо рушится, новый страшен и непонятен. «Страшно жить, когда падают царства», — признавался автор пьесы. Бег не завершается в Крыму, персонажи попадают в Константинополь и Париж, а неугомонный весельчак Чарнота всё мается: «В Мадрид меня чего-то кидает…»

География эмиграции беспредельна — от Шанхая до Уругвая. Цель же булгаковских героев — не Мадрид или какой-то другой знаменитый город мира, но покой и свет в душе, возвращение к простым, вечным ценностям, восстановление утраченного согласия и единения между людьми. Обрести мир в душе можно и в Вязьме или Киеве, и герои пьесы рвутся домой, хотя понимают, что испытания их на этом не закончатся. Все они хотят остановить своё медленное падение в небытие и вернуться».

Как известно, судьба жены Слащёва Нины Николаевны Нечволодовой до сих пор остаётся неизвестной. Когда стреляли в Слащёва, то её рядом не оказалось. Однако автор статьи «Тени прошлого. Ординарец Нечволодов» Ильсур Зиннатуллин пытается раскрыть эту тайну:

> «В 1937 году на экраны СССР вышел фильм «Юность». Картина рассказывала о гражданской войне в Крыму. Сценаристом фильма была Нина Нечволодова. А в пятидесятые годы выходит книга «Юность Ленина», где автором также является человек с аналогичным именем и фамилией. Если по фильму мне не удалось установить отчество Нечволодовой, то автором книги была Нина Павловна Нечволодова.
>
> Уверен, что это один и тот же человек. Дело в том, что в обоих случаях вместе с ней фигурирует фамилия Леонида Резниченко. В 1937 году — режиссёр фильма, во втором случае — соавтор книги. Является ли Нина

Николаевна и Нина Павловна одним и тем же лицом?..

А теперь вернёмся к записям белоэмигранта Аверьянова. Могу предположить, что Аверьянов ошибся в отчестве Нины Нечволодовой. Дело в том, что сам Слащёв называл её в своей книге «Крым, 1920» «ординарец Нечволодов». Вертинский, встречавшийся со Слащёвым, в своих воспоминаниях называл её «ординарцем Никитой» и Лидой. Также у него встречается вариант Нина Николаевна Ничволодова. Т. е. изменённая фамилия. Скорее всего, многие даже не знали настоящего имени Нины Нечволодовой. Является ли жена Якова Слащёва Ниной Павловной Нечволодовой, я утверждать не могу».

Знамя лейб-гвардии Финляндского полка, в котором служил и воевал Слащёв и которое он вместе с остатками полка вывез в Константинополь, в Центральном музее Вооружённых Сил СССР в Москве оказалось уже в 1949 году. Из Франции его передал В.В. Ушаков, хранивший у себя эту святыню с 1921 года.

Источники и литература

Аверьянов П.И. Генерал Слащов-Крымский. Неизвестная Россия. XX век. Книга III. М., 1993.

АПРФ. Ф. 3. Он. 3. Д. 241. Л. 83.

АПРФ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 241. Л. 69–80.

Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М., 1989.

Бобров С. Видно, не испила я ещё горькой чаши моей. Станица. № 1, 2004.

Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978.

Булгаков М. Грядущие перспективы. Собачье сердце. Белая гвардия. Бег. Великий канцлер. М., 1993.

Булгаков М. Собрание сочинений. Записки покойника. М., 2002.

Булгаковская энциклопедия. Академик, 2009. Интернет.

Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Вертинский А. Дорогой длинною… Стихи и песни. Рассказы, зарисовки, размышления. Письма / Сост. и подгот. текста Ю. Томашевского, послесл. К. Рудницкого. — М., 1990.

Википедия: Барон Врангель Пётр Николаевич. Интернет.

Википедия: История Николаева и Николаевской области. Интернет.

Википедия: Михаил Афанасьевич Булгаков. Интернет. Википедия: Нестор Иванович Махно. Интернет. Википедия: Пажеский Его Императорского Величества корпус. Интернет.

Википедия: Яков Григорьевич Гуревич. Интернет.

Военная одежда Вооружённых сил СССР и России. 1917–1990 гг. М., 1999.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Волков С.В. Офицеры Российской гвардии. М., 2002.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб., 2003.

Врангель П.Н. Главнокомандующий. М., 2004.

Выстрел. Журнал Курсов «Выстрел». № 2, 1926.

Гаврилов С. Белый генерал. Николаевская областная Интернет-газета, 8 декабря 2008 г.

Гаврилов С. Безумный герой Михаила Булгакова. Николаевская областная интернет-газета, 30 июля 2009 г.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы

Гражданской войны 1917–1928. Справочные материалы. М., 2009.

Гатчинский некрополь. Список захоронений Нового гатчинского кладбища. Интернет.

Генерал А.П. Кутепов. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.

Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М., 1990.

Гулевич С. История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906 гг. СПб., 1907.

Гуль Р. Я унёс Россию. Россия во Франции. Том 2. М., 2001.

Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 2–3. М., 2005.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 4–5. М., 2005.

Деникин А.И. Путь Русского офицера. Статьи и очерки. М., 2006.

Доставалов Е.И. Политический памфлет. Источник. № 3,1994.

Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь, 2004.

Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной. Вопросы истории. № 4, 1981.

Зданович А. Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002.

Известия Николаевского губисполкома и Губкома КПбУ № 244, о г 20 ноября 1920 г.

Кавтарадзе А.Г. Военспецы на службе Республики Советов. М., 1988.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Том 2. 1919–1920. М., 1990.

Каневский К. Не миром кончаются войны. Одесса в 1921 году. Порто-Франко. № 21,8 июня 2012 г.

Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003.

Конева Н.И. Маршал Конев — мой отец. М., 2007.

Краснов П.Н. Воспоминания о русской императорской армии. М., 2006.

Кручинин А.С. Белое движение. Исторические портреты. Генерал-лейтенант Я.А. Слащов-Крымский. М., 2006.

Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Вопросы истории. № 2, 2001.

Мартынов Е.И., Свечин А.А., Ахромеев С.Ф. Хорошо забытое старое. Сборник статей. М., 1991.

Мельник Д.В. В стане белых и в Советской России он оказался не ко двору. Русская линия, 24 декабря 2005.

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух веков. М., 2004.

Оболенский В.А. Крым при Деникине. На чужой стороне. Кн. 8. Берлин — Прага, 1924.

Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Кн.9. Прага, 1925.

Окунев Н.П. Дневник москвича. 1920–1924. М., 1997.

Орлов В. Двойной агент. М., 1998.

Перекоп и Чонгар. Сборник статей и материалов. М., 1933.

Покровский С. Работа белой авиации в Крыму и Северной Таврии в 1920 году. Авиация и космонавтика. № 1, 1994 г.

Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях военачальников. М., 1994.

Пронин А. Бег генерала Слащёва-Крымского. Столетие, интернет-газета, 5 апреля 2011 г.

Раевский Н.А. Дневник галлиполийца. Простор № 1–2, 2002 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 722. Л. 5.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 724. Л. 5.

РГВА. Служебные карточки на Слащёва Якова Александровича. Из коллекции архива.

РГВА. Высшие Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел». Историческая справка. Путеводитель. Том 2. М., 1993.

Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.

Русская армия в Великой войне: Картотека проекта. Интернет.

Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. Том 1. Так начиналось изгнанье 1920–1922 г. Книга 2. На чужбине. М., 1998.

Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 2002.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 232. Л. 7.

Сайт: Павловское военное училище. Интернет.

Сайт: Русская Императорская Армия. Императорская Николаевская военная академия. Интернет.

Сахаров В.И. Михаил Булгаков: писатель и власть. По секретным архивам ЦК КПСС и КГБ. М., 2000.

Скобцев Д. Партизан Шкуро и его отряд. Первопоходник. № 27–28,1975.

Слащёв Я.А. Ночные действия. СПб., 1913.

Слащёв-Крымский Я.А. Оборона и сдача Крыма. Константинополь, 1921.

Слащёв Я.А. Манёвр как залог победы. Выстрел № 3, 1926.

Слащёв Я. Мысли по вопросам общей тактики. Из личного опыта и наблюдений. М., — Л, 1929.

Слащёв-Крымский Я.А. Крым, 1920. М., 2003.

Слащёв Я.А. Конец армии великой России. Солдат удачи. № 12,1996.

Смыслов О. Любовь на службе царской. От Суворова до Колчака. М., 2012.

Софронов И. Личность: «Генерал Яша». Братишка, декабрь 2011 г.

Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.

Тинченко Я. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики. Киев, 2007.

Трембовельский А. Эпизоды из жизни 3-го отряда танков. Первопоходник. № 4, декабрь 1971 г.

Троянов Т. За Россию и свободу. Подвиг Белого дела. 1917–1923 гг. М., 2007.

Туроверов Н. Стихи. Книга 5. Париж, 1965.

Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. М., 1964.

Хинштейн А. Подземелья Лубянки. М., 2005.

Ходнев Д. Лейб-Гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войне. 1914–1920. Белград, 1932.

Хронос. Слащёв Яков Александрович. Биографический указатель. Интернет.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 144. Л. 95–98.

Чапаева Е. Мой неизвестный Чапаев. М., 2005.

Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Февральской революции. Вопросы истории. № 9, 2002.

Ченнык С. Генерал Слащёв: «Из Крыма не уйду». Первая Крымская информационная газета. № 73,13 мая/19 мая 2005 г.

Ченнык С. За защиту Крыма. Military Крым, избранное. Интернет. 18.07.2006 г.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982.

Широкорад А.Б. Упущенный шанс Врангеля. М., 2009.

Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 2004.

Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907.